

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока

Н.Н.Крадин

КОЧЕВЫЕ ОБЩЕСТВА
(проблемы формационной характеристики)

Владивосток
"Дальнаука"
1992

УДК 390+300.331

Крадин Н.Н. Кочевые общества (проблемы формационной характеристики) / Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. Владивосток: Дальнаука, 1992. 240 с.

В монографии дается остояние дискуссии о характере общественного строя кочевых обществ. Анализируется экономический базис нomaдизма, его социально-экономическая структура и формы социополитической организации. Предлагается нетрадиционное решение вопроса формационной природы кочевничества.

Для историков, этнографов, археологов, философов, а также всех, кто интересуется дискуссионными проблемами докапиталистических обществ.

Издано по решению Научно-издательского совета ДВО РАН

Ответственный редактор д.и.н. Э.В.Шавкунов

Рецензенты д.и.н., д.ф.н. В.П.Ильмечкин
д.и.н. П.В.Кочешков

ISBN 5-7442-0457-1

Н.Н.Крадин, 1992 г.

"Различные языки и точки зрения на систему могут оказаться дополнительными, поскольку все они связаны с одной и той же реальностью, но не сводятся к одному-единственному описанию. Неустрашимая множественность точек зрения на одну и ту же реальность означает невозможность существования божественной точки зрения, с которой открывается "вид" на всю реальность".

И.Пригожин, И.Стенгерс

ПРЕДИСЛОВИЕ

В марксистском кочевниковедении вопрос о формационной природе нomaдизма является, пожалуй, ключевым, и при его решении логичным было бы опираться на общетеоретические универсалии. Однако в настоящее время с полной очевидностью можно говорить о глубоком кризисе марксистского понимания мироздания. Следует оговорить, что под марксизмом, в данном случае, я понимаю не псевдонаучную идеологическую доктрину, проповедующую неизбежность свержения капитализма и установления коммунистического равенства, а направление в социологических науках, в традиции которого входит объяснение исторического процесса с материалистических позиций в категориях понятийного аппарата, разработанного К.Марксом. И таких причин кризиса марксизма мне видится две. Во-первых, кризис и распад мировой системы социализма, разрушившие снаружи стройный фундаментальный "пятизм" человеческой истории, и, во-вторых, догматизм и закрытость марксистской философии истории, подорвавшие пятичленку еще ранее изнутри. Не случайно в настоящее время практически все неортодоксально мыслящие ученые, так или иначе относящиеся к марксистскому лагерю, отказались от догматической пятичленной схемы.

Существующие сейчас подходы условно можно обозначить как "однолинейные", "многолинейные" и "смешанные". Первые отличаются от пятичленной схемы количеством формаций (разумеется, только этим различия не ограничиваются). Либо их шесть - между первобытностью и рабовладением исследователи располагают "азиатский (политарный) способ производства" /Коранашвили,

1978; 1988; Теория..., 1982, с.156-164; Капустин, 1988; Семенов, 1988 и др./ Либо их четыре - вместо рабовладения и феодализма единая докапиталистическая формация: "сословно-классовое общество" /Илюшечкин, 1986; 1986а; 1990/ или, так называемый, "вечный феодализм" /Кобищанов, 1974; 1986/.

Многолинейный подход к всемирной истории наиболее последовательно отстаивает Л.С.Васильев /1983, с.56; 1984; 1985; 1988/. По его мнению, во всей последовательной истории существуют только две формационные линии: "государственно-собственническая" и "частно-собственническая". Похожая позиция сформулирована в работах А.И.Фурсова /1989; ПСИКА, 1988, с.5-53/, считающего, что вторичная макроформация распадается на "субъектный" развивающийся (рабовладение, феодализм и капитализм) и "системный" тупиковый (азиатский способ производства) потоки, а также в статьях А.А.Кара-Мурзы /1989; 1990/.

Промежуточное место занимают те исследователи, которые, как правило, опираясь на концепцию исторического процесса К.Маркса /об этом см.: Бородай и др., 1974, с.73/, выделяют на добуржуазной стадии вторичной формации несколько возможных моделей развития /Меликишвили, 1972; Киселев Г.С., 1985; 1988; Павленко, 1987; 1989; Седов, 1987 и др./.

Кризис коснулся не только марксистского понимания исторического процесса, но и затронул концептуальное "ядро" парадигмы - категорию "общественно-экономическая формация". Философы-формационщики бурно дискутируют вопросы: является ли формация типом-стадией общества или конкретно-исторической эпохой; составляют суть формации только экономические отношения (так называемая "узкая" трактовка термина) или все общественные отношения в целом ("широкая" трактовка); являются ли формации реальностью или же это только теоретические абстракции; может ли быть формация многоукладной или состоит только из одного способа производства.

К сожалению, приходится констатировать, что удовлетворительного объяснения, что же такое общественно-экономическая формация, никто из философов так и не дал. К тому же полемика, большей частью, носит схоластический характер, поскольку многие авторы не поднимаются выше фехтования на цитатах из классиков. Силадывается своего рода замкнутый круг: этого не

может быть, поскольку Ф.Энгельс и В.И.Ленин этого не писали. Но ведь они не писали потому, что этого еще не было! Можно только согласиться с Л.Грэхемом, полагающим, что "советские философы зачастую попусту растрачивают этот интеллектуальный потенциал марксизма, поддерживая догматическую философию, поднимая ее до уровня политической идеологии, используемой, в свою очередь, для оправдания государственной бюрократии... Они не в состоянии до конца осознать тот интеллектуальный потенциал, который заключен в призыве марксизма к подлинно научному подходу к изучаемым явлениям. В результате они оказываются на позициях, не связывающих диалектический материализм с теми новыми концепциями, которые возникают в западной философии и с которыми он потенциально мог бы конкурировать" /1991, с.34/.

Может быть в такой ситуации целесообразно было бы вообще отказаться от марксистского подхода к истории? Думаю, что нет. Марксизм в отечественной науке имеет столь глубокие корни (я имею в виду не только последние семьдесят лет развития), что попытка их насильственного удаления вряд ли бы принесла больше пользы, чем вреда. В настоящее время марксизм по-прежнему доминирует в отечественной социологии и с ним по большому счету способен конкурировать, пожалуй, только позитивистский отказ от намерения понять закономерности эволюции человеческих обществ вообще.

Вместе с тем всегда следует помнить, что "даже если старая теория превзойдена, она часто сохраняет свое значение как некоторый предельный случай новой теории" /Допнер, 1983, с.194/. Марксова теория формаций сохраняет свое значение как вариант объяснения смены стадий технологического и социально-экономического роста и по сей день. Более того, в этом плане между марксистами и теми, кто традиционно считался их главными оппонентами, намного больше схожего, нежели противоположного. Я, например, структурно не вижу принципиальной разницы между марксовым членением на "первичную", "вторичную" и "третичную" формации и выделением в рамках "вторичной" двух "крупных форм": докапиталистической (азиатской, античной, германской) и буржуазной, и распространенным на Западе разделением на примитивные, традиционные, индустриальные и постиндустриальные общества (стадии).

Просто формационная теория не должна претендовать на единственно верный взгляд на историю человечества. И. Пригожин и И. Стенгерс отмечают, что "содержание системы не исчерпывается каким-либо одним теоретическим языком" /1986, с.289/. Марксистам следует признать, что теория формаций является лишь одним из возможных подходов к изучению человека и общества, поскольку в ее основу положен лишь один из критериев – классификация социальных систем по различным типам и стадиям производственной деятельности людей, которые "не могут производить, не соединяясь известным образом (выделено мною – Н.К.) для совместной деятельности и для взаимного обмена своей деятельностью" /Маркс, Энгельс, т.6, с.441/. Более того, формационный подход не в состоянии охватить все сферы социальной жизни. Экономические стадии никак не влияют на смену этносов /Гумилев, 1989а; 1990/, на такие вечные для человечества проблемы, как добро и зло, счастье, любовь, смерть.

Между тем, человеческие общества можно классифицировать и изучать исходя и из других критериев /см., например: Ретем, 1988, с.154–157/: хозяйственно-культурных типов, рас, языковых групп, уже упомянутых этносов, различий в культуре и пр. Каждый из этих подходов имеет право на самостоятельное существование, собственные закономерности, хотя возможно их частичное пересечение по принципу кругов Эйлера. При этом все подходы неразрывно связаны и являются только разными сторонами познания общества и индивида. Если исходить из так называемого принципа дополнителности, сформулированного Н.Бором, то реальный урок, который можно из него извлечь, "состоит в констатации богатства и разнообразия реальности, превосходящей изобразительные возможности любого отдельно взятого языка, любой отдельно взятой логической структуры" /Пригожин, Стенгерс, 1986, с.290/.

Разумеется, это не означает, что исследователь не вправе использовать только один марксистский подход. Но в то же время это не значит, что и в других своих работах я, например, обязан следовать лишь марксизму. Можно только приветствовать мнение, высказанное Г.Померанцем /1991, с.54/, что одно и то же явление для его более глубокого изучения исследователь может и должен описывать различными логическими моделями (или в

рамках различных теоретических парадигм).

Далее необходимо отметить, что сущность общественно-экономической формации нельзя сводить только к какому-то одному типу социальной связи. Такого рода упрощение делает схему мертвой, неработающей. Об этом писал еще более двадцати лет назад А.Я. Гуревич /1968; 1990, с.36-37/. К похожему выводу применительно к античности независимо пришли Ю.В. Качановский и Ю.И. Семенов, поскольку способ производства данной формации (отношения между рабами и рабовладельцами) в принципе не мог функционировать без иных общественных и экономических подсистем /Диалектика..., 1979, с.16-22; Теория..., 1982, с.146-147/.

Эту мысль можно продолжить ссылкой на мнение о сущности феодального общества такого известного авторитета в области доиндустриальной истории, как Ф.Бродель. Критикуя догматизм французских марксистов Ш.Парэна и П.Вилара, сводивших феодальный способ производства только к взаимоотношениям между сеньорами и крепостными земледельцами, он писал, что феодализм включал в себя пять основных подсистем: 1) сеньориально-крестьянские отношения; 2) церковь; 3) территориальное государство; 4) феодально-рыцарская вассальная иерархия; 5) город. "То была не одна система, но несколько систем, не одна иерархия, но несколько иерархий". "Такой плюрализм оказывался важнейшим фактором движения в той же мере, как и сопротивления движения. Перед лицом констатации этого любая эволюционная схема, даже марксова, становится более ясной" /Бродель, 1988, с.446, 467, 468/.

Вполне объяснимо, что в научном анализе ученые предпочитают иметь дело с "чистыми" явлениями и формами, поскольку конечная цель науки - сведение знания о сложном в простые и понятные модели. Возможно здесь срабатывает еще и подсознательное убеждение разума исследователя, что чем чище явление от случайностей и наслоений, тем лучше. "Это миф ученых, потому что ученые любят простоту" /Шанин, 1990, с.16/.

Однако многочисленные факты из различных наук демонстрируют, что природа не терпит абсолютной чистоты. Однообразие в природе является менее жизнестойким. У одновидовых систем нет иммунитета и они слабее реагируют на отрицательные внешние возмущения. "Сама природа, которая нас окружает, демонстрирует нам великое многообразие форм, и надо было совершенно оторвать

себя от нее, чтобы не видеть, не чувствовать и не понимать это" /Шанин, 1990, с.16/. Даже в человеческой истории сознательные попытки построения чистых систем быстро кончались неудачей. Для успешного функционирования такой системы было необходимо включение в механизм антисистемного компонента. Азиатский способ производства без ограниченного бюрократией рынка и социализм без "барахолки" и теневой экономики это конструкции продуктивно работающие только на бумаге. Так почему же в теории нужно так огрублять логическую модель?

Не случайно современное естествознание интенсифицирует исследования в области нелинейных, "нечистых" систем /Огурцов, 1989, с.21 и сл./. Такого рода переход необходим и в науках об обществе. И если говорить о формационном подходе, то необходимо отказаться от "узкой" трактовки понятия формация. На мой взгляд, в этот термин следует вкладывать более расширительный смысл: формация – это идеальная модель социального организма определенного типа, основанного на особом способе организации труда и присвоения природы. Эта идеальная модель рассматривает общество как систему, состоящую из различных подсистем. Данные подсистемы связаны друг с другом, функционируют во взаимной зависимости, но каждая по своему. При этом лакмусовой бумажкой формационности выступает системообразующая экономическая форма (способ производства), которая активно воздействует на все остальные подсистемы. Такую форму можно было бы назвать иначе формационнообразующей подсистемой или формационнообразующим укладом.

Формации в первую очередь принято понимать как сменяющие друг друга стадии. Эти стадии отличаются друг от друга относительно устойчивым набором качественных характеристик. При этом членение на такие крупные хронологические этапы как формации опирается на допущение о сравнительной однородности социально-экономических структур единичных социальных организмов в пределах выделенных стадий. Действительно и древний Египет эпохи среднего царства, и афинский полис времен Перикла, и английское королевство периода правления Вильгельма Завоевателя в противопоставлении, с одной стороны, к первобытным, а с другой, к индустриальным обществам, могут рассматриваться как однопорядковые объекты, объединенные в единый классификацион-

ный ряд. Однако в сравнении друг с другом указанные общества вряд ли могут быть приведены к единому знаменателю. Различий здесь намного больше, чем сходств.

Такой вывод, в принципе, не нов. Еще в начале 70-х гг. Г.А. Меликишвили попытался объединить стадийный и типологический подходы в применении к докапиталистическим обществам, показав, что их (подходов) сочетание позволяет более объемно представить исторический процесс. Формации, по его мнению, обозначают "основные стадии развития человеческого общества". Таких стадий три: первобытное бесклассовое, классовое и развитое бесклассовое общество. Стадии делятся на этапы. На классовой стадии можно выделить несколько типов, критерием классификации которых являются формы "отношений господства и подчинения". Для примера древневосточные общества стадийно могут быть определены как раннеклассовые, а типологически как протофеодальные /Меликишвили, 1972, с.63, 64/.

Подобным образом пытались синтезировать синхронный и диахронный срезы всемирной истории и другие исследователи, в частности Ю.Г.Ершов, разграничивающий стадийную ("абстрактно-теоретическую") и типологическую ("конкретно-теоретическую") периодизацию исторического процесса /1981/, Д.Трайде, поддерживающий выделение "горизонтального" и "вертикального" уровней в теории формаций /Treide, 1983, а. 136/, Ю.В.Павленко, настаивающий на "вертикальном" (стадии и ступени) и "горизонтальном" (пути развития) членении докапиталистических эксплуататорских обществ /1989/ и пр.

Однако представляется тем не менее очевидным, что в пределах каждой стадии, а не только в докапиталистических обществах, можно выделить несколько различных моделей социальных систем*. Еще раз повторю, что в традиционных структурах это, в первую очередь, античные, феодальные и политарные (государственные), и, возможно, какие-нибудь еще типы обществ. На индустриальной стадии в современный период в самом широком приближении -

* Это только констатация факта. Как объяснить преемственность между типами различных стадий и всегда ли есть такого рода связь - это особый вопрос, требующий обстоятельного исследования.

капиталистические, социалистические и так называемые развивающиеся страны. Даже применительно к первобытности, на мой взгляд, можно говорить о мозаичности социальных структур. Нельзя объединять в единый ряд бушменов Калахари, германцев эпохи Цезаря, меланезийские и полинезийские вождества, туарегов Ахаггара, древних китайцев периода культуры Яншао. Различие между ними носит не только стадийный характер. Во всяком случае, выделенные К.Марксом в "Формах, предшествующих..." азиатский, античный и германский типы *Gemeinwesen* я бы предпочел трактовать именно в таком контексте.

Следует только помнить, что эволюция человечества представляет собой недетерминированный и непредсказуемый процесс. С одной стороны, "классификация без "пустых" мест еще более подозрительна в социологии, чем в химии, поскольку первая в отличие от последней имеет эволюцию в качестве прямого предмета исследования" /Израитель, 1975, с.45/. С другой стороны, с нашей точки зрения, человечество уникально, поскольку других планетарных цивилизаций нам не известно и не с чем сравнивать ход нашей эволюции. По этой причине "мы "обречены" путать необходимое со случайным, как, наблюдая один-единственный дуб, мы никогда бы не могли сказать, является ли данное искривление ствола случайным, или же это - стадийная закономерность развития" /Фурман, 1990, с.46/.

Трудно не согласиться с И.Пригожиным и И.Стенгерс, что "наше видение природы претерпевает радикальные изменения в сторону множественности, темпоральности и сложности. Долгое время в западной науке доминировала механическая картина мироздания. Ныне мы сознаем, что живем в плюралистическом мире. Существуют явления, которые представляются нам детерминированными... помимо детерминированных процессов, некоторые фундаментальные явления, такие, например, как биологическая эволюция или эволюция человеческих культур, должны содержать некоторый вероятностный элемент" /1986, с.34/.

Мне кажется, что теоретически на каждой формационной ступени возможно существование определенного множества типологических вариаций, из которых в силу конкретных обстоятельств реализуется только определенная часть. По этой причине я бы предложил различать в формационной теории два принципиально

II

отличных уровня: стадиальный и типологический. Для удобства терминологического аппарата при понимании формации как стадии можно использовать термин мегаформация, оставив за дефиницией формация ее более узкий типологический смысл.

Таковы в общих чертах некоторые исходные посылки, которые, по моему убеждению, должны способствовать преодолению кризиса марксистского подхода к социальной эволюции, приведению его в соответствие с накопленными современной наукой фактами. По мере возможности я постарался реализовать эти принципы в настоящей книге. Главная цель работы — сформулировать особенности формационной природы нomaдизма. Проблема для марксистской историографии, разумеется, не новая. Тем не менее ни одной специальной монографии на эту тему нет. Во всех книгах марксистских историков /Качановский, 1971; Hinder, Hirst, 1975; Тёкеи, 1975; Никифоров, 1977; Ильишечкин, 1980, 1986, 1986а; Куббель, 1988; Bratkiewicz, 1989 и др./, философов /Коранашвили, 1986; Павленко, 1989/, экономистов /Нуреев, 1989/, специально посвященных теории докапиталистических обществ, главное (а часто и единственное) внимание уделено земледельческо-городским цивилизациям.

Я попытался рассмотреть три наиболее важные с точки зрения формационного подхода подсистемы кочевых обществ: экономический базис, социально-экономическую структуру и социально-политическую организацию. Выявление основных характеристик рассмотренных подсистем дало возможность определить системообразующие черты нomaдизма и сопоставить их с параметрами таких идеальных моделей, как первобытнообщинный строй, азиатский (государственный, политарный) способ производства, рабовладение, феодализм. Полученные результаты позволили предложить свое решение проблемы и выявить место кочевничества на шкале всемирно-исторического процесса. Впрочем, насколько это удалось, судить уже читателям и оппонентам. Остается только добавить, что эта работа развивает положения, изложенные в депонированной в 1987 г. в ИНИОН АН СССР монографии "Социально-экономические отношения у кочевников в советской исторической литературе". И если в той работе меня в большей степени интересовал ход самой дискуссии — драма идей, то здесь главное внимание уделено аргументации собственной концептуальной линии.

ИЗ ИСТОРИИ ДИСКУССИИ О ФОРМАЦИОННОЙ ПРИРОДЕ НОМАДИЗМА

История изучения кочевников насчитывает много столетий, поскольку интерес кномадам проявлялся еще с глубокой древности. И хотя кочевой мир был плохо известен земледельческим народам, путешественники и торговцы редко проникали в степь, а их наблюдения содержали множество преувеличений, домыслов и фантастических измышлений, именно в древности появляются первые труды, содержащие описания нравов и обычаев номадов, их расселение, важнейшие события политической истории. Относительно общественного строя кочевников историки и географы древности были, как правило, единодушны: номады — это варвары.

В средние века в Европе, когда все формы общественного сознания, включая науку, были насильственно пронизаны религиозным мировоззрением, продолжало господствовать мнение о кочевниках, как о "биче божьем", несущем смерть и разрушение. Тем не менее очень близко к пониманию сущности эволюции кочевых обществ подошел выдающийся арабский историк и философ Ибн-Хальдун (1332—1406), социологическая концепция которого многими современными марксистами и марксистскоориентированными авторами характеризуется как вполне зрелый "марксизм до Маркса" /о его взглядах см.: Бациева, 1965; Игнатенко, 1980/.

Ибн-Хальдун рассматривает две основные формы примитивности — общины земледельцев и кочевых скотоводов. Переход к государственному состоянию (цивилизации) у первых осуществлялся "органично", в силу внутренних факторов. Кочевники же "самые дикие из людей и по отношению к цивилизованным людям занимают ступень дикого, необузданного и хищного животного" /Ибн-Хальдун, 1980, с.133/. Они привычны к суровой жизни, полной лишений, активны и подвижны, среди них нет неравенства и раздоров. По этой причине они хорошие воины и составляют прочную группировку, способную завоевать изнеженных, трусливых и разобщенных неравенством земледельцев.

Первоначальное условие завоевания — создание асабийи. Асабийя — это "групповая солидарность" родственных групп, связанных общими интересами. "Знай, что подготовка государства и его

создание осуществляется асабийей. Неизбежно должна существовать крупная группировка, объединяющая и ведущая за собой другие группировки" /Ибн-Хальдун, 1980, с.145/. После завоевания земледельцев асабийя становится субъектом государственной власти, распространяемой на завоеванные территории. "Дело государя осуществляется его людьми, т.е. его группировкой, его соратниками. С ними он одолевает выступающих против его государства, из них он выбирает, кого облечь властью в своих владениях, в управлении государством, в сборе причитающихся ему денег" /там же, с.141-142/. Такое государство кочевников может быть названо ксенократическим (от греч. "ксено" - чужой и "кратос" -власть).

Каждое государство существует не более 120 лет, т.е. не более трех-четырёх поколений. Второе поколение, следующее за основателями ксенократии, живет уже в состоянии цивилизации, в изнеженности и роскоши. Примитивный демократизм сменяется неравенством среди кочевников завоевателей, асабийя расслаивается, бывшие соратники, ставшие администраторами на местах, обогащаются и начинают проводить сепаратистскую политику. Правитель теперь "начинает нуждаться в близости кого-то другого, чужаков, на которых он опирается в борьбе против бывших соратников, отстраняя их от дел и от соучастия. Он наделяет чужаков властью над теми. Они становятся ближе ему" /там же, с.142/. Из этих чужаков и приспешников складывается новая асабийя, но "это не та тесная связь, подобная узде" /там же, с.145/. В конечном счете, резюмирует Ибн-Хальдун, "держава - не тем, кто ее создавал, а слава - не тем, кто ее добывал" /там же, с.142/.

Третье поколение деградирует все больше и больше. Предвестником гибели государства является роскошь. "Умножаются траты и растут расходы власти и государственных людей... Роскошь увеличивается и податей уже не хватает, и государство начинает чинить несправедливости и насилие над теми подданными, что под его дланью" /там же, с.146/. Энтропия власти свершается все дальше и дальше, и если кто-нибудь не завокет распадающееся государство, с тем чтобы создать новый политический механизм, то оно так и останется, "исчезая, пока не пропадет, подобно огню в светильнике, когда кончается масло и гаснет светильник" /там же, с.147/.

Изменения в изучении кочевых народов начинаются с эпохи

географических открытий. Расширяются связи между Востоком и Западом, в заморские страны в поисках денег, славы и приключений потянулся нескончаемый поток купцов, завоевателей, миссионеров и авантюристов. Примерно к середине XVIII в. появляются первые сводки по истории Китая, основанные на переводах китайских летописей. Кочевые народы в них рассматриваются постольку поскольку, в связи с историей Китая. В это же время выходит и первое специальное сочинение по истории кочевников — книга профессора Сорбонны и хранителя древностей в Лувре Ж.Дегюня / Deguignes, 1756-1758/. Спустя столетие эта книга вызовет резкую критику со стороны выдающегося русского ориенталиста Н.Я.Бичурина /Бичурин, 1950, т.1, с.45/. Но тем не менее для нас Дегюнь был первым, кочевниковедение как наука начинается именно с него.

В последующие годы XVIII-XIX вв. в европейской науке сложилось несколько научных школ, занимающихся изучением степных народов. Но практически для всех из них характерно отрицание классового общества у кочевников, подчеркивались дикая и неизменная, варварская природа их образа жизни, статичный характер общественных укладов. Впрочем, все это подчеркивалось исследователями как бы мимоходом, проблемы социальной истории в то время интересовали ученых намного меньше, чем события политической жизни изучаемых народов /d'Osson, 1834-1835; d'Osson, 1937; Howorth, 1876-1927; Cahun, 1896; Каун, 1914 и др./.

Вместе с тем проблемы общественного строя кочевников рассматривались в сочинениях многих философов XVIII-XIX вв., пытавшихся создать всеобщую концепцию развития человечества.

Ж.Боден, он жил несколько ранее, в XVI в., видел в климате определяющую силу развития человеческого общества. Он писал, что природа наградила кочевников храбростью, но не дала им мудрости и это не позволило им удержать завоеванные земли и создать великие империи. Влияние климата, по его мнению, обусловило такие черты характера, присущие кочевникам, как любовь к разного рода сборищам, пьянство, расточительство, жестокость, пристрастие к грабежам /Bodini, 1951, p.320-321/.

Просветители XVIII в. были склонны идеализировать прошлое, рисовали первобытность как золотой век, создавали образ "благородного дикаря", т.е. человека, не подверженного порокам цивилизованного мира. "Не изысканная, но обильная пища служит для них

как бы жалованьем", - писал о номадах Монтескье. "Их гораздо труднее убедить обрабатывать землю и ждать жатвы, чем бросать вызов и получать раны в бою". Он относил кочевников к "варварам". Главное отличие варваров от дикарей виделось ему в том, что последние не смогли объединиться в большие народы /Монтескье, 1955, с.397, 657, 658/.

Нечто подобное писал о номадах, в данном конкретном случае о татарах, Вольтер. "Их постоянные передвижения, их вынужденно скудная жизнь, с коротким отдыхом под шатром или на повозке, или на земле, превратили их в поколения людей могучих, закаленных против усталости, которые, подобно слишком размножившимся диким зверям, бросаются вдаль от своих логовищ" /цит. по: Залкинд, 1977, с.90/.

Несколько иначе чем просветители смотрели на кочевничество философы, видевшие в истории непрерывный прогресс разума и культуры. В основу своей концепции они клали эволюцию систем хозяйства и форм человеческой деятельности.

У А.Тюрго схема развития общества разделена на три ступени: охотники и собиратели; пастушеские народы; земледельцы. Тюрго ясно видел связь между степенью развития хозяйства и уровнем социальной организации: у номадов, по его мнению, появляются излишки продуктов, рабы /Тюрго, 1937, с.77-142/.

Подобных взглядов придерживался создатель "Эскиза исторической картины прогресса человеческого разума" Ж.Кондорсе. Прогресс по Кондорсе осуществлялся от охоты и рыболовства через скотоводство к земледелию. У пастушеских народов, по его мнению, появились ремесла, обмен, имущественное расслоение, собственность, законы, выделились знатные семьи, пленных стали обращать в рабство /Кондорсе, 1936, с.124-127/.

Эта же схема, носившая название "трех стадий", лежала в основе концепции шотландского ученого А.Фергюссона. Но он пошел несколько дальше своих предшественников. Именно у него, а не у Моргана, эти стадии получили ставшие нам привычными названия: дикость, варварство и цивилизация /ИПО, 1983, с.103/. В числе важнейших отличительных черт варварства от дикости Фергюссон назвал собственность. Для варвара "она хотя и не закреплена законом, но составляет главный предмет заботы и желаний" /цит. по: Токарев, 1978, с.125/.

Один из крупнейших представителей политэкономической науки XIX в. А.Смит также придерживался теории "трех стадий". Он расчленял историю человечества на дикость (охоту), пастушество и земледелие. Он высказал мысль, что поскольку скот рано перешел в частную собственность у кочевников, то, соответственно, должно было бы ускориться имущественное и социальное расслоение, создавались предпосылки для образования политических институтов /Смит, 1935, с.235-237/.

Несколько особняком выглядят взгляды Г.Гегеля. В своей "Философии истории" он отнес кочевников ко второй доисторической ступени развития. "У этих обитателей плоскогорий не существует правовых отношений, а поэтому у них можно найти такие крайности, как гостеприимство и разбой, последний особенно тогда, когда они окружены культурными странами... часто они собираются большими массами и благодаря какому-нибудь импульсу приходят в движение. Прежде мирно настроенные, они внезапно, как опустошительный поток, нападают на культурные страны, и вызываемый ими переворот не приводит ни к каким результатам, кроме разорений и опустошений. Такие движения народов происходили под предводительством Чингис-хана и Тамерлана: они все растаптывали, а затем опять исчезали, как сбегает опустошительный лесной поток, так как нет в нем подлинного жизненного начала" /Гегель, 1935, с.85/.

Однако, заметил Л.Н.Гумилев, кочевники для европейцев явление настолько экзотическое, что они не смогли существенно подняться над источниками в процессе их анализа. "Поэтому связь событий от них ускользает, а иногда события интерпретируются с китайской точки зрения" /Гумилев, 1967, с.93/. Ближе к решению кочевниковедческой проблематики, по его мнению, подошла русская школа номадологии. "Ученые русской школы настолько сроднились с Центральной Азией, что научились смотреть на ее историю "раскосыми и жадными" глазами степняков. Благодаря этому наши ученые уловили много нюансов, ускользавших от западных европейцев, и создали своеобразный аспект изучения кочевого мира" /Гумилев, 1967, с.94/. Конечно, в объяснении социологических закономерностей номадизма с современной точки зрения в работах кочевниковедов русской школы много наивного, но тот общий фон, который был присущ народам Великой степи многими из них был схвачен

совершенно точно!

Такие понятия, как чиновник, народ, область, собственность, писал в своей работе, посвященной истории уйгуров В.В.Радлов, имели в жизни степняков совсем иное значение, чем у земледельческих народов. При неблагоприятных условиях стада у кочевников уменьшались, при благоприятных же, напротив, увеличивались. "Неравенство собственности" выражалось в том, что богатый скотовод, кочуя, занимал больше пространства. Социальная организация кочевников имела сложную структуру: семья, подплемя, племя, орда. При этом богатым семьям было невыгодно кочевать с большими стадами и они разделяли свой скот на несколько аулов летом. Этот скот пасли зависимые "клиенты". О хане В.В.Радлов писал, что "чем больше выгод доставляет он своим подданным, тем самостоятельнее становится и его власть и тем значительнее собирается вокруг него государство". Ханская власть держится до тех пор, пока различные группы общества видят в ней для себя выгоду. Все кочевые государства по своему устройству очень похожи между собой. Их возникновение связано с усилением ханского рода. "Однако и самые страшные из таких государств исчезают бесследно лишь только личность или род, создавший такое государство, перестает соединять в себе всю государственную власть" /Радлов, 1893, с.65-75/.

В работе "Обозрение истории турецких народов" В.В.Бартольд очень похвально отозвался о изложении В.В.Радловым образа политической жизни номадов. "Главный вывод Радлова, который надо помнить и который труднее всего усваивается европейцами, - писал он, - это то, что ... у кочевников... юридической определенности нет и всякая власть в действительности является узурпацией" /Бартольд, 1968, с.427/. Однако далее В.В.Бартольд критически отозвался об использовании В.В.Радловым так называемой "родовой теории", т.е. за то, что тот все изменения в степи объясняет усилением и ослаблением отдельных родов. Но более резко В.В.Бартольд критиковал за "родовую теорию" Н.А.Аристов, который возникновение кочевых держав связывал с храбрыми, умными и счастливыми в своих предприятиях родоначальниками, достигшими усиления своей власти путем назначения во главе различных родов и племен своих родственников. Гибель степных государств, по Н.А.Аристову, происходила по причине усобиц в царству-

ющем роде, причем сепаратистские тенденции всегда усилились стремлением родов и племен к самостоятельности /Аристов, 1896, с.284/. "Аристов едва ли не все явления истории выводит из родового быта", - писал В.В.Бартольд в рецензии на труд своего коллеги. Но ведь в двух случаях, при восстановлении восточно-туркского каганата в VIII в. и при образовании империи Чингисхана в XIII в., "переворот в жизни кочевников находился в связи с борьбой между степной аристократией и демократическими элементами" /Бартольд, 1968а, с.278/.

Сам В.В.Бартольд полагал, что наряду с делением у кочевников на различные племена и родовые подразделения существовало и различие между богатыми и бедными с вытекающим отсюда антагонизмом сословий. В обычных условиях жизни "можно говорить только об общественном, но не о государственном строе" и лишь "в короткое время возникает не только сильная государственная власть, но и представления о великодержавном могуществе... для скольконибудь прочного существования кочевой империи необходимо, чтобы ее глава или путем набегов, или путем завоеваний давал своим подданным богатства культурных стран /Бартольд, 1964, ч.2, с.27-28/.

Рассматривая нoмадизм в рамках марксистского подхода к социальной эволюции, было бы целесообразно обратиться к анализу этой проблематики в работах основоположников данной социологической теории. Исследователи неоднократно обращались к их взглядам на различные стороны нoмадизма /Гольмстен, 1933; Равдоникас, 1936; Вяткина, 1968; 1969; Sellnow, 1968; с.8-9; Тихонов, 1969; Абрамзон, 1969; Хлопин, 1970; Мавродина, 1971; Арзиматов, 1983/ и, конечно же, использовали их высказывания для аргументации собственных положений. Однако специального комплексного исследования воззрений классиков на кочевничество еще не проводилось, если не считать несколько моих небольших экскурсов в эту проблему /Крадин, 1985; 1987, с.13-20; 1990, гл.1, § 2/. Поэтому с историографической точки зрения имеет смысл еще раз остановиться на данном вопросе. При этом следует отметить, что причиной существования такого пробела в марксологии, но-видимому, следует считать тот факт, что кочевники никогда серьезно не интересовали основоположников марксизма и в их обобщающих схемах всемирной истории нoмадам даже не нашлось

места /ср.: Бородай и др., 1972, с.70; 1974, с.73; Krader, 1975, p.136/.

Традиционно в деятельности К.Маркса и Ф.Энгельса марксологи выделяют три большие этапа: до европейских революций 1848-1849 гг.; от этих революций до Парижской коммуны 1871 г. и период после Парижской коммуны.

В первый период, который обычно называют периодом "раннего Маркса", в центре внимания классиков были философские проблемы их теории. Истории номадов в это время они, видимо, вообще не уделяли внимания. Нет оснований предполагать, что их представления о характере общественного устройства чем-либо отличались от общепринятых в то время. В "Немецкой идеологии", где К.Маркс и Ф.Энгельс впервые изложили свою концепцию первобытной истории в связи с общей теорией исторического материализма, кочевничество отнесено к первой среди последовательно сменявшихся форм собственности - племенной. "Она (т.е. племенная собственность - Н.К.) соответствует неразвитой стадии производства, когда люди живут охотой и рыболовством, скотоводством или, самое большее, земледелием... На этой стадии разделение труда развито еще очень слабо и ограничивается дальнейшим расширением существующего в семье естественно возникшего разделения труда. Общественная структура ограничивается поэтому лишь расширением семьи: патриархальные главы племени, подчиненные им члены племени, наконец рабы" /К.Маркс, Ф.Энгельс, т.3, с.20/.

Второй период деятельности основоположников научного социализма, охватывающий 50-60-е годы, характеризовался преимущественно разработкой политической экономии. И хотя основным объектом изучения К.Маркса и Ф.Энгельса была буржуазная формация, они, естественно, не ограничивались только ее анализом, а рассматривали и проблему генезиса капитализма из более ранних форм. Кроме того, возникший интерес К.Маркса и Ф.Энгельса к до-буржуазным эпохам (особенно к Востоку) отчасти можно объяснить тем, что они после поражения европейских революций 1848-1849 гг. стали возлагать определенные надежды на освободительные движения стран, угнетенных европейским капиталом /Маркс, Энгельс, т.7, с.26/.

В конце мая 1853 г. Энгельс в письме К.Марксу поделился своими соображениями об истории Востока, возникшими у него при

чтении книги Ч.Форстера "Историческая география Аравии". Он писал, что кочевники стояли на более низкой ступени развития, чем земледельческие народы. "Там, где арабы жили оседло, - на юго-западе - они были, видимо, такими же цивилизованными народами, как египтяне, ассирийцы и т.д." /Маркс, Энгельс, т.28, с.210/. В другой работе об Афганистане Ф.Энгельс упомянул, что афганские вожди осуществляют над различными кланами "нечто вроде феодального господства" /Маркс, Энгельс, т.14, с.781/. Если сопоставить эти фразы с другими высказываниями К.Маркса и Ф.Энгельса, то можно предположить, что в начале 50-х годов кочевые народы они по-прежнему рассматривали как "наименее цивилизованные слои" населения /Маркс, Энгельс, т.4, с.350, 351; т.9, с.92, 225; т.10, с.113/. В статье "Вынужденная эмиграция" К.Маркс высказал предположение о большой роли войны у кочевников, необходимости больших пространств земли, ограниченности прироста населения, что свидетельствовало о значительной экстенсивности скотоводческого хозяйства. "То были племена, занимавшиеся скотоводством, охотой и войной, и их способ производства требовал обширного пространства для каждого отдельного члена племени... Рост численности у этих племен приводил к тому, что они сокращали друг другу территорию, необходимую для производства. Поэтому избыточное население было вынуждено совершать полные опасности великие переселения, которые положили начало образованию народов древней и современной Европы" /Маркс, Энгельс, т.8, с.568/.

Особенно много замечаний о кочевниках было сделано К.Марксом в процессе работы над черновыми рукописями и беловым вариантом "Капитала". По его мнению, скотоводство (как, впрочем, и земледелие в его добуржуазных формах) представляло собой производство "особого рода", где "человеческий труд выступает скорее лишь как помощник природного процесса", который надо только "контролировать и направлять" /Маркс, Энгельс, т.46, ч.П, с.238; т.47, с.533/. Тем самым К.Маркс подчеркнул большую связь с природой, растворенность человека в ней на ранних этапах истории.

Экономика у кочевников, по представлению К.Маркса, была в значительной степени экстенсивной /Маркс, Энгельс, т.25, ч.П, с.228/. Причиной, по его мнению, являлся весьма длительный период производства в скотоводстве. "Пшеница представляет собой

такой продукт, процесс производства которого продолжается один год, в то время как процесс производства быка продолжается 5 лет. Поэтому на быка затрачивается пять лет труда, на пшеницу — только один год" /Маркс, Энгельс, т.46, ч.П, с.99/. По этой же причине животноводство, по мнению К.Маркса, было весьма невыгодным для частного капиталистического хозяйства: лишь меньшая часть капитала (скота) находится в ежегодном обращении /Маркс, Энгельс, т.23, с.275-276/.

С другой стороны, К.Маркс отмечал, что затрачиваемый на пастбищное скотоводство труд весьма незначителен. "В животноводстве, когда оно ведется в крупных размерах, масса применяемой рабочей силы очень мала по сравнению с постоянным капиталом в виде самого скота" /Маркс, Энгельс, т.25, ч.П, с.327; см. также: т.48, с.547/.

Экстенсивность экономики позволяла развиваться скотоводству вширь, но не вглубь. Развитие же вширь подразумевает расширение территории для пастбищ. Это, по мнению К.Маркса, служило причиной миграций. "Перенаселение... проявлявшееся в борьбе отдельных племен друг с другом, не доказательство того, что земля не в состоянии прокормить столь небольшое количество людей, а говорит о том, что условия их воспроизводства требовали большого количества территорий для немногих людей" /Маркс, Энгельс, т.46, ч.П, с.105/. Вместе с тем экстенсивность экономики обуславливала большое значение дополнительных источников существования: войны, охоты, особенно торговли /Маркс, Энгельс, т.46, ч.П, с.480/. "С другой стороны, в прямую противоположность развитию городов и его условиям, — писал Маркс, — торговый дух и развитие торгового капитала часто свойственны как раз неоседлым, кочевым народам" /Маркс, Энгельс, т.25, ч.П, с.365/.

Особый интерес среди подготовительных работ к "Капиталу" вызывает рукопись К.Маркса "Формы, предшествующие капиталистическому производству". В ней он предпринял попытку выделить основные формы докапиталистической общины (*Gemeinwesen*) и, следовательно, основанные на них способы производства и формы собственности.

Кочевники отнесены К.Марксом к первой из трех форм общины — азиатской (народы, занимающиеся "исключительно охотой и рыболовством, — по его мнению, — находятся позади того пункта,

откуда начинается действительное развитие" /Маркс, Энгельс, т.46, ч.1, с.44/. Соответственно им выделено несколько основных признаков азиатской общины: во-первых, полное господство натурального хозяйства, нерасчлененное единство города и деревни; во-вторых, наличие искусственного орошения и организации общественных работ в государственном масштабе и, в-третьих, в связи с этим необходимость особой политической надстройки в форме деспотии; в-четвертых, существование государственной собственности на землю, общины выступают лишь как наследственные владельцы /см.: Маркс, Энгельс, т.46, ч.1, с.462-464/.

Обратимся теперь к анализу К.Марксом форм собственности у кочевников на основные средства производства: землю и скот.

Земля, по его мнению, выступала для кочевников в роли всеобщего средства производства*. "Земля - вот великая лаборатория, арсенал, доставляющий и средство труда, и материал труда, и место для жительства" /Маркс, Энгельс, т.46, ч.1, с.463/. Она находилась у кочевников в коллективной собственности. "Ее используют как пастбище и т.д., на ней пасутся стада, которые, в свою очередь, доставляют средства существования пастушеским народам. Они относятся к земле как к своей собственности, хотя и нигде не фиксируют этой собственности" /Маркс, Энгельс, т.46, ч.1, с.479/. Наличие общей собственности на землю у кочевников К.Маркс объяснил тем, что земля в силу "первичной безграничности" и неразвитости производства выступает как природная предпосылка существования общества и человека. Индивид относится к земле "как к своему собственному неорганическому существованию, как к условию производства и воспроизводства" /Маркс, Энгельс, т.46, ч.1, с.478/. Кочевник существовал только как член общины,

* Еще в "Экономическо-философской рукописи 1844 г." К.Маркс подчеркивал, что "там, где источником существования (т.е. всеобщим средством производства - Н.К.) является земля - и конь и меч - там, где они являются истинными средствами существования, признаются также и истинными политическими силами. В средние века соловие становилось свободным, как только оно получало право носить меч. У кочевников обладание конем делает человека свободным, дает ему возможность принимать участие в жизни общины" /Маркс, Энгельс, т.42, с.136/.

являясь владельцем земли только в качестве ее отдельного члена, составного звена. "У кочевых пастушеских племен община фактически всегда собрана воедино; это общество совместно путешествующих людей, караван, орда и формы субординации развиваются здесь из условий этого образа жизни. Присваивается и воспроизводится здесь на самом деле только стадо, а не земля, которую однако на каждом месте стоянки временно используют сообща" /Маркс, Энгельс, т.46, ч.1, с.480/.

В отличие от земли, скот у кочевников, также являясь, в зависимости от угла зрения, и средством и предметом труда /Маркс, Энгельс, т.46, ч.1, с.225-226, 238; т.47, с.56, 57, 406; т.48, с.352/, очень рано перешел в частную собственность. "Кочевые народы, - писал К.Маркс, - первые развивают у себя форму денег, так как все их имущество находится в подвижной, следовательно, непосредственно отчуждаемой форме" /Маркс, Энгельс, т.23, с.99/.

Особенно интенсивно историей докапиталистических обществ К.Маркс и Ф.Энгельс начали заниматься с середины 70-х годов. Их интерес был вызван стремлением расширить и углубить выработанную ранее общую материалистическую концепцию всемирной истории конкретно-историческим материалом. В рукописном наследии К.Маркса сохранилось множество выписок, конспекты книг Л.Г.Моргана, М.Ковалевского, Г.Мейна, Д.Леббока и др. /Маркс, Энгельс, т.45/, посвященных истории добуржуазных обществ. К.Маркс предполагал написать большую работу о первобытнообщинном строе, где обстоятельно были бы рассмотрены вопросы его генезиса, разложения, возникновения классов и государства. Однако смерть помешала его замыслам.

Разбирая архивы К.Маркса, Ф.Энгельс нашел там подробный конспект книги прогрессивного американского ученого Л.Г.Моргана "Древнее общество", составленный в 1880-1881 гг. и содержащий много критических замечаний и пометок, а также дополнений из других источников. Ознакомившись с ним, Ф.Энгельс писал К.Каутскому: "Маркс говорил об этой книге, но мне тогда было не до того, а он к ней никогда больше не возвращался; он, очевидно, был ею очень доволен, потому что, судя по очень подробным извлечениям из этой книги, сам хотел познакомить с ней немцев" /Маркс, Энгельс, т.36, с.97/. Там же Ф.Энгельс высказал намерение завершить начатую Марксом работу. "Будь у меня время, я бы

обработал материал, включив заключения Маркса в форме фельетона для "Sozialdemokrat" или "Neue Zeit", но об этом и думать нечего" /Маркс, Энгельс, т.36, с.97/: в это время он работал над двумя своими произведениями - "Диалектикой природы" и "Историей Германии", начиная с древнейших времен. Но спустя некоторое время он вернулся к своему первоначальному намерению написать работу, используя книгу Л.Г.Моргана и опираясь на замечания К.Маркса, рассматривая свой труд как "в известной мере выполнение завещания". Книга была написана в исключительно короткий срок - в течение 1,5-2 месяцев /подробнее см.: Тартаковский, 1961/.

В "Происхождении семьи, частной собственности и государства" Ф.Энгельс вслед за Л.Г.Морганом разделил историю человечества на три эпохи: дикость, варварство и цивилизацию. Время происхождения кочевничества он отнес к средней ступени варварства. "Варварство - период введения скотоводства и земледелия, период овладения методами увеличения производства продуктов природы с помощью человеческой деятельности" /Маркс, Энгельс, т.21, с.33/. "За самкой дикого буйвола нужно было охотиться, прирученная же - она ежегодно приносила теленка и кроме того давала молоко... Пастушеские племена выделились из остальной массы варваров - это было первое крупное общественное разделение труда" /Маркс, Энгельс, т.21, с.159-160/. Далее Ф.Энгельс отметил, что переход к занятию скотоводством сделал "рабочую силу человека способной производить большее количество продуктов, чем это было необходимо для поддержания ее" /Маркс, Энгельс, т.21, с.161/. Однако все же для народов, занимавшихся скотоводством, по мнению Ф.Энгельса, большую роль играли и другие отрасли хозяйства /Маркс, Энгельс, т.21, с.161/, хотя уход за скотом требовал "только надзора и самого примитивного ухода" /Маркс, Энгельс, т.21, с.57/. Это утверждение развивает ранее высказанные К.Марксом соображения об экстенсивном характере экономики кочевников.

Отметил Ф.Энгельс и большую роль торговли у пастушеских народов, причем им были выделены два этапа в ее развитии. "Первоначально обмен производился между племенами при посредстве родовых старейших каждой стороны", затем "все больше стал преобладать и, наконец, сделался единственной формой обмена - обмен между отдельными лицами" /Маркс, Энгельс, т.21, с.160/. Главным

предметом обмена был скот, который "сделался товаром, посредством которого оценивались все другие товары и который повсюду охотно принимался в обмен на них... скот рано приобрел функцию денег" /Маркс, Энгельс, т.21, с.160/. По этой причине скот рано перешел в частную собственность. "Как и когда стада из общего владения племен или рода перешли в собственность глав отдельных семей, об этом мы ничего не знаем, - писал Ф.Энгельс, - но в основном переход этот должен был произойти на этой ступени" (т.е. в эпоху варварства) /Маркс, Энгельс, т.21, с.161/.

Земля в отличие от скота оставалась в общественной собственности и "передавалась в пользование сначала роду, позднее самим родом - домашним общинам, наконец - отдельным лицам; они могли иметь на нее известные права владения, но не более" /Маркс, Энгельс, т.21, с.161/.

Изменения в экономике, т.е. переход к производящему хозяйству, произвели революцию в общественных отношениях /Маркс, Энгельс, т.21, с.161/. "Дикий воин и охотник, довольствовался в доме вторым местом после женщины, "более кроткий" пастух, князь своим богатством, выдвинулся на первое место, а женщину оттеснил на второе" /Маркс, Энгельс, т.21, с.162/. Кроме того, Ф.Энгельс писал: "Для надзора за скотом требовалось теперь больше людей: для этой цели можно было воспользоваться взятым в плен врагом, который к тому же мог легко размножаться как и скот" /Маркс, Энгельс, т.21, с.58/. Из этой фразы складывается впечатление, что он, по-видимому, предполагал возможность существования у кочевников рабовладельческих отношений.

Подводя итоги рассмотрению взглядов К.Маркса и Ф.Энгельса, следует отметить, что они оставили для марксистов немало ценных замечаний относительно различных сторон деятельности кочевых обществ. Однако достаточно сложно сказать об их взглядах на формационную природу номадизма. Бесспорно только то, что К.Маркс оценивал уровень его развития выше "доисторического", т.е. выше уровня охотников и собирателей. Но не ясно, предполагал ли он возможным существование у номадов азиатского способа производства, хотя определенно известно, что он относил кочевую общину к азиатскому типу. Также трудно сказать, относил ли Ф.Энгельс пастушеские народы к рабовладельческой формации, или же сделанное мною выше предположение проистекает из недостаточно

точно сформулированного им положения. Все эти вопросы ждут своего дальнейшего изучения марксологами. А пока остается констатировать, что в схеме способов производства ни у К.Маркса, ни у Ф.Энгельса номадизму места не нашлось.

Для западного кочевниковедения XX в. характерно усиление внимания к социологическим проблемам номадизма. Социологический аспект стал занимать все большее место в работах ориенталистов-кочевниковедов классического направления / Grousset , 1970; Spuler , 1955; 1965; Pritsak , 1981/, в исследованиях номадологов медиевистов последующих поколений / Kwanten, 1979; Fletcher , 1986; Morgan, 1987 и др./. Этнологами были выполнены ценные исследования по экологии, экономике, социальной организации, системам родства, структуре управления и власти кочевых обществ / Bacon, 1958; Lewis, 1961; Krader, 1963; Johnson D, 1969; Perspectives on Nomadism , 1972; The Desert... , 1973; Rigby , 1985; Black-Michaud , 1986 и многие др./.

Крупнейшие теоретики западного кочевниковедения весьма схоже рисовали основные закономерности эволюции номадизма. В концепции развития цивилизаций выдающегося английского философа и историка А.Тойнби кочевничество отнесено к числу застойных обществ, лишенных внутренних потенций для развития. С развитием капитализма ему суждено исчезнуть с лица земли. "В этом всемирном обществе с его динамичной экономикой нет места для... застойной экономики кочевых орд, повторяющих вечно и неизменно свое движение по замкнутому кругу" / Тойнбее, 1934, vol. III, p. 21; о взглядах А.Тойнби см. также: Златкин, 1971; 1971a/.

По мнению О.Латтимора, общественный строй номадов, в принципе, оставался неизменным. Кочевники то объединялись, то вновь распадалась, в целом эволюционируя по спирали. Кочевые империи образовывались только в процессе экспансии против земледельческих цивилизаций, когда способному вождю удавалось объединить большое число племен номадов. Социальные антагонизмы внутри кочевых обществ не получили большого развития. При этом противоречия выносились наружу / Lattimore, 1963; 1967; 1974; 1979/. Большое значение в возникновении кочевых империй личности талантливое объединителя вождя отводил и О.Прицак / Pritsak, 1952/. Подобные взгляды высказывались и в более поздние годы /см., например: Lindner , 1982/.

Сравнивая аграрные земледельческие и скотоводческие общества, К.Виттфогель отмечал, что при кочевом образе жизни гораздо меньше условий для установления деспотизма. Текучесть степной экономики поддерживала диффузию и сепаратизм. Сильная власть устанавливалась только после подчинения или завоевания орошаемых земель, но и в таком случае военные неудачи или природные бедствия быстро могли ослабить пасторальный деспотизм предводителя номадов / Wittfogel, 1957, p.204-207/.

Л.Крэйдером, который не менее известен своими марксологическими исследованиями, была выдвинута концепция "родового государства" у номадов, в котором политические, социальные и другие связи базировались на кровном родстве / Krader, 1955/. В конце 70-х гг. он опубликовал несколько статей, в которых согласился со многими положениями теории Б.Я.Владимирцова. Кочевые общества трактовались в этих статьях как классовые, а классы, государство и другие категории марксистского аппарата Л.Крэйдером понимались во многом в традиционном для советского марксизма плане /он же, 1978; 1979; 1981/.

Много внимания западными исследователями было уделено проблеме образования государства у кочевников вследствие завоевания ими земледельцев и обложения последних данью или налогами. Следует отметить, что примеры такого рода во многом послужили основой для создания в конце XIX - начале XX вв. кристами Л.Гумпловичем и Ф.Оппенгаймером так называемой "завоевательной" теории происхождения государства. Ее положительно восприняли некоторые марксистские теоретики на Западе /Кунов, 1929, с. 444; Каутский, 1931/. Из немарксистских исследователей XX в. важную роль завоеваниям у номадов в генезисе государства отводили Р. Турнвальд, исследовавший этот процесс на материалах Восточной Африки и В.Эберхард, построивший свою концепцию китайской истории /Turnwald, 1935; Eberhard, 1952, p.24-25; цит. по: Хазанов, 1979, с.139-140/. Современные западные исследователи этому аспекту становления государственности также уделяют важное внимание /Pritsak, 1952, p.51; Krader, 1968, p.43-45; Service, 1975, p.117-122; Cohen, 1978; Salzman, 1978; Steinhart, 1978; Franke, 1985; 1987 и др./.

В советском кочевниковедении социологическая проблематика сразу же выдвинулась на первые роли, оттеснив другие направле-

ния на задворки исторической науки. Поскольку историография дискуссии в советской науке уже рассматривалась многими авторами /Никифиров, 1970, с.264-268; Федоров-Давыдов, 1973, с.13-18; Хаванов, 1975, с.32-35; Коган, 1980; Халиль Исмаил, 1983; Маннай-Оол, 1984; Эрдниева, 1985; Попов А.В., 1986; 1986б; 1987, гл.1; Крадин, 1987а; 1989г; 1990а, гл.1, § 3; Писаревский, 1987; 1989; 1989а; Gellner, 1984; 1988, р.92-114; Марков, 1989/, то я остановлюсь на ней короче, чем это можно было бы.

В период 20-х - начала 30-х гг. в отечественном кочевниковедении не было каких-то единых устоявшихся взглядов на характер общественного строя кочевников. Одни исследователи отрицали существование классового общества у кочевников и высказывались за родовой характер их общества /Соколовский, 1926; Семенов-Зусер, 1931/. Так, согласно схеме общественной эволюции К.М. Тахтарева, кочевничество представляло собой лишь наиболее сложный тип родового общества, "многолюдную орду" или "большой союз племен" /Тахтарев, 1920, с.118/. Одной из главных причин образования "орд" был постоянный недостаток земельных пространств /он же, 1924, ч.1, с.298/. Власть верховного вождя была во многом призрачна /там же, 1924, ч.2, с.107/. "Правда, в родовых обществах кочевых пастушеских племен мы уже находим и господ и слуг, видим людей белой и черной кости, видим наследственных племенных князей... Но все это бывает лишь при исключительных обстоятельствах военного времени. А в обычное время каждое племя, подобно каждому роду, управляется своими вечевыми народными собраниями и советами родовых старейшин независимо от других племен" /там же, 1924, ч.1, с.354-355/.

Альтернативная точка зрения предполагала существование у кочевников классовых отношений /Буров-Петров, 1927; Букшпан, 1928; Потгорельский, Батраков, 1930/, правда, каких конкретно не ясно. Высказывались мнения как об азиатском, так и феодальном и просто "классовом" характере кочевых обществ.

В это же время было высказано предположение о существовании у кочевников "племенного государства", специфической промежуточной стадии между архаическими и классовыми обществами. В основе племенного государства лежала власть военачальника, который опирался либо на дружину, либо на большинство полноправных членов племени. "Эта власть одинаково эксплуатирует и побежден-

ных, и тех, кто принадлежит к основному составу племени". Отсутствие развитой централизованной системы управления, суда, бюрократии делало власть расплывчатой и неустойчивой. "Власть короля имеет значение лишь в пределах наиболее близких к нему областей" /Кушнер, 1924, с.195/. В более позднем изложении концепции "племенное государство рассматривалось как одна из форм перехода от родового строя к феодализму. "В конце концов государство монголов феодализировалось так же, как и все остальные приведенные нами типы государства" /он же, 1929, с.250-255/.

Следует отметить еще одну точку зрения на характер общественного строя кочевых обществ, высказанную Ю.В.Готье. Размышляя об особенностях социального устройства скифской державы, он отмечал, что она не была похожа ни на древневосточные, ни на античные государства. "Вероятнее всего, что она своим устройством напоминала особый тип государства, неоднократно образующийся именно здесь, в южнорусских степях. Это господство кочевой орды, хорошо организованного конного войска, над остальными, более слабыми и, быть может, более древними степняками, с одной стороны, над оседлым населением прилегающих к степи местностей - с другой. Таково было позднее государство хазар; такова была же и Золотая Орда" /1925, с.247/. Таким образом, по Ю.В.Готье основой политических образований кочевников была внешнеэксплуататорская деятельность - данничество.

Такой плюрализм подходов к социологии номадизма может быть объясним относительной свободой выбора в области духовной жизни, которая существовала в Советском Союзе в период нэпа. "Пока ученые и деятели искусств избегали политической деятельности против партии, они могли не бояться властей или вмешательства идеологов. Исключением из этого были те, чье прошлое или прошлая политическая активность были признаны преступными" /Грэхэм, 1991, с.16/.

Первым предупредительным выстрелом, для историков специализировавшихся на докапиталистических обществах, прозвучал разгон дискуссии об азиатском способе производства. Ее совпадение по срокам с годами "великого перелома" вряд ли следует считать случайным совпадением. Но включительно до начала 30-х гг. по инерции еще сохранялись взгляды на кочевые общества как на первобытные. Сформировавшаяся в тот период в ГАИМК группа ИКС

(истории кочевого скотоводства) рассматривала нomaдизм большей частью "в рамках концепции об архаической формации" /Писаревский, 1987, с.16/.

Однако ситуация уже в корне изменилась. "В период 1929-1932 гг. Академия наук была основательно обновлена и оказалась полностью под контролем Коммунистической партии" /Грэхэм, 1991, с.17/. Постепенно все большее и большее распространение получала точка зрения на общества кочевников как на классовые, феодальные. Идеология требовала теоретического обоснования тезиса об усилении классовой борьбы при построении социализма. Следовательно, по аналогии с крестьянином, которого объявили кулаком, имманентно присущее в силу частной собственности на скот расслоение в кочевых обществах было объявлено классовым, как правило, феодальным. Так был существенно завышен уровень социального развития многих кочевых обществ.

Как пишет в своей книге "Жатва скорби" Р.Конквист: "В сфере экономики применение теоретических построений партии к казахскому народу, а в меньшей степени и к другим кочевым народам, привело к навязыванию нормально функционирующему социальному организму новых, чуждых ему стереотипов и имело катастрофические последствия. С чисто человеческой точки зрения оно принесло гибель и чудовищные страдания пропорционально даже большей части народа, чем на Украине" /цит. по: "Родина", 1989, № 9, с.51/.

Концепция обязательного прохождения кочевниками и рабовладельческой, и феодальной формации была изложена С.П.Толстовым на пленуме ГАИМК в июне 1933 г. Согласно его выступлению, кочевничество в период со II в. до н.э. по III-IX вв. н.э. прошло рабовладельческую формацию /Толстов, 1934, с.170-188/. Труд рабов использовался, как правило, в скотоводстве и в его "особенно интенсивной области - доении кобылиц и изготовлении молочных продуктов". Затем, ввиду противоречия между коллективной собственностью на рабов и частной на скот, складываются зачатки феодальной собственности и постепенно происходит переход к феодализму /Толстов, 1934, с.188-199/. "Для феодализма в кочевых районах основным зерном, откуда вырастает вся система феодальных отношений, является суан (т.е. сауна - Н.К.) отдача скота на выпас". Отношения сауна генетически восходят к

пережиткам первобытного общества, к обычаям родовой взаимопомощи. Земля, номинально оставаясь в общественной собственности, фактически оказывается в безраздельном владении феодалов.

Эта концепция была подвергнута достаточно резкой критике*. Оппонентами говорилось, что "в докладе нет системы", автор "вне времени и вне пространства" собрал в одну кучу и древних скифов и туркмен рубежа XIX-XХ столетий. Особенно много критических замечаний вызвал тезис С.П.Толстова о рабовладельческом характере многих кочевых обществ /ОПГИРФО, 1934, с.254-257, 320-378/.

Позднее С.П.Толстов признал, что в непосредственно скотоводческом хозяйстве использовалась меньшая часть рабов. Остальные же обрабатывали землю или, занимаясь ремеслом, находились на положении илотов и были обязаны уплачивать дань и иногда поставлять военные контингенты. Такой тип эксплуатации он охарактеризовал как "коллективно-общинное рабовладение" /ОПГИРФО, 1934, с.385; Толстов, 1938а, с.50-51; 1948, с.263 сл./.

Б.Я.Владимирцов в своей книге "Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм" /1934/ высказал мысль о существовании феодальной собственности на пастбища и скот, попытался показать, что развитие феодализма у кочевых народов происходит такими же путями, как и у земледельческих. Владение землей выразилось в том, что нойон, т.е. феодальный сеньор, царевич, тысячник руководил кочеванием зависимых от него людей, направляя их по своему усмотрению, распределяя пастбищные угодья и указывая стоянки.

ж

Критически о концепции С.П.Толстова отозвался и Э.Геллнер в своем исследовании советских дискуссий о номадизме. Британский антрополог подчеркнул, что узловые закономерности эволюции кочевых обществ в докладе были подогнаны под пятичленную схему и обрисованы более чем схематично. Теоретический фундамент работы был основан на трудах И.В.Сталина, в ней много канонических цитат из классиков марксизма, прослеживается чересчур явная связь между теорией классовой борьбы и необходимостью ее применения на практике / Gellner, 1988, p.99-102/.

Эта книга вызвала весьма противоречивые оценки в отечественном кочевниковедении, причем как критика, так и похвалы по ее адресу касались совершенно разных сторон работы: от теоретического обоснования идеи "кочевого феодализма" до конкретно-исторической аргументации этой идеи фактическими данными /Смирнов Н., 1935; Якубовский, 1936; Рыгдолон, 1958; Марков, 1961, с.204; 1976, с.53, 101, 307 сл.; Никифоров, 1970, с.265; Толыбеков, 1971, с.224, 324-325; Федоров-Давыдов, 1973, с.39-40, 43; Златкин, 1982, с.265; Полянский, 1982, с.536-537; Khazanov, 1984, p.297-298; Попов А.В., 1986; Gellner, 1988, p.98 и др./.

В том же, 1934 году, вышла работа профессора Иркутского университета Н.Н.Козьмина, в которой также делался вывод о существовании у номадов феодализма. Причем ее автор настолько был уверен в феодальной природе кочевых обществ, что даже возражал против дополнения "кочевой". Эту книгу, незаслуженно забытую, поскольку ее автор в конце 30-х гг. был репрессирован, наряду с исследованиями С.П.Толстова и Б.Я.Владимирцова следует рассматривать в качестве основополагающих для формирования теории кочевого феодализма работ.

Постепенно концепция кочевого феодализма (ее авторство было приписано покойному Б.Я.Владимирцову) получила всеобщее распространение в отечественной исторической науке. Правда, противоречие с многочисленными фактами, убедительно демонстрирующими, что нельзя ставить на один уровень европейские феодальные общества и даже самые крупные из степных держав, привело к тому, что со временем теория кочевого феодализма стала пониматься как теория феодализма недоразвитого, раннего. Соответственно сам термин "кочевой феодализм" стал постепенно вытесняться другим, отражающим некоторую трансформацию парадигмы - "патриархально-феодальные отношения" /Бернштам, 1933; 1934; 1935; 1935а; 1936; 1946; 1951; Киселев С.В., 1933; 1946; Потапов, 1933; 1947; 1947а; 1953; Кабо, 1934; Шамилов, 1934; Штейнберг, 1934; Чулошников, 1936; Вяткин, 1940; 1947; Пичета, 1940; Батраков, 1947; 1949; Абрамзон, 1951; Першиц, 1958; 1961; Златкин, 1964; 1965; Поршневу, 1964, с.42; Валкинд, 1965 и др./.

Многие из исследований тех лет представляли собой спекулятивную подгонку конкретного материала под заранее подразумева-

ящуюся социологическую схему. Вряд ли было бы правильным обвинять в этом исследователей, жизнь которых во многом зависела от лояльности режиму, но годы страха и соглашательства обошлись отечественной науке очень дорого. Особенно досадно это в отношении этнографических исследований, поскольку их источник во многом невосполним. Сейчас ни для кого не секрет, что большинство современных представлений о механизмах трансформации позднепервобытных структур в раннеполитические выработаны зарубежными антропологами и этнологами исключительно на изучении существовавших в недалеком прошлом примитивных обществ Африки, Северной и Южной Америки, Океании. Между тем еще в 20-30-е гг. некоторые отечественные исследователи вплотную подошли к постановке многих современных открытий классово- и политогенеза, опираясь на этнографические источники.

К примеру, П. Кушнер и С. А. Токарев по существу описали в своих работах тот тип предполитической организации власти, который сейчас принято именовать термином "вождество" /Кушнер, 1929а; Токарев, 1936/. Но поскольку проблемы политической антропологии тогда еще не были сколько-нибудь разработаны, а начало этой науки принято связывать с трудами Э. Званса-Причарда, который в то время еще только начинал свои исследования, то оба наших автора, оценивая на шкале истории уровень развития изучаемых ими народов в контексте тогдашних теоретических схем, предпочли вместо "горизонтальной" военной демократии иерархический феодализм. И только через полвека отечественная наука пришла к заимствованному из зарубежной науки выводу, что иерархические структуры отнюдь не обязательно должны быть феодальными!

В начале 50-х гг. началась дискуссия, в центре которой был поставлен вопрос о том, что является основой феодализма у кочевников: собственность на скот или на землю. С. Е. Толябеков и В. Ф. Шахматов выступили с критикой положений Б. Я. Владимирцова о феодальной собственности на землю у кочевников. Они развивали "саунную" трактовку отношений у кочевников, восходящую к работам С. П. Толстова, согласно которой основным средством производства был скот. Подробно эта дискуссия будет рассмотрена в главе о социально-экономических отношениях у кочевников, однако следует отметить, что несмотря на сильные разногласия, обе стороны продолжали рассматривать кочевые общества в рамках феодальной

парадигмы. Даже в конце 50-х - начале 60-х гг., когда накал дискуссии спал, а оппоненты принялись аргументировать свои концепции в толстых монографических изданиях, речь все равно велась о феодализме. Существование данного способа производства у кочевников подразумевалось как нечто само собой разумеющееся...

Логически этот этап дискуссии завершает фундаментальная книга С.Е.Толыбекова "Кочевое общество казахов в ХУП - начале ХХ века". Хотя работа вышла в 1971 г., объективно она принадлежит периоду конца 50-х - начала 60-х гг. Автор блестяще, со знанием дела показал характерные черты социально-экономического строя казахов. Но критикуя теорию кочевого феодализма, С.Е.Толыбеков более убедителен в критике, чем в построении собственной схемы. Формационный характер кочевничества трактуется им весьма противоречиво. В одном случае - как переходный период между первобытностью и классовым обществом /1971, с.295-296/, в другом - как стадия полуфеодальных, полурабовладельческих отношений /там же, с.299, 300/, в третьем, как первая ступень феодализма /там же, с.301, 302, 311/. Все это напоминает бег на месте: попытка критически отвергнуть теорию кочевого феодализма осуществляется автором в рамках той же феодальной парадигмы. Сокрушительный удар, направленный против кочевого феодализма, пришелся в пустоту... К книге, как это не парадоксально, применимы слова Ф.Я.Полянского /1982, с.537/, сказанные о главном оппоненте С.Е.Толыбекова - Б.Я.Владимирцове - "фактология оказалась сильнее теории".

Только после XX съезда КПСС, когда ослабло вмешательство официальных кругов в сферу науки, в отечественной историографии стало возможным по-иному представить формационную природу кочевых обществ. Но вначале возродилась дискуссия об азиатском способе производства, в которую активно включились историки, философы, экономисты, филологи и др. /историографию см.: Качановский, 1971; Никифоров, 1975; Bratkiewicz, 1988; 1990, с. 172-230; Нураев, 1989, гл.1/. В ходе споров Л.А.Седов выступил с критикой распространения рабовладельческой и феодальной формаций на кочевничество и выдвинул гипотезу о существовании у кочевников азиатского способа производства /Общее и особенное...,

1966, с.50; критику см.: Никифоров, 1977, с.26-27^{*}/. Несколько позже Ю.И.Семенов /1968, с.271-272/ высказал мысль о существовании у кочевников кабальной эксплуатации.

В последующие годы участниками дискуссии высказывались мнения о недопустимости распространения на кочевников термина "феодальный" /Коранашвили, 1978, с.233/, о раннеклассовом характере кочевых обществ /Меликишвили, 1972, с.64/, о существовании у кочевников общины азиатского типа, но при отсутствии развитого деспотизма /Кшибеков, 1973, с.217/, о специфическом пути кочевых обществ с надстройкой в форме военной демократии /Андреев И.Л., 1974, с.28-29/, о сходстве социальной структуры древних, средневековых и более поздних кочевников, при том, что основой эксплуатации являлась "скотоводческо-арендаторская" и "лично-скотоводческая" рента /Илюшечкин, 1971, с.29; 1980, вып.1, с.47; вып.2, с.297-300; 1990, с.262-264, 292-293, 316-317, 332 сл./ и др.

В 1967 г. с критикой феодальной интерпретации кочевых обществ и обоснованием специфического пути эволюции кочевничества выступил Г.Е.Марков. Он определил следующие черты, характерные для кочевых обществ: частная собственность на скот и общинная на пастбища; племенная структура; имущественная дифференциация; поголовное вооружение народа препятствовало монополии на средства производства и установлению крепостной зависимости; наиболее типичными для кочевников были "общинно-кочевое" и "военно-кочевое" состояния и лишь "кочевые империи" приобретали на время характер государственных образований. Главный вывод исследования Г.Е.Маркова, которое он защитил в качестве докторской диссертации, это то, что "для кочевников свойственен самостоятельный

^{*} На этой критике можно было бы не останавливаться, если бы не попытка почти слово в слово повторить ее без ссылки на оригинал /Коган, 1980, с.116-117/. Абсолютно верно пишет В.Н. Никифоров, что общество скинну "очень похоже" на империю Чингисхана. Но совершенно некорректны были его попытки привести в качестве примера расцвета кочевого феодализма монголов XV-XX вв., поскольку древность и средневековье - это как раз время расцвета кочевничества, а новое и новейшее время - период его деформации и упадка /см.: Крадин, 1987; 1989а, с.34/.

способ производства" /Марков, 1967; 1970; 1973/. В принципе эта точка зрения была поддержана И.Л.Андреевым /1969, с.14,15, 24/.

Ответом на концепцию Г.Е.Маркова явился цикл статей сторонников феодализма у кочевников. И.Я.Златкин в рамках "классическо-ортодоксальной" теории кочевого феодализма попытался показать, что главной особенностью феодализма у кочевников была раздача скота на выпас крестьянским семьям, прикрепленным к земле /Златкин, 1971; 1971а; 1973; 1974/. Л.П.Лашуку развитие кочевников рисовалось через три последовательные стадии: 1) родоплеменные организации первобытнообщинного типа; 2) "большие племена", протофеодальный период; 3) государства кочевников, улус - феодальное держание, родственные связи уступают место территориальным. Он высказался против "конструирования" Г.Е.Марковым особой кочевой формации /Лашук, 1967; 1967а; 1968; 1973/. В последнем его поддержал Ю.В.Качановский. "Кочевническое производство со всеми его конкретными особенностями можно рассматривать лишь как один из вариантов определенного "чистого" способа производства" /Качановский, 1971, с.34/.

Период 70-80-х гг. характеризуется дальнейшим развитием и поляризацией точек зрения. Г.Е.Марков вслед за С.Е.Толыбековым в своей книге "Кочевники Азии" подверг сокрушительной критике ортодоксальную версию теории кочевого феодализма. Он на большом фактическом материале показал, что социальная организация древних, средневековых и более поздних монголов была в принципе однотипна с социальной организацией арабов, казахов и туркмен нового времени. Им по-прежнему выделялись "общинно-кочевое" и "военно-кочевое" состояния кочевничества, военно-демократическая форма их общественной организации* и только на время, под воздействием усиления военной организации, возникали временные, эфемерные образования - кочевые империи /Марков, 1976; 1980; 1981; 1989; Калиновская, Марков, 1983; 1987; Марков, Масанов, 1985; Калиновская, 1989, с.142, 226, 227, 234/.

* Позже, под критикой Ю.И.Семенова /1982, с.53/, Г.Е.Марков согласился с неправомерностью использования применительно к социально-политической структуре кочевничества термина "военная демократия" /Марков, 1982, с.84/.

В рецензии на монографию Г.Е.Маркова было высказано предположение о "предклассовом" характере кочевых обществ /Вайнштейн, Семенов, 1977, с.165/. Позднее один из авторов этой рецензии писал: "Кочевые общества... действительно не принадлежат ни к одной из известных общественно-экономических формаций. Все они ... должны быть отнесены к обществу, лежащему между первобытнообщинной формацией, с одной стороны, и классовым обществом, с другой. Такое переходное общество в нашей литературе принято называть предклассовым... в предклассовых обществах, в кочевых в частности, существовали многообразные формы эксплуатации, отличные от трех классических способов угнетения человека человеком" /Семенов, 1982, с.54/.

Последнее положение было несколько конкретизировано в недавней работе Г.Е.Маркова, написанной в соавторстве с Б.В.Андряновым. Авторы разделили исторический процесс на первичную и вторичную эпохи. В рамках первичной они выделили первобытнообщинную и варварскую общественно-экономические формации, а внутри последней четыре способа производства: патриархально-пастушеский, варварский "европейский", африканский, номадный, которые, по их мнению, соответствовали различным хозяйственно-культурным типам /Андрянов, Марков, 1990/.

Стабильный, консервативный (предклассовый, военно-демократический) характер общественной структуры номадизма показан во многих работах Л.Н.Гумилева /см., например: 1968; 1988, № 4, с.196; 1989, с.41, 396, 634, 675; Гумилев, Эрдеи, 1969/. Однако в дискуссии о формационной природе номадизма Л.Н.Гумилев не участвует. Он склонен образование крупных степных держав в большей степени объяснять этноинтегрирующими импульсами /1974; 1989а; 1990/.

Мнение о том, что номады достигали в своем развитии только стадии вождеств, высказывалось Л.С.Васильевым /1981; 1983, с.32/. В.А.Ширельман полагает, что кочевничество, хотя и является разновидностью производящего хозяйства, тем не менее представляет собой тупиковую ветвь эволюции и не может перешагнуть барьер классовобразования /1986, с.122; 1989, с.404; ИПО, 1986, с.244, 336; 1988, с.50/.

Вместе с тем в 70-80-е годы дальнейшее развитие получило и альтернативное направление в кочевниковедении, которое

предполагало существование классового общества у кочевников. Некоторые исследователи продолжали отстаивать возможность прохождения кочевниками рабовладельческой стадии развития /Абрамзон, 1970, с.69; Смирнов А.П., 1970, с.130; Акишев К.А., 1986, с.35-37, 39/, хотя работами Г.И.Саменюка /1958; 1959; 1969; 1974/, А.М.Хазанова /1972; 1975, с.133-148; 1976/ и С.Г.Кляшторного /1985; 1986а/ была убедительно показана невозможность отнесения кочевников к рабовладельческой формации.

По мнению А.А.Шморгуна, у кочевников существовал азиатский способ производства /1990, с.74-85, 88-89/. Однако его трактовка данного термина более чем своеобразна. Поскольку слово "азиат" является нарицательным понятием (в смысле "варвар", "разрушитель") и для греков, и для египтян, и шумеров, и индийцев, и китайцев (?? - выделено мною - Н.К.)" /там же, с.82/, то способ производства воинственных кочевников, которых автор именует "сибирскими племенами", "племенами Северо-Востока", "Северо-Восточными империями" должен называться не иначе как азиатским. Впрочем, такой вывод не мешает А.А.Шморгуну тут же писать о кочевом феодализме /там же, с.85, 88, 92, III/. В целом книга полна разного рода нелепиц, логических противоречий, стилистических несуразностей типа "восточный деспотизм азиатского типа" /там же, с.II4/, множества фактических ошибок. Поэтому вряд ли имеет смысл больше на ней задерживаться.

Среди сторонников существования феодализма у кочевников можно выделить несколько направлений. Во-первых, это ортодоксальная точка зрения, по методологическому уровню восходящая к "Краткому курсу истории ВКП(б)" /Петалов, 1975; Златкин, 1982; Маннай-Оол, 1984; 1986/. Главный и окончательный аргумент авторов данного направления заключается в том, что, по их мнению, "предложение отвергнуть существование феодализма у кочевых народов, внести в схему какую-либо новую, ранее неизвестную ступень совершенно противоречит материалистическому пониманию истории" /Коган, 1980, с.121/. Во-вторых, восходящее к концепции Б.Я.Владимирцова направление, творчески пытающееся развить его учение /Мункуев, 1970; 1970а; 1970б; Таскин, 1973; 1984; Федоров-Давыдов, 1973; 1976; История народов..., 1986, с.266; Попов А.В., 1986; 1986а; 1986б; 1987; Карагодин, 1988 и др./.

В-третьих, "саушное" направление /Петров, 1981; Полянский,

1982, с.490-600/. В-четвертых, исследователи, предполагающие существование у кочевников неразвитых, патриархальных форм феодализма, без конкретных указаний на характер его внутренней природы /Викторова, 1968; Еремеев, 1979; 1981; 1982; Кшибеков, 1984, гл.5/* И, в-пятых, это точка зрения С.А.Плетневой, предполагающей эволюцию кочевых обществ в рамках перехода номадов от всеобщего кочевания к преобладающей оседлости и феодализму /Плетнева, 1967; 1981; 1987; критику см.: Гумилев, Эрдейи, 1969; Хазанов, 1975, с.13,257; Крадин, 1987, с.116-117; Гумилев, 1989, с.42-44; Косарев, 1990, с.20-21/.

Промежуточное положение в дискуссии занимает точка зрения на кочевые общества как на раннеклассовые. Разрабатывавшие ее исследователи опирались на неоднократно высказывавшуюся мысль о необходимости рассматривать кочевников как элемент более широкой, единой с земледельцами суперсистемы /Бартольд, 1964, с.28; Толстов, 1934, с.195; Златкин, 1971; Першиц, 1971; Хазанов, 1975, с.35; Фурсов, 1988; Павленко, 1989, с.89 и др./.

При этом предполагалось, что в кочевых обществах, несмотря на рано появившуюся частную собственность на скот и имущественную дифференциацию, развитие внутренней эксплуатации тормозилось необходимостью консолидации общества для ведения успешной внешней экспансии. Следовательно, самостоятельно кочевники достигали только раннеклассового уровня, а их дальнейшая судьба во многом зависела от характера взаимоотношений с соседними оседлыми земледельческими странами /Першиц, 1968; 1971; 1973; 1973а; 1976; 1982; Мейер, 1983; Эволюция восточных обществ, 1984, с.55; Кляшторный, 1986; 1986а; ИПО, 1988, с.233, 472, 526 и др./.

Принципиальным образом этот подход был разработан А.М.Хазановым, особенно в его фундаментальных монографиях "Социальная история скифов" и "Кочевники и внешний мир" /1968;1973;1973а; 1973б; 1975; Першиц, Хазанов, 1979; Khazanov, 1978;1980;1981;

ж

Вероятно, к этой же группе следует отнести А.А.Арзыматова, считающего, что у кочевников существовал азиатский способ производства, который, по его мнению, в сущности являлся примитивной формой феодализма /1983; 1986, с.96-97/.

1984/. Он предложил называть данное направление экологическим марксистским подходом в кочевниковедении / Khazanov, 1984, p.196/. Работая в русле этого направления, некоторые исследователи тем не менее склонны считать, что в самостоятельном развитии номады способны достичь только предклассового уровня, а становление государственности связано с установлением экзосплуататорских отношений с земледельческими цивилизациями /Годинер, 1976, с.157-159; 1982, с.65; Киселев Г.С., 1981, с.206 прим. 14; Крадин, 1986; 1987а; 1990а; 1991; Куббель, 1987, с.4; 1988, с.152-153; Викторин, 1988, с.126-127; Мурзин, 1989, с.23, 40; Павленко, 1989, с.72, 86-90, 107, 114, 224-228; Просандеева, 1989, с.18-19 и др./.

Похожие идеи высказывались А.И.Фурсовым /1987а, с.170; 1988/ и Е.П.Бунятян /1984; 1985/, которая полагает, что номады, достигая раннеклассового уровня, представляли "одну из боковых, тупиковых ветвей в прогрессе развития производительных сил" /1985а, с.41/.

Специфическое мнение о ранней государственности у кочевых народов было высказано А.И.Мартыновым. Он полагает, что номады в своем развитии миновали стадию "варварства" и создали оригинальную "степную цивилизацию" /1986; 1988; 1989; 1989а/. Однако если обратиться к признакам "цивилизации", выделенным Ф.Энгельсом /Маркс, Энгельс, т.21, с.32, 33, 165-168, 175-177/, на авторитет которого опирается А.И.Мартынов, то обнаружится, что почти все они применимы только к тем кочевым обществам, которые имели в своем подчинении крупные земледельческие государства. Более того, ни у Ф.Энгельса в характеристике стадии "цивилизации", ни тем более у К.Маркса в характеристике "вторичной" формации ничего не говорится о номадизме.

Активно ведется дискуссия о формационной природе номадизма и зарубежными марксистами. Монгольские историки, вынужденные до самого недавнего времени выдерживать идеологическую линию МНРП, в принципе однозначно поддерживали теорию кочевого феодализма в ее наиболее ортодоксальной трактовке. При этом распространение получила точка зрения, что основой феодализма у номадов являлась собственность на скот и землю одновременно, которые представляли собой нерасчлененное главное средство производства номадизма /Сандаг, 1970; Сер-Оджав, 1971; Ишжамц, 1972; Гонгор,

1974; Нацагдорж, 1975; Ширендыб, 1975; Далай, 1983 и др.; о взглядах монгольских авторов см. также: Попов А.В., 1986; 1986а/.

Напротив, среди ученых стран Восточной Европы не было такого единодушия. Многие из них писали о предклассовой или военно-демократической природе кочевых обществ / König, 1962; 1973; 1981; Sellnow, 1968, s. 17; Hartwig, 1974, s. 623-624; Kreisig, 1974; Seiwert, 1981; 1984; 1985; Treide D., Treide B., 1984, s. 403; Schlette, 1987 и др./ . К такому же выводу пришли и многие из участников коллоквиума ученых ГДР "Кочевое скотоводство как хозяйственно-культурный тип" (Лейпциг, 1973), что было отмечено в резолюции конференции / Grünert, König, 1974, s. 466/.

В главном докладе коллоквиума, прочитанном известным немецким исследователем номадизма В.Кёнигом, подчеркивалось, что по уровню социально-экономического развития кочевники находились на ступени "прогрессирующего разложения первобытнообщинных отношений" / König, 1974, s. 460/. Социальная дифференциация в степной среде, по мнению автора, стимулировалась завоевательными и разбойничьими набегами на земледельцев, особенно в процессе создания "кочевых империй". Однако В.Кёниг полагает, что империи были эфемерными образованиями и если не происходило симбиоза с земледельцами, то отношения между стратами номадов вновь эгалитаризировались. В зависимости от конкретных обстоятельств, в социально-экономическую структуру кочевников могли быть интегрированы элементы рабовладельческого и феодального способов производства, но номады в ходе эволюции не развивались до данных общественных формаций /там же, s. 459-461/.

Другими марксистскими исследователями из восточноевропейских стран, в том числе и участниками упомянутого коллоквиума, высказывались мнения о раннегосударственном характере кочевых обществ / Grünert, 1974; Lewin, 1974; Sellnow, 1974; Werner, 1976; Escedy, 1981 и др./ . И только меньшая часть ученых стран Восточной Европы склонна относить номадов к феодальной формации, оговаривая при этом застойный и неразвитый характер этой формы феодализма. "Ни совершенствование военной техники, ни ремесло, ни развитие политической и общественной мысли кочевников не могли преодолеть границ феодализма. Только там, где наблюда-

лась существенная инвазия кочевников в территории оседлого населения и седентеризация, там их социальные и производственные отношения могли получить дальнейшее развитие" / Wojna, 1983, s.265; см. также: Njamasch, 1983, s. 97/.

Особую точку зрения на формационную природу кочевых обществ отстаивают французские марксистские социологические антропологи. Находясь на позициях структурного марксизма, они полемизируют с "экологическим" (иначе говоря "адаптивным") направлением в марксистском кочевниковедении /см., например: Дигар, 1989/ и развивают концепцию о специфической кочевой формации, основой которой являлась внутренняя стратификация, основанная на частной собственности на скот / Bonte, 1974; 1975; 1978; 1979; 1981; Helfgott, 1977; Lefebure, 1979/. При этом важное место в концепции уделяется марксовской модели "германского способа производства".

Однако Ф.Тёкеи усомнился в методологической корректности обращения к этой модели К.Маркса / Tökei, 1982, p.537-538/, а А. Загарелл на примере бахтияров продемонстрировал сходство кочевников не только с "германским", но и с "азиатским" типом *Gemeinwesen*, выделив "деспотоподобное" проявление власти их вождей. Тем не менее, по его мнению, ни та, ни другая модели не отражают полностью характеристик кочевничества, поскольку они были сформулированы К.Марксом для описания земледельческих обществ. И в целом, резюмирует А.Загарелл, кочевые общества обладали слабыми потенциями в установлении централизованного лидерства / Zagarell, 1988/.

Таким образом, дискуссия о формационной природе кочевых обществ в настоящее время не только далека от выработки каких-либо общих концептуальных решений, но и в принципе такой исход не представляется возможным. В дискуссии для большинства направлений и школ кочевниковедения ключевым является вопрос: следует ли отнести кочевников к примитивной стадии ("первичной" метаформации) или же можно предполагать, что они могли развиваться до уровня классовых и государственных институтов?

Вплоть до 30-х гг. нынешнего столетия большинство исследователей, в том числе основоположники марксизма и их ближайшие последователи, были склонны считать, что кочевники в своем развитии достигали только порога сословно-классового неравенства, но, как правило, не могли преодолеть этот барьер без оседания или

завоевания земледельческих обществ. Относительное равновесие было резко нарушено созданием идеологизированной теории специфического кочевого феодализма, согласно которой номады и земледельцы развивались одним путем практически вплоть до капитализма. Но качнувшись в одну сторону, маятник неминуемо должен качнуться и в другую. Поэтому в рамках однолинейного подхода к социальной эволюции критики кочевого феодализма не могли не сделать упор именно на антифеодальных, доклассовых аспектах (при всем том, что их подход представляется более близким к истине). Но можно ли всерьез верить в то, что гигантские степные империи, охватывавшие громадные территории, могли быть предклассовыми, "племенными" или "военно-демократическими" образованиями?

Промежуточное положение в дискуссии занимает точка зрения на кочевые общества как на раннеклассовые. Прочитывая Г.Гете, что между двумя противоположными мнениями лежит не истина, а проблема, А.М.Хазанов предположил, что в данном конкретном случае посередине находится, скорее, истина /1975, с.267/. Но мне кажется, что этот вывод может быть применим, да и то в определенной степени, только в отношении политических образований кочевников, осуществлявших активную экспансионистскую деятельность. По внутренним же характеристикам номады гораздо ближе к предклассовым, нежели чем к раннеклассовым обществам /Крадин, 1987а; 1990а; 1991/.

Но дело даже не столько в этом. В понимании А.М.Хазанова, раннеклассовые общества - это "первичные политические образования с недостаточно развитыми классовыми структурами, в которых отношения эксплуатации представлены различными, еще окончательно не устоявшимися формами" /1972, с.170/. Однако какими потенциями обладали эти первичные политические образования номадов? По какой линии социальной эволюции они развивались? С какими обществами, восточными, античными или европейскими феодальными, они имели большее типологическое сходство? Или, быть может, для них был характерен свой самостоятельный путь? Для ответа на эти вопросы и написаны последующие главы этой книги.

Глава I. ЭКОНОМИЧЕСКИЙ БАЗИС КОЧЕВНИЧЕСТВА

Развивалась ли технология и экономика кочевых обществ?

Теория производительных сил докапиталистических обществ, в том числе и производительных сил номадизма, в настоящее время в отечественной литературе разработана очень слабо, хотя было бы несправедливым утверждать, что ничего для этого не делается как в теоретическом плане /Крылов, 1974; 1976; Производительные силы..., 1981; Обмен мнениями..., 1983; Илюшечкин, 1986; 1986а, с.58-71; Семенов, 1985; Капустин, 1988; Фурсов, 1989; 1989а; Нуреев, 1989; Павленко, 1989 и др./, так и применительно к истории кочевничества /Тольбеков, 1971; Марков, 1976; 1981; 1982; Хазапов, 1975; 1975а; Бунятян, 1984; Масанов, 1984; Khazanov, 1984 и др./. При этом историю производительных сил, на что сетует В.П.Илюшечкин /1986, с.67 сл./, обычно сводят к истории развития техники. Рассмотрение техники в числе важных сторон производительных сил не лишено позитивного смысла, поскольку без нее экономический прогресс возможен только до определенного предела. Однако отрицательный момент в изучении производительных сил проявляется в том случае, когда это делается откровенно напрямую и когда специфические закономерности развития техники начинают не выводить из фактического материала, а, напротив, сам этот материал подгоняется под какие-то заранее сконструированные схемы. В первую очередь я имею в виду так называемую пятичленную схему общественного развития.

Эта схема, несмотря на свою стройность и логическую жесткость, что, несомненно, является ее положительным свойством как теоретической конструкции, в настоящее время практически неспособна объяснить большую часть проблем, с которыми столкнулись обществоведы, занимающиеся изучением различных эпох, если, конечно, не отбрасывать факты в угоду заранее созданным концепциям. В этой связи достаточно нелогично выглядят попытки объяснить переход от античности к феодализму в Западной Европе посредством развития производительных сил. В настоящее время практически ни для кого не секрет, что смена одной из этих общественных систем другой как раз связана с упадком экономики, технологического базиса, культуры. Не меньше проблем встает перед исследователями, пытающимися напрямую выводить из уровня

развития технологии генезис вторичной формации. Но в междуречье Тигра и Ефрата, долине Нила цивилизация возникла в эпоху неолита, в Индии и Китае — в эпоху бронзы, в Западной Европе и на Руси — в эпоху железа. Напротив, цивилизация майя зародилась совершенно не зная металлических орудий, а, например, общества Приамурья конца I — начала II тыс. н.э. или социумы южнее Сахары еще с середины I тыс. н.э., будучи знакомыми с выплавкой железных орудий труда, остались на уровне поздней первобытности.

Между тем еще в начале нынешнего столетия один из лидеров II Интернационала, чье имя для многих советских марксистов до недавних пор ассоциировалось только вкупе с эпитетом "ренегат", писал: "Материалистическое понимание истории неоднократно истолковывалось в том смысле, что известная техника прямо обозначает собой и известный способ производства, даже известную общественную и политическую форму... Возражение верное, но оно не попадает в материалистическое понимание истории, а порождает лишь его карикатуру, возникшую благодаря смешению понятий техника и способ производства" /Каутский, 1918, с.97/.

Применительно к кочевничеству в этом плане существует концепция, согласно которой население евразийских степей подразделяется технологически на две эпохи: эпоху "ранних кочевников" (примерно до середины I тыс. н.э.) и эпоху "поздних кочевников". Соответственно у "ранних кочевников" отсутствовали те элементы материальной культуры, которые были характерны для "поздних": разборная юрта, вытеснившая "дома на колесах", утварь из легких и прочных материалов, седло, стремя и др. /Артамонов, 1947, с.70; Грязнов, 1955; Материалы..., 1955, с.115, 116; Черников, 1960; Смирнов К.Ф., 1964; Вайнштейн, 1971 и др./.

Мне уже приходилось вслед за А.М.Хазановым, первым обстоятельно аргументировавшим ошибочность выделения двух этапов в развитии материальной культуры номадизма, высказываться по этому поводу /Хазанов, 1973; 1975, с.268-272; Крадин, 1987а, с.31-39/. Тем не менее представляется необходимым еще раз остановиться на данном вопросе. Причина этого заключается в том, что выделение двух технологических этапов в истории номадизма, как правило, является одной из основных причин выделения двух формаций в социально-экономическом развитии кочевничества, где древность рассматривается как период военной демократии или

раннего рабовладения, а средневековье как время господства в степи феодализма.

Вопрос о месте и времени происхождения стремян традиционно дискусионен и не получил однозначного или хотя бы компромиссного решения среди специалистов /об этом см. например: Крадин, 1987а, с.32-34/. Но при этом хотелось бы обратить внимание на одно обстоятельство. Появление стремян улучшило управление лошадью, а в совокупности с жестким седлом создало предпосылки для улучшения точности стрельбы и повсеместного распространения тяжелой кавалерии, что принципиально изменило всю тактику ведения военных действий не только в степи, но и в мире вообще. Однако скинусские наездники пользовались заслуженной славой метких стрелков в Средней империи не зная стремян. То же самое можно сказать и о других кочевых народах, например о скифах. Известно также, что оседло-земледельческие народы в этом умении существенно отставали от кочевников. Так можно ли полагать, что изобретение стремян сыграло большую роль для степняков, нежели чем для оседлых жителей?

Орудия труда, применяемые в кочевом хозяйстве крайне просты и практически не претерпели изменений начиная с древности /Марков, 1979, с.289/.

Вопреки утверждениям, что кочевникам древности юрта известна не была, есть сведения, позволяющие утверждать обратное. Письменные источники сообщают о существовании юрты у скинну /МИС, вып.1, с.143 прим.147/, кумоси /МИГД, с.144/, жузаней /МИГД, с.273, 289, 290/, усуней /Кюнер, 1961, с.78/, ухуаней /МИГД, с.63, 296 прим.2/. В Крыму обнаружены остатки нескольких юртообразных жилищ, датируемые первыми веками нашей эры /Шульц, 1937; Дашевская, 1967, с.69 сл. рис.20/. Там же, в Крыму, в одном из склепов найдено изображение юрты /Вайнштейн, 1976, с.43 рис.10/.

Впрочем С.И.Вайнштейн высказал мнение, что обнаруженные археологами остатки жилищ являлись чумами, так как имели не складной решетчатый остов, как у юрты, а характерный для чума каркас из жердей. Критически С.И.Вайнштейн отнесся и к изображению жилища в склепе Анфестерия в Керчи. По его мнению, это не юрта, так как "держится не на деревянном остове, главным образом на четырех столбах". Относительно жилищ скинну он предположил, что

последние представляли собой приспособленные к перевозкам на телегах неразборные куполообразные шалаши, полусферические остовы которых сплетались из ивовых прутьев /1976, с.43, 45, 59/.

Позволю себе не согласиться с его точкой зрения. Изображение юрты из склепа в Крыму предполагает возможность альтернативного толкования. А описание сюннуского жилища из китайских летописей ("сплетенная ива служит домом, войлочная циновка является крышей" /МЭС, вып. I, с.143 прим.147/), в принципе, мало чем отличается от характеристик монгольского гера, данной Плако Карпини ("ставки у них круглые, изготовленные наподобие палатки и сделанные из прутьев и тонких палок... стены же и крыши покрыты войлоком, двери сделаны тоже из войлока") /Путешествия..., 1957, с.27; см. также: с.92, 93, 104, 119; Федоров-Давыдов, 1966, с.92; Гумилев, 1967, с.72-74/, и очень похоже на описание юрты древнетюркского типа, даваемое самим С.И.Вайнштейном /1976, с.47/.

Напротив, кибитки на колесах использовались не только древними, но и гораздо более поздними кочевниками. И юрта, и кибитка одновременно были известны киданям и ранним монголам. Кибитки зафиксированы у монголов эпохи империи, крымских татар. В восточных районах МНР вплоть до настоящего времени сохранились упрощенные виды жилищ на телегах, используемые при перегоне скота на дальние пастбища /Е Лунли, 1979, с.44; Викторова, 1980, с.55-56; Путешествия..., 1957, с.27, 28; Книга Марко Поло, 1955, с.88; Барбаро..., 1971, с.194; Герберштейн, 1989, с.169; Майдар, Първеев, 1980, с.21/. Иногда сами юрты ставили на телеги. В Золотой орде "жилищем степняков в той безграничной пустыне являются шатры "кутарме", которые делают так, что их не разбирают, и ставят и снимают целиком, а во время передвижений и перекочевок едут, ставя их на телеги" /Тизенгаузен, 1941, с.173/.

Трудно не согласиться с мнением Д.Майдара и Д.Първеева, считающих, что жилища на колесах не представляли принципиально иного конструктивного решения, которое могло бы дать новое направление в кочевой архитектуре: "Они по сути являлись герами, поставленными на телеги". Появление и развитие этой разновидности кочевого жилища связано, по их мнению, с периодами войн, когда, с одной стороны, нужно было быстро перемещаться на огромные расстояния, а с другой — жилища на колесах играли важную оборонительную роль. Устанавливаемые по кругу, они образовывали

укрепленный заслон (так называемый "курень") /1980, с.213/.

Последнее подтверждается многочисленными фактами. Рашид ад-Дин писал: "Когда вблизи находится вражеское войско, они (монголы) тоже располагаются в таком же виде (т.е. в виде "куреня" - Н.К.) для того, чтобы враги и чужие не проникали внутрь" /1952, кн.2, с.87/. Куренное кочевание сосуществовало с аильным у древних кумоси и киданей /МИГД, с.145, 148; Е Лунли, 1979, с.450/. В период напряженной политической обстановки большинство кавказских аулов предпочитало передвигаться сообща /Толыбеков, 1959, с.206/. Так, например, в 40-х годах ХУШ в. султан Нурали и его братья, враждовавшие с султанами Бараком и Батыром, старались кочевать поближе друг к другу /Сабырханов, 1969, с.156/. Но как только конфликты оканчивались и наступало затишье, подобные объединения сразу распадались /Зиманов, 1958, с.70/. Африканские номады летом, когда увеличивалась опасность нападения, собирались в крупные объединения численностью до нескольких сот шатров. Зимой же они рассеивались на небольшие группы по несколько семей /Марков, 1976, с.240-241; Зейверт, 1977, с.10/.

Думается, возможности концентрации кочевых хозяйств в более крупные объединения были существенно ограничены. Как заметил Н.Э.Масанов, господство тенденций к дисперсности в кочевой среде препятствовало сосредоточению скота в одном месте, вследствие чего выявляется прямо пропорциональная закономерность между ростом количества скота и увеличением числа падежей /1984, с.123/. Кроме того, при большой концентрации скота возрастает количество вытаптываемых земель, что приводит к потерям пастбищных ресурсов /Ямсков, 1986, с.28; ср.: Вайнштейн, 1972, с.72-74/. В таком случае трудно согласиться с точкой зрения Б.Я.Владимирцова и его последователей в этом вопросе полагавших, что до феодализма и на этапе его становления, номады кочевали как "куренями", так и отдельными аилами, а с образованием феодальных государств перешли исключительно к аильному кочеванию /Владимирцов, 1934, с.37-38, 45-46; ср.: Плетнева, 1982, с.145/. Более правильным представляется мнение исследователей, считающих, что куренная и аильная системы кочевания не исключали друг друга, а их бытование было связано с различными политическими, социальными, экономическими факторами, но никак не с

разложением родового строя у кочевых народов /Марков, 1976, с.57-58; Першиц, Хазанов, 1979, с.57; K̄nig, 1981, с. 29; Таскин, 1984, с.22 и др./.

Нельзя не отметить более слабое, нежели у оседлых народов, развитие ремесла у номадов. Археологические источники свидетельствуют, что у печенегов и половцев следов керамики почти нет, они не знали даже гончарного круга /Федоров-Давыдов, 1966, с.197-198/. Однако у киданей керамическое производство достигло достаточно высокого уровня /Ивлиев, 1988а/. Впрочем, кидани все-таки были более ближе к полукочевому, нежели к чисто кочевому скотоводческому хозяйству, но и у них ремесло имело домашний характер, а его расцвет связан с чужеземными мастерами из земледельческих государств, которых кочевники-завоеватели называли "драгоценными как коралл" / Wittfogel, Feng Chiasheng , 1949, p.149/.

Похожую картину рисуют и письменные источники. У ухуаней "женщины умеют вышивать по коже, делать узорчатые вышивки, ткать шерстяные ткани; мужчины умеют делать луки, стрелы, седла и уздечки, ковать оружие из металла и железа" /МИГД, с.64/. У огузов и туркмен ремесло также носило домашний характер /Агаджанов, 1969, с.98-99/. О тюрках источники свидетельствуют нечто подобное. Кочевник "делает все процессы ремесла сам, не просит помощи у товарища и не обращается за советом к другу" /Мандельштам, 1956, с.241/. Монголы наиболее квалифицированную часть ремесленников захватывали в завоеванных странах и стогнали со всего мира в свои степные города /см., например: Полубояринова, 1978/. Однако внутри собственного кочевого общества ремесло находилось в неотделенном состоянии от скотоводческого труда. Монголы сами "изготавливали деревянные каркасы юрт, седла, уздечки, путы... ведра, корыта, ложки... луки и стрелы, ножи, копья, щиты и другие предметы вооружения и военного снаряжения" /Далай, 1983, с.97/. Ситуация не изменилась вплоть до народной революции 1921 г. По словам побывавшего в Монголии в те годы И.М.Майского, каждая юрта являлась самостоятельной мастерской, но ремесленная специализация не выкристаллизовывалась в сколько-нибудь значительные формы. "Кое-где в стране... имелись столяры, плотники, кузнецы, ювелиры, сапожники и т.д. Однако ремесленное производство было настолько слабым, что о его народнохозяйствен-

ном значении говорить трудно. Чрезвычайно характерно, что монгольский ремесленник обычно бывал мастером на все руки: он и плотник, и кузнец, и башмачник" /1921, с.190/.

Но не все разделяют мнение об ограниченном характере развития ремесла у кочевников. С.И.Вайнштейн, например, полагает, что у них ремесло носило довольно высокоразвитый характер, хотя и признает, что по сравнению с земледельческими народами оно являлось более слабо развитым /1972, с.24-74, 278/. Мне кажется, что сам вопрос не следует ставить подобным образом. Культурные достижения того или иного народа нельзя оценивать с точки зрения "высокоразвитый - низкоразвитый". Речь должна идти об уровне развития общественного разделения труда, а именно о том, что большей частью в кочевых обществах ремесло не выделилось в самостоятельную сферу производства, что, в конечном счете, явилось одним из барьеров на пути развития кочевничества.

По всей видимости, при кочевом скотоводстве также было немало возможностей для выведения новых пород скота. Кочевники, конечно, знали и применяли селекцию, для чего использовали скрещивание, а также с целью повышения рабочих качеств самцов делали им кастрацию. Однако улучшение пород скота шло крайне медленно. Отчасти это можно объяснить суровыми условиями существования. По данным И.М.Майского /1921, с.117/, русская лошадь жила в полтора раза дольше чем монгольская. Анализ комплекса источников, проведенный С.П.Нестеровым /1990, с.38/, показал, что породы лошадей в центральноазиатских степях не изменились с эпохи древности. Эти породы являлись продуктом данной экологической зоны и были лучше других приспособлены к климату. Вместе с тем желание кочевников иметь хороших верховых лошадей удовлетворялось за счет лошадей из Средней Азии.

Нечто подобное писал в прошлом веке Л.Костенко. По его словам, высокопородные лошади, которые существовали в древней Фергане во II в. до н.э., знаменитая арабская лошадь в Аравии и ахал-текинская лошадь в Туркмении были выведены в условиях оазисного земледелия. Там кормили лошадей сухим фуражом, хлебом, поили молоком, держали в тепле. У кочевника же "лошадь и летом и зимой ищет пищу на пастбище, почти никогда не отведывая сухого фуража" /1870, с.188-189/.

С другой стороны, практически все силы и все время уходило

на количественное возмещение поголовья скота, периодически подвергавшегося падежу. В этом смысле логично согласиться с мнением Л.С.Васильева, что "самая острая нужда не в состоянии толкнуть общество вперед. Для поисков и находок, для изобретений и экспериментов нужны благоприятные условия" /1976, с.18/. Иначе говоря, голодающим не до экспериментов.

Прогресс в формах ведения скотоводческого хозяйства наступал лишь с вовлечением кочевников в капиталистический рынок. Так, присоединение Казахстана к России потребовало увеличения производства мяса, молока, шерсти, кожи и других продуктов животноводства. Это заставило крупных скотовладельцев начать работу по улучшению породности скота, использованию более эффективных приемов ухода за ним (перевод скота на стойловое содержание, сенокосение, использование машин и т.д.) /Кшибеков, 1963, с.193-194/.

Таким образом, многочисленные факты свидетельствуют о неправомерности разделения кочевников на "ранних" и "поздних". Трудно отделаться от мысли, что над исследователями в подсознании довлела идея принципиального отличия истории древних обществ от эпохи средневековья, которое долгое время было принято связывать, соответственно, с рабовладельческой и феодальной формациями. Между тем В.П.Илюшечкиным было убедительно продемонстрировано, что подобное деление происходило своими корнями от хронологического членения истории Европы на три фазы: древность, средневековье и новое время, которым впоследствии А.Сен-Симоном и О.Контом был придан стадийный смысл, а еще позже эта периодизация была экстраполирована на историю всего остального мира /Илюшечкин, 1986а, с.12-45/. Но какое, собственно говоря, значение имел для евразийских степей 476 г.? Год, в котором Одоакр отослал инсигний императорской власти в Константинополь и который условно принято считать границей между древностью и средневековьем /Хазанов, 1973, с.9-10; 1975, с.272-273; Крадин, 1987/.

По изложенным причинам представляется неправомерным выделение двух этапов в эволюции материальной культуры номадизма. Немногочисленные орудия труда, методы ведения скотоводческого хозяйства, скот как главное средство труда, - т.е. фактически все, что находилось между номадом и присваиваемой им в процессе производства природы, не претерпело существенных изменений со

времени зарождения номадизма вплоть до его упадка. Это наводит на мысль о неизменности производительных сил кочевничества в целом. Конечно, сводить развитие производительных сил только к развитию средств труда было бы неверным. Однако трудно представить, что в системе которая развивается, одна из важнейших подсистем находилась бы в климаксном состоянии. Как пишет А.И. Фурсов, "кочевые общества развиваются по тем же закономерностям, что и другие общества, однако темп их развития обуславливается особенностями их основного орудия труда — представленного живым природным объектом — скотом, практически не поддающимся усовершенствованию... скот остается без изменения на протяжении тысячелетий, тогда как орудия труда земледельца проходят путь развития от сохи до машины, и это не может не предопределить различные темпы развития скотоводческих и земледельческих обществ" /1976, с.39-40/.

Особенности экономики номадизма

Одной из характерных черт скотоводства является его зависимость от природно-климатических колебаний. При этом нет принципиальной разницы как между древними, средневековыми, так и более поздними кочевниками. Поскольку большие сводки материала по этому вопросу уже приводились /Хазанов, 1975, с.149-150; Крадин, 1987а, с.39-41/, остановлюсь только на общих или наиболее показательных моментах.

Уже в сюннуской державе встречаем в летописях сведения подобного характера. Под 46 г. н.э. сообщается: "в землях сюнну несколько лет была засуха и саранча; земля на несколько тысяч ли лежала голая, деревья и травы посохли, народ и скот голодали и болели, от чего умерли и пала большая часть (народа и скота)" /Таскин, 1968, с.39/. Источники позволяют подсчитать, что у сюнну климатические неурядицы случались почти раз в десять лет /МИС, вып.1, с.59; вып.2, с.22,23,28,29,36,37,39,59,70,72,77,149/. Есть множество сведений о падежах в тюркском каганате /Бичурин, 1950, т.1, с.236; Малов, 1959, с.21/. Письменные источники по истории монгольских империй регулярно свидетельствуют о джутах, засухах и эпизоотиях в степи /Бичурин, 1829, с.277,279,301; Мункуев, 1970б, с.417,427,428; Далай, 1983, с.117;

Тивенгаузен, 1884, с.422/. В более позднее время в Монголии от непогоды гибли миллионы голов скота, а общее поголовье сокращалось на 20-30%. "Но холод, голод, снежные бураны, волки - все это постоянные враги монгольского скотоводства, - писал И.М. Майский, - кроме этих обычных печалей на монгольское скотоводство то и дело сыплются еще экстраординарные напасти в виде разного рода болезней и эпизоотий". Против болезней скота народ знал лишь ламские лечения заговорами да ворожбой. В результате такой "ветеринарии" погибало до 60% и более (!) скота /Майский, 1921, с.118; см. также: Златкин, 1950, с.25, 26; Вяткина, 1960, с.161; Гунгадаш, 1984, с.118-119/.

Нечто подобное было и в восточноевропейских степях. Крымские татары, отправившиеся в 1560 г. в набег на Московское государство, потеряли от холода и голода большую часть лошадей. В тот же год погибло множество конских табунов, стад овец и коров в Ногайской орде /Кириков, 1959, с.130/.

В новое и новейшее время у казахов гибло в тяжелые годы более 50% скота. У туркмен потери доходили до 40-50%. В Туве в годы джудов погибало до 15-17%, а с эпизоотиями до 50% поголовья. Кочевники Ирана теряли от нехватки кормов, холодов и эпизоотий почти 50% от общего числа скота /Толыбаков, 1971, с.79-80, 542-543; Материалы..., 1955, с.70; Вайнштейн, 1972, с.52-53; Трубенкой, 1966, с.103/.

Но было бы, пожалуй, неверно утверждать, что подобные губительные влияния природа оказывала только на кочевников. Вызванный неурожаем голод постоянно сопутствовал и земледельческим народам /см., например: Авербух, 1967, с.127; Дулов А.В., 1983, с.15, табл.2; Борисенков, Пасецкий, 1988/, однако такого же воздействия, как на кочевников, на земледельческие общества климатические колебания не оказывали. "Накопление энергии посредством труда, - писал еще Ф.Энгельс, - происходит только в земледелии; в скотоводстве в общем накопленная в растениях энергия лишь перемещается в животные; о накоплении энергии тут речь может идти постольку, поскольку без скотоводства кормовые растения увяли бы без пользы" /Маркс, Энгельс, т.35, с.111-112/.

Думается, этим как раз и объясняется в теоретическом отношении большая по сравнению с земледелием нестабильность скотовод-

ства. Скот как "хранитель энергии" в отличие от зерна не может быть вырван из постоянного процесса производства и воспроизводства и, следовательно, все время находится под угрозой уничтожения неблагоприятными природными факторами, тогда как продукты земледелия, изъятые из природного обращения, могут длительное время храниться и накапливаться. Между тем известно, что одним из важнейших факторов повышения жизнеспособности системы является максимальное развитие накопителей энергии и механизмов обратной связи, позволяющих увеличить поступление энергии и ее запасы /см., например: Одум Г., Одум Э., 1978/.

С другой стороны, одновидовые системы, в том числе и монокультуры в аграрной экономике, являются неустойчивыми по своей сущности, "поскольку в условиях стресса они сильно уязвимы для конкурентов, возбудителей болезней, паразитов, хищников и других факторов, оказывающих отрицательное влияние /Одум Ю., 1986, т.2, с.105-106/. В полной мере это относится к кочевому скотоводству, условия существования которого в большей степени, чем земледелия, были детерминированы природными условиями. В сухих степях и тем более полупустынях практически невозможно заниматься неполивным земледелием, тогда как оседло-земледельческий уклад всегда предполагает определенную возможность разведения скота.

В целом вырисовывается тенденция, согласно которой примерно каждые 10-12 лет случался массовый джунт. В результате такого джунта гибло, как правило, не менее половины от поголовья всего скота. При этом на восстановление требовалось примерно 10-13 лет /Слудский, 1953, с.19, 20/. В таком случае трудно представить, чтобы в течение двух тысячелетий происходил поступательный рост количества скота. Скорее всего, численность поголовья стад циклически колебалась вокруг определенной отметки, то увеличиваясь в результате благоприятных экологических условий, то сокращаясь от джунтов, эпизоотий и других неблагоприятных причин.

К сожалению, в настоящее время эту мысль нельзя подтвердить конкретными статистическими данными по различным эпохам и регионам, так как в отечественной историографии по данному вопросу практически нет специальных работ. Исключением в этом плане являются только исследования И.И.Крупника, который убедительно показал на примере оленеводов-чукчей, что рост и сокращение

численности оленей у них происходили с довольно строгой периодичностью, циклами примерно в 10-12 лет /1975; 1977; 1989/.

Кроме нестабильности экономика номадизма имела еще и значительный экстенсивный характер. Это выражалось в том, что увеличение производства зависело больше от естественных условий, нежели от объема вложенного труда. Экстенсивный характер кочевото скотоводства позволял ему развиваться только вширь, а не вглубь, т.е. за счет увеличения пастбищных ресурсов. А учитывая то обстоятельство, что для скотоводства необходимы большие пространства, логично предположить, что все наиболее пригодные земли были сравнительно быстро освоены. Это препятствовало росту поголовья скота и увеличению населения. В конечном счете сложился динамичный баланс между ресурсами пастбищ, количеством стад и общей численностью номадов, кочевавших на данной территории. Сами кочевники эмпирически хорошо осознавали данную зависимость. "Без травы нет скота, без скота нет пищи", - гласит монгольская пословица /цит. по: Першиц, Хазанов, 1979, с.58/.

Наглядно демонстрирует указанную особенность номадизма пример с Монголией. По свидетельству И.М.Майского, она к 1919 г. уже почти целиком использовала наличные земли для прокормления скота, где на душу населения приходилось в среднем 17,8 голов /1921, с.67, 124/. Эти данные вполне сопоставимы с численностью скота у сыну, живших на территории современной Монголии почти две тысячи лет назад - примерно 19 голов на одного человека /Таскин, 1968, с.42-43/. Тем самым подтверждается предположение Майского, сделанное более 60 лет назад: "Я не решаюсь высказать вполне категоричного мнения, ибо в подтверждение его невозможно привести какие-либо достоверные статистические данные, но общее впечатление мое таково, что при системе первобытного скотоводства Автономная Монголия не в состоянии прокормить количество скота, значительно превышающее его нынешнее число. Быть может, при строгой экономии ее травяных ресурсов хватило бы для полторного против нынешнего количества скота... но не более /1921, с.134/. Примечательно, что в 60-е годы число пастухов у монголов было почти таким же, что и в начале века, хотя общее население страны возросло почти в два раза /Марковска, 1973, с.290; цит. по: Khazanov, 1984, p.71/.

Экстенсивность номадизма, его жесткая зависимость от

характера экологических зон проявляется и в иных случаях. Для примера сообщу, что видовой и процентный состав стад кочевников, протяженность и маршруты перекочевков во многом детерминированы структурой и продуктивностью ландшафта. Это прослеживается на сравнении средневекового населения и жителей недавнего прошлого Северной Каракалпакии, древних сарматов и калмыков периода нового времени, населения Тувы I тыс. н.э. и XIX - начала XX вв., кочевников Ферганы в различные эпохи, монголов периода империи и современности /Цалкин, 1966; 1968; Хазанов, 1972а; Вайнштейн, 1972; Заднепровский, 1978/.

Известно, что в экосистеме переход от одного уровня пищевой цепи к другой происходит с очень плохой отдачей и значительными, до 80-90%, потерями энергии. Следовательно, переход к каждому новому уровню уменьшает доступную энергию как минимум в 10 раз. В частности, как пишут П.Дювиньо и М.Танг, травоядные животные, потребляемые человеком в пищу, достаточно плохо трансформируют энергию пастбищных ресурсов /1968, с.186; Одум Ю., 1986, т.1, с.143/. Иначе говоря, одинаковые площади земледельческих и пастбищных территорий были способны прокормить далеко не одинаковое число людей. В кочевых обществах плотность населения с незначительными допущениями колебалась от 0,5 до 2 чел. на кв.км, тогда как в земледельческих обществах она была во много раз больше.

Однако неправильно полагать будто бы кочевническая экономика была не в состоянии обеспечить собственного воспроизводства. Даже охотники и собиратели могут вполне неплохо обходиться имеющимися в их распоряжении естественными ресурсами. Достаточно сослаться на так называемый "парадокс Салинга" /Salhins, 1972, р.1-40/. Тем более это относится кномадам. В отдельных экологических зонах экстенсивное скотоводство дает больший, чем земледелие, экономический эффект. К тому же при круглогодичном выпасе оно является менее трудоемким видом хозяйственной деятельности. Например, в некоторых районах Средней Азии оно дает в 2,5 раза больше доходов на одного человека, чем хлопководство /Хазанов, 1975а, с.48/.

Если воспользоваться данными, полученными экспедицией И.М. Майского по Монголии, то можно построить упрощенную "модель" среднестатистической семьи номадов. Приблизительный годовой

прирост скота составлял 33,3%. Если из него вычесть ежегодные потери от холодов, голода и пр., но без учета эпизоотий, то получится излишек в 11,3%. Вычитаем еще расходы на пропажу (3,5%) и пиду (2,6%), кстати говоря в пиду большей частью шел падший скот (т.е. 2,6%+22%), и в результате получается излишек в 5,2% от первоначального поголовья. Но это без учета налогов (2,6%) и эпизоотий, от которых могло погибнуть до 50% от общего числа скота* /Майский, 1921, с.130/. К тому же во время экспедиции в Монголии была сравнительно благоприятная климатическая обстановка: несколько зим подряд были теплыми и малоснежными.

Таким образом, скотоводческая экономика, в принципе, могла эволюционировать в рамках простого воспроизводства, а при стечении ряда благоприятных факторов даже развиваться до известных пределов, детерминированных продуктивностью ландшафтных угодий. При этом, конечно, в жизни перед номадами всегда существовала реальная угроза климатического стресса.

Часто кочевниковеды задаются вопросом: почему номады не заготавливали на зиму корма для скота. Как показывают исследования специалистов, восстановление скошенных трав в степях Евразии происходит только через несколько лет. При этом сенокосные угодья нередко зарастают кустарником и на них становится невозможным выпасать скот /Калинина, 1974/. Возможно, сами кочевники

* Эти данные, а также подсчеты по общему бюджету средней монгольской семьи ранее я трактовал как свидетельство невозможности производства кочевниками регулярно большого количества прибавочного продукта и, следовательно, невозможности образования классов и государства /Крадин, 1987а, с.43-45, 49/. В настоящее время такой подход представляется мне несколько упрощенным. Возникновение крупных надобщинных структур было возможным и на экономическом базисе охотников и собирателей. Тем не менее если исходить из данных Атласа Мёрдока, то в выборке из 186 этнографически исследованных обществ, среди которых были и экстенсивные номады, ни один из 13 изученных социальных организмов скотоводов не достиг уровня государственности и классовой стратификации, хотя больше чем в 50% из них плотность населения была выше обычной для кочевников как минимум в два раза /Коротаев, 1989, с.91, табл.ХI/.

интуитивно или эмпирически чувствовали эту закономерность. И.М.Майский описывает случай, произошедший с ним вначале экспедиции по Монголии. Между Кяхтой и Ургой он встретился с одним ламой, приехавшим из монастыря на побывку домой. Лама жаловался на плохие времена, на тяжелую зиму, когда у него погибло из 250 баранов 150, а из 50 коров 10.

"Невольно у меня вырвался вопрос, — пишет И.М.Майский, — Почему же вы не косите сено?". И я стал подробно объяснять своему собеседнику все выгоды более рационального ведения скотоводства. Лама внимательно выслушал меня, пожевал губами и вместо ответа произнес тоном глубокого убеждения: "Непривычны мы сено косить!". Потом он помолчал немного, перекинул несколько шариков на четках, бывших у него, и прибавил: "Бог дал, бог и взял! Ничего не поделаешь! Надо молиться!" /1921, с.33-34/. Нечто подобное наблюдал Э.Эванс-Причард у нуэров. "Когда я обращал их внимание на то, что за полями плохо ухаживают, урожаи не защищают от зверей и птиц, это их не трогало. Они считают, что было бы позором лишать заботы скот, но не так уж важно, если заброшено поле... Таков уж наш обычай. У нас есть скот" /1985, с.76/.

Причиной кризиса кочевнической экономики могли стать и иные условия, напрямую не связанные с климатом, такие, например, как чрезмерный перерост численности скота или демографический взрыв. Для разрешения этих проблем кочевникам приходилось "включать" различные регулятивные социальные механизмы. К примеру, африканские кочевники практиковали жесткий контроль за рождаемостью, включая даже детоубийство в периоды засух /Khazanov, 1984, p.71/. Торговля также была важным фактором, с помощью которого переизбытки скота сбывались на сторону, чтобы не перегружать равновесия с экологической средой /Дигар, 1989, с.41/. Однако в целом, думается, выбор методов регуляции у кочевников был ограничен.

Как уже отмечалось, одновидовые экологические системы являются более нестабильными по сравнению с многовидовыми. Не случайно кочевничество редко существовало отдельно от иных форм хозяйственной деятельности. Кочевники нередко практиковали в качестве подсобного сектора экономики охоту, рыболовство и земледелие, которые выступали дополнительным фактором стабильности

номадизма. Сведений о существовании земледельческого и присваивающих укладов в археологических, нарративных и этнографических источниках настолько много, что вряд ли имеет смысл на этом специально останавливаться.

Но земледелие и оседлость всегда рассматривались как альтернатива образу существования номадов. Даже у киданей, в экономике которых, как мне кажется, земледелие в силу ряда экологических причин занимало немаловажное место издревна, все же основным поставщиком земледельческой продукции являлись подвластные оседлые народы — китайцы и бохайцы /Wittfogel, Feng Chiasheng, 1949, p.120-125/. Сами же кочевники никогда особенно не стремились заниматься земледелием. Психология номада отрицательно относилась к стационарности, как и оскорбляющей самолюбие свободного скотовода. На этот шаг их могли вынудить только исключительные обстоятельства. Поэтому перешедшие к занятию земледелием кочевники рассматривали свое состояние вынужденным и временным, и при первой же возможности вновь переходили к кочеванию и занятию скотоводством /Зиманов, 1958, с.38; Толыбеков, 1959, с.335-338; 1971, с.452; Апполова, 1960, с.53; Трубецкой, 1964; Семенюк, 1970, с.230, 232; Марков, 1976, с.139,140,163,165,243-244; Шнирельман, 1991, с.23 и др./.

Чаще кочевники предпочитали развивать сельскохозяйственный сектор в экономике путем включения в состав своих социальных организмов земледельческого населения. Часть этого населения уронялась в полон из земледельческих государств*, инкорпорируясь в степи в неполноправную прослойку общества. Другим источником формирования этого социального слоя были мигранты из соседних оседло-земледельческих государств /см., например: МИС, вып.2, с.41; Е Дунли, 1979, с.43, 367/. Поселки, жители которых занимались земледелием, а также и ремеслом, по причине того что последнее в кочевых обществах так и не выделилось в самостоятельную сферу производственной деятельности, зафиксированы у сюнну, сяньби, тюрков, киданей, монголов и других номадов /Гумилев, 1967, с.147; Гумилев, Эрдейи, 1969, с.86; МИГД, с.80;

* Если судить по данным письменных источников, то только сюнну за 100 лет с 166 по 60 г. до н.э. по самым приблизительным подсчетам увели в плен почти 150 тыс.чел. /см.: МИС, вып.1-2/.

Бичурин, 1950, т.2, с.300; Ивлиев, 1983, с.128; Мункуев, 1965, с.78/.

Вместе с тем недостающие продукты земледелия и продукцию ремесла можно было получать от соседних оседлых цивилизаций. Последние выступали как фактор дополнительной гарантии стабильности скотоводческой экономики. Весьма интересна в этом плане мысль А.М.Хазанова, что экологическая и экономическая адаптация номадизма к окружающей среде была далеко не полной, ее дополняла адаптация кочевничества к "Внешнему Миру" / Khazanov, 1984, p.84/.

Эта адаптация могла достигаться различными способами /Khazanov, 1984, p.157-158/. Наиболее типичными из них были следующие: посредническая торговля между земледельческими цивилизациями и соучастие в ней; широкие обменные и торговые связи с соседними оседло-земледельческими обществами; периодические набеги, нерегулярный грабж и разовая контрибуция земледельческих обществ; данническая эксплуатация и навязывание вассальных связей земледельцам; завоевание оседлых обществ; вхождение в состав земледельческих государств в качестве зависимой, неполноправной части социума.

Первые два способа, а также последний не были в полной мере приемлемыми для кочевых обществ.

С одной стороны, несмотря на то что взаимодействие между кочевниками и земледельцами представляло собой одну из форм общественного разделения труда, оседлое хозяйство, в силу большей автаркичности, было менее заинтересовано в установлении торговых связей, чем кочевое. По этой причине земледельцы часто использовали внешнюю торговлю как средство политического давления на номадов и последним нередко приходилось отстаивать свои права на нее вооруженным путем. Это универсальная для всех регионов и эпох закономерность /см., например: МИС, вып.1, с.42,46, 47,48,50; вып.2, с.22,51,64; МИГД, с.143; Покотилев, 1893, с.108-109; Кляшторный, 1964, с.117; Хазанов, 1975, с.253-256; Марков, 1976, с.246; Шнирельман, 1980, с.241/. Но нестабильность кочевой экономики не могла обеспечить постоянных стабильных излишков, которые можно было бы предложить для обмена, а это не позволяло номадам регулярно пользоваться услугами рынка.

С другой стороны, трансконтинентальная торговля всегда

приносила кочевникам значительные выгоды. Но ее бесперебойное функционирование и существование устойчивых маршрутов, как правило, зависело от стабильной политической ситуации, которая могла быть обеспечена только крупными потестарно-политическими образованиями такими, например, как тюркский и хазарский каганаты.

И, наконец, вхождение в состав земледельческих государств на правах эксплуатируемой стороны, это далеко не лучшая из альтернатив номадизма. Конечно, при этом кочевники вовлекались в экономические связи оседлых государств более интенсивно, иногда получали дополнительные гарантии стабильного существования, но для этого приходилось жертвовать политической и национальной независимостью. Не случайно, данная тенденция характерна, как правило, для обществ номадов нового и новейшего времени, когда "порох и пушки одержали верх над их быстротой" /Бродель, 1986, с.112/.

Более приемлемыми для кочевых обществ являлись третий, четвертый и пятый из предложенных вариантов. Когда номады чувствовали, что не уступают в военной силе своим оседлым соседям, они предпочитали получать недостающие ремесленные и земледельческие продукты путем грабежа, взимания дани и войны. Война, по меткому замечанию К.Маркса, была одним из самых первобытных видов труда /Маркс, Энгельс, т.46, ч.1, с.480/. Она не являлась более интенсивной, чем другие виды человеческой деятельности (земледелие, торговля и др.), но могла дать отдельной группе людей несоизмеримо больше прибавочного продукта при сравнительно меньшей вложенности труда или хотя бы при видимости этого. "Они варвары, - писал Ф.Энгельс, - грабеж им кажется более легким, чем созидательный труд. Война, которую раньше вели для того, чтобы расширить территорию, ставшую недостаточной, ведется теперь только ради грабежа, становится постоянным промыслом" /Маркс, Энгельс, т.21, с.164/.

Среди номадов сложилось представление о большей престижности грабительских набегов и военных походов в сравнении с мирной деятельностью. Геродот /II, 167/, в частности, отмечал, что скифы и подобные им варвары "меньше всех ценят тех граждан и их потомков, которые занимаются ремеслом, напротив считают благородными тех, которым совершенно чужд ручной труд и которые

ведут только военное дело". Это накладывало отпечаток на жизнь кочевников, определенным образом трансформировало социокультурные ценности общества, послужило основой для формирования культур войны, воина-всадника, героизированных предков, наших, в свою очередь, отражение как в устном творчестве номадов (героический эпос), так и в изобразительном искусстве (звериный стиль).

История кочевого мира – это история постоянных войн с оседлыми земледельческими цивилизациями. Причем необходимо отметить, что часто войны являлись единственно возможным методом преодоления кризисной ситуации. Прослеживается чуть-ли не с математической точностью корреляция между климатическими стрессами в степи и набегами на земледельческие территории. К примеру, в 522 г. жужани просили Китай дать хлеба. Неизвестно, какая была реакция имперского правительства, но уже в начале следующего года номады перешли границу и занялись грабежами /МИГД, с.286/. Не что подобное случилось с туюхунями. Источники свидетельствуют, что кочевья их вождя Шииня "постиг жестокий голод. В связи с этим Шиинь неоднократно совершал грабительские набеги" на Китай /МИГД, с.224/. Похожая ситуация существовала и на противоположном краю степного мира. По мнению исследователей, грабеж земледельческих территорий – это единственное средство восстановить благосостояние бедных номадов у арабов /Марков, 1976, с.246/. К тому же часто на такой шаг кочевников толкали сами земледельцы, которые лишали скот номадов зимних пастбищ, пуская по степи пал /см., например: Думан, 1955, с.18; Кириков, 1979, с.23, 33/. Впрочем, последние отвечали им тем же, вытаптывая посевы.

Кто получал больше выгод в войне – кочевники или земледельцы? Вопрос достаточно непростой и имеет много доводов как в пользу одного, так и другого мнения. Действительно, стационарные населенные пункты земледельцев являлись намного более удобной мишенью для набегов, чем подвижные кочевья номадов. Но, как пишет Л.Н.Гумилев, кибитки могут двигаться по степи со скоростью, не превышающей 4 км в час, а конное войско на рысях в час могло проходить 15 км. "Значит, кочевья были фактически беззащитны против русских ударов, тем более, что легкая половецкая конница не выдерживала натиска тяжеловооруженных русских, а маневрен-

ность не имела значения при обороне жен и детей на телегах. Наконец, половецкие зимовья не были ни мобильны, ни укреплены, тогда как русские крепости надежно защищали их обитателей, а лес — всегда удобное прикрытие для бергленцев" /1984, с.20/.

С другой стороны, еще в первой четверти XIX в. д'Оссон писал: "Образ жизни этих кочевников делал их особенно приспособленными к военной службе" /д'Оссон, 1937, с.39/. Для выпаса кочевникам требовалось не более 4-5% человек от общего населения /Семенук, 1958, с.66/, к тому же источники часто свидетельствуют, что скот пасли женщины и дети. Следовательно, от 80% до 100% всех мужчин могли принимать участие в военных действиях, а это давало им определенные преимущества. Еще Г.В.Плеханов подметил, что "у номадов все или почти все взрослые мужчины — воины; у земледельцев военное дело становится занятием лишь некоторой части общества, например, в Киевской Руси князя и его дружины" /1918, с.45/. Но плотность населения в земледельческих обществах несоизмеримо выше и, соответственно, возможностей создать регулярную, такую же по численности армию, как и у кочевников, у них в общем-то не меньше.

Нарративные источники во многом предвзято описывают степной мир. Кочевники предстают в них как варвары, которые способны только к войне и разрушениям. Да и как, в общем-то, должны были описывать степняков летописцы, в глазах которых кочевники были грабителями, завоевателями их Родины? Однако вряд ли номадофобный подход, для преодоления которого много сделал Л.Н. Гумилев /см., например: 1984; 1989/, может являться перспективным в качестве исследования кочевников-скотоводов. Но с другой стороны, было бы ошибочным все, что принесли кочевники земледельческому миру, списывать только на экологию. Нельзя объяснять завоевание и разорение монголами цивилизация Средней Азии, к примеру, только усыханием или увлажнением степей. Это вульгарно-экономическое упрощение исторического процесса.

И все же нельзя не согласиться с В.В.Григорьевым /1875, с.1/, еще более ста лет назад писавшим, что "одинаковые условия производят одинаковые явления". Номадизм представлял собой "более открытую", чем земледельческие цивилизации, систему. Климатические стрессы, экстенсивность скотоводства, невозможность использования технологических инноваций делали получаемый

прибавочный продукт во многом нестабильным. Номадизм редко бывал отделен от иных отраслей хозяйства, но и, как афористично отметил О.Латтимор, "бедный кочевник — чистый кочевник" /Lattimore, 1967, p.522/. Но, впрочем, трудно спорить с И.Эчедеи, писавшей что данная закономерность стала универсальной только в новейшее время, когда стесненный политическими границами номад эволюционировал только в рамках собственной экономики /Escedy, 1981, p.202-203/.

В сложившейся ситуации, особенно учитывая, что земледельцы не очень-то стремились к торговле с номадами, война часто была единственным средством для кочевников преодолеть внутренние экономические проблемы. Но для успешной внешней деятельности была необходима консолидация дисперсного населения и цементация его в прочную военно-политическую структуру. Так рождались крупные степные державы — "кочевые империи". И только так на время можно было преодолеть противоречия экстенсивной скотоводческой экономики.

Кочевничество в системе натуральных производительных сил

Кочевые общества для марксистской теории истории представляют такую же фундаментальную проблему, что и азиатский способ производства. Как интерпретировать номадизм в рамках единого формационного марша человечества, пишет Э.Геллнер? Диалектическая теория социального прогресса изначально предполагает изменения по направлению к высшим формам организации труда и общества. Но экономический базис кочевничества оставался практически неизменным на протяжении тысячелетий и, следовательно, номадизм выпадает из марксистской диалектики истории. С другой стороны, если "базис" общества не меняется, то и "надстройка" должна оставаться неизменной. Но "надстройка" кочевых обществ не сохраняла базисоподобное постоянство: номады то создавали гигантские кочевые империи, то распадались на отдельные ханства или акефальные племенные структуры, а это противоречило марксистской теории /Gellner, 1984, p.xiii; 1988, p.93-97, II4/.

Последнюю мысль Э.Геллнера можно сформулировать в несколько ином виде. По степени развития технологии, организации

производства, количеству получаемой из природы энергии номадизм как хозяйственно-культурный тип (точнее сумма типов) в принципе одинаков, что в Северной Африке или Южной Аравии, то и в евразийских степях. Некоторые вариации вследствие влияния экологических, культурно-этнических, исторических и политических факторов, разумеется, были, но не настолько, чтобы изменить основные параметры социально-экономического базиса. При этом "ни с экологической, ни с хозяйственно-технической точки зрения кочевники-скотоводы не нуждаются в уровне социальной организации выше племенного" /Фурсов, 1988, с.182/. Однако чем тогда "объяснить тот факт, что кашгайцы и белуджи остались племенами ... туареги не продвинулись выше неустойчивых конфедераций племен, а кочевники Центральной Азии - хунну, тюрки и монголы XIII в. создали "степные империи"?" /там же, с.183/.

Данные проблемы в ортодоксальном марксизме обычно решались в традиционной манере: путем их игнорирования и сведением эволюции общества к неодушевленной предметной стороне - развитию техники /см., например: Коган, 1980, с.120-121/. При этом многие факты получали искаженное толкование и подгонялись под пятичленную формационную схему. Так появилось деление на "ранних" и "поздних" кочевников, которое плохо согласуется с фактами, но зато совпадает (и это далеко не случайно) с выделяемыми феодалами первобытной и феодальной формациями в истории степи.

В таком же ключе осуществлена попытка Д.И.Кшибекова, во что бы то ни стало доказать наличие прогресса у кочевников. Резко возражая против мнения А.М.Хазанова о застойном характере номадизма, он полагает, что "в кочевом обществе имела место, если так можно выразиться, своя движущая сила - противоречие между производительными силами и производственными отношениями. Скот в кочевом обществе в зависимости от конкретных обстоятельств выступал то как средство труда, то как предмет труда. Изменение выражалось в развитии субъекта производства - людей, главной производительной силы кочевого общества. У кочевников накапливался опыт по уходу за скотом, совершенствовались навыки труда. Кочевники с глубокой древности занимались скрещиванием скота и выведением его новых пород" /Кшибеков, 1984, с.91-92/.

Вряд ли имеет смысл возвращаться к уже разобранному в

первом разделе этой главы тезису о неизменности пород скота у номадов, да и к демагогическим заявлениям в духе застоя о главной производительной силе человеку. Но как-то неловко указывать философу, что средства труда и предмет труда — это логические категории, существующие только в нашем воображении, и что скот никуда не переходит "в зависимости от конкретных обстоятельств". Он просто пасется, плодится, обеспечивает скотовода молоком, мясом, шерстью и пр. К сожалению, приходится констатировать, что среди отечественных философов очень характерна тенденция к "материализации" абстрактно-логических конструкций, приданию им статуса онтологической реальности. Быть может, таким способом они пытаются фундаментально мотивировать неопровержимость своих "материалистических" теорий?

Пытаясь пересмотреть техницистское понимание доиндустриальной истории, некоторые исследователи выдвинули предположение, что в докапиталистических обществах изменения техники не играли большого значения и что на этой стадии важную роль играл природный элемент системы производительных сил /Меликишвили, 1972, с.54; Семенов, 1985; Нурсев, 1989; Павленко, 1989 и др./.

Применительно к номадизму Ю.А.Васильчуком было выдвинуто интересное мнение о необходимости учитывать и личный элемент производительных сил. Автор уловил тот факт, что кочевники не вписываются в ортодоксальную схему производительных сил. Проблема поставлена им почти по геллнеровски: как объяснить, что немногочисленные и "отсталые" по уровню развития технологии номады смогли завоевать по меньшей степени полмира? Но раз они смогли покорить половину человечества, — считает автор, — то, с точки зрения линейного прогресса (а иная интерпретация в годы, когда писалась статья, вряд ли была возможной), они никак не могут считаться "отсталыми". И Ю.А.Васильчук предлагает свою версию решения проблемы.

"30-60 голов лошадей (и другого скота в пересчете на лошадей) на одну семью монгола обеспечивали невиданный по сравнению с тогдашней Европой и Китаем уровень развития власти человека над природой, огромное богатство свободного времени в обществе, где люди "свободного состояния" составляли подавляющее большинство и где даже внутри семьи не было подневольного труда! Конечно, ремесла и разделение труда здесь отстали назад,

но одновременно мощь предметных и личностных элементов производительных сил и их кооперация резко превзошли все рекорды" /1971, с.46/.

Мысль о крупной кооперации субъектных элементов производительных сил очень правильна, однако неверно названы причины. Кочевники объединялись в "империи" не потому, что обладали "невиданным уровнем развития власти над природой". Напротив, экстенсивная экономика, обусловившая пассивный характер адаптации подвижных скотоводов в аридных зонах, предполагала необходимость привлечения дополнительных источников энергии и отсутствующих видов продукции, которые можно было получить, торгуя или воюя с земледельцами. А для успешной войны необходимо создание "империи" или хотя бы военного союза.

Далее, отсутствие потребности привлекать к выпасу скота большое количество рабочих рук, которую Ю.А.Васильчук называет "огромным богатством свободного времени", было не следствием высокого уровня развития хозяйственного базиса, а спецификой скотоводческого труда. Действительно, данное обстоятельство являлось немаловажным фактором создания мощной военно-империа-льной кочевой структуры, однако, образно говоря, оно было своего рода "компенсацией" от Природы за узкоспециализированную внутреннюю экономику, позволявшей использовать высвободившиеся ресурсы в других видах деятельности.

Путь же к решению проблемы, мне думается, в следующем.

Во-первых, неправильной представляется расхожая формула о трехсоставной природе производительных сил (предметы труда, средства труда и люди), в которой ведущая роль отводится технике. В "Капитале" К.Маркс писал, что труд или целесообразная деятельность человека, средства труда и предметы труда представляют собой только "простые моменты процесса труда" /Маркс, Энгельс, т.23, с.189/. Средства труда К.Маркс определяет как "вещь или комплекс вещей, которые человек помещает между собой и предметом труда и которые служат для него в качестве проводника его воздействия на этот предмет" /там же, с.190/. Однако эти вещи (комплексы вещей) сами по себе не являются средствами труда, поскольку "орудия труда ("производительные силы") без человеческой деятельности и вне ее — это уже не производительные силы, а саморазрушающиеся объекты" /Фурсов, 1989а, с.162/. В

средства труда они превращаются только в ходе трудового процесса и "поэтому неверно говорить, будто труд прилагается к предмету труда, использует орудие труда и т.п. В действительности труд прилагается и использует объекты, тем самым превращая их в предметы и орудия труда" /Капустин, 1988, с.53/.

Во-вторых, неправомерно отрывать производительные силы от производственных отношений, с одной стороны, и разрывать общественные отношения на "базисные" (главные) и "надстроечные" (второстепенные), с другой. Производственные отношения не являются самостоятельно существующей субстанцией по отношению к производительным силам. "Производственные отношения - это не нечто сущностно иное, чем производительные силы, а они же сами, но взятые со своей конкретной предпосылкой и со своим конкретным результатом. То, что в производительных силах представлено как деятельность, процесс, в производственных отношениях выступает как предпосылка и результат. Производственные отношения, поскольку они рассматриваются как особая категория, - это стоп-кадр (выделено мною - Н.К.) производительных сил, это социальность, определенная в их функциональных компонентах" /Капустин, 1988, с.58-59/.

Следовательно, в-третьих, способ производства - "это конкретная тотальность, содержание которой - развитие производительных сил, а форма которой - производственные и общественные отношения... способ производства в своей тотальности включает в себя три момента: индивиды, их коллективы (общности) и средства производства. Все эти три момента включаются в производительные силы (как в содержание) и в производственные отношения (как в форму), причем каждая из них существует лишь в неразрывной связи с двумя остальными" /Тёкеи, 1975, с.49-50/.

В соответствии с вышесказанным, а также в контексте, сформулированного в Предисловии положения о необходимости различения стадийного и типологического уровней в формационной теории, следует разграничивать стадию производительных сил и тип производительных сил. В самом широком приближении на нынешнем этапе социальной эволюции можно говорить о трех больших стадиях развития производительных сил: натуральной, индустриальной и постиндустриальной или научно-технической. Среди критериев стадийного деления производительных сил можно выделить

следующие: 1) степень соотношения природных и исторически созданных элементов и факторов производительных сил /Крылов, 1974; ПСИКА, 1986; 1988; Фурсов, 1989/; 2) различная системообразующая роль субстанциональных элементов производительных сил на разных стадиях эволюции: природных на натуральной, вещных (техника) на индустриальной и интеллектуальных на постиндустриальной /Капустин, 1988, с.56/; 3) переход от стадии к стадии в форме "материальных" /Сунягин, 1988/ и "духовных" /Миронов, 1984, с.118-140/ революций.

"Материальные" и "духовные" революции являются достаточно растянутыми во времени процессами. Их "революционность" заключается в качественном характере преобразований только по отношению к человеческой истории в целом. Для отдельного индивида изменения, как правило, не видны или же малозаметны, хотя темпы роста социальной эволюции возрастают. Но в то же время не следует забывать, что каждая последующая стадийная форма общества вырастает из предыдущей. Поэтому между эпохами нет жестких границ ("революция" и "граница" это опять-таки абстракции!), а многие явления корнями уходят в более ранние периоды. Так изобретение книгопечатания и часов, открытия Коперника и Кеплера являются важными факторами эволюции индустриальной цивилизации, но они принадлежат доиндустриальной эпохе.

Первая стадия производительных сил — натуральные производительные силы. Для них характерны следующие особенности: 1) природные факторы включены в социальные процессы и доминируют над исторически созданными. По этой причине человек выступает только как помощник естественных природных процессов: его влияние на них незначительно; 2) живые формы труда господствуют над овеществленными /Крылов, 1974, гл.2; 1976; ПСИКА, 1986, с.87, 110-117; 1988, с.21-22, 132; Фурсов, 1989, с.298; 1989а, с.162; Капустин, 1988, с.74, 75/.

В рамках системы натуральных производительных сил можно выделить два больших самостоятельных этапа, которые служат базисом для разграничения двух мегаформаций: первобытной ("первичной" по К.Марксу) и традиционной (первой "крупной формой" в рамках "вторичной" по К.Марксу, феодальной по Ю.М.Кобищанову, сословно-классовой по В.П.Ильшечкину, докапиталистической эксплуататорской по Ю.В.Павленко и пр.). Эти мегаформации по

большому счету различаются между собой в уровне экономического развития (присваивающее и частично производящее хозяйство против развитой аграрно-ремесленной экономики), в системе социальных отношений (в традиционном обществе возникают эксплуатация, развитая сословно-классовая стратификация, государственная организация), в сфере общественного сознания (архаическая мифологическая психология дикаря и религиозная ментальность аграрного общества).

Историческая типология доиндустриальных производительных сил дискуссионна. Поэтому при выделении типов производительных сил в рамках второго этапа системы натуральных производительных сил разные исследователи используют достаточно неодинаковый набор критериев. Среди них: различия в экологических условиях (по линиям благоприятные - неблагоприятные, однородные - разнообразные) и в степени вовлеченности в трудовой процесс естественных факторов производства; различия в системах экономики и в технологическом обеспечении этих систем (в первую очередь орудия труда из металлов); различия в системе организации производства и в соотношении индивидуальных и коллективных форм труда; разный характер присвоения коллективами своих природных предпосылок; различный характер отчуждения живого труда и произведенного продукта; различная степень эмансипации индивида /Крылов, 1974; 1976; Текеи, 1975; Хазанов, 1979; Васильев Л.С., 1983; Njammasch, 1983; Агг, 1984; Семенов, 1985; ПСИКА, 1986; 1988; Фурсов, 1989; 1989а; Капустин, 1988; Нуреев, 1989; Павленко, 1989 и др./.

При всей разнице подходов и взглядов большинство исследователей схожи в том, что:

1) весьма значительное различие в экологических условиях эволюции первобытных и традиционных обществ в известной степени определило конкретную направленность, формы и темпы социальной эволюции;

2) тем не менее технологическая база послепервобытных докапиталистических социальных организмов, в принципе, была однотипной. Последнее было блестяще продемонстрировано В.П.Илюшечкиным, показавшим, что "не обнаруживается никакой принципиальной разницы между древностью и средневековьем в главном источнике энергии для производственных целей" /1986а, с.63/. Для добуржуазных

эксплуататорских обществ характерен тип "ручных в своей основе металлических и деревянных орудий и средств труда при использовании двигательной силы не только человека, но и домашних животных, ветра и потоков воды /там же, с.68/;

3) по этой причине разницу между типами производительных сил традиционной мегаформационной стадии следует искать в отличиях "социальных" составляющих производительных сил (исходи из принятого выше определения "способа производства" Ф.Тёкеи - индивидов и форм общностей);

4) эти отличия, которые одни исследователи трактуют в контексте многолинейности социальной эволюции, а другие интерпретируют их как стадии однонаправленного развития, выражаются главным образом в централизованно-бюрократической организации производства и тотальной государственной эксплуатации производителей, что характерно для восточных или точнее неевропейских обществ против децентрализованно-индивидуализированной организации экономики западных обществ, ориентированной хотя бы частично на рынок, с характерными для нее (экономики) индивидуальными формами эксплуатации и большей субъектной эмансипацией трудящихся индивидов.

В предложенной стадияльно-типологической схеме натуральных производительных сил кочевничество оказывается как бы на стыке двух выделенных стадий. В марксистской литературе его традиционно принято относить к производящему хозяйству. Между тем по многим показателям скотоводство существенно отличается от земледелия. Во-первых, это разница в количестве звеньев пищевой цепи между ними (растение - человек в земледелии и растение - животное - человек в скотоводстве) и, следовательно, различие в суммарной массе энергии, поступающей в общество, поскольку переход к каждому новому уровню уменьшает ее примерно в десять раз /Одум, 1986, т.1, с.142-143/. Во-вторых, более нестабильный и в то же время более ограниченный характер накопителей энергии у кочевников в виде стад животных, которые в отличие от зерна не могут быть "вырваны" из природного биотического цикла, всегда подвержены климатическим стрессам и детерминированы емкостью только экологических зон.

Есть еще два важных отличия скотоводства от земледелия: минимум необходимых кочевникам орудий труда и отсутствие

причин для их усовершенствования, а также использование земли при скотоводстве только в качестве "всеобщего условия производства". В последнем скотоводство сближается с присваивающими отраслями хозяйства. Л.Н.Гумилев даже склонен полагать, что номады вытеснили диких животных и стали верхним звеном биоценоза в степи, заменив тем самым собой крупных хищников, обычно регулирующих динамику популяций травоядных хищников /1970, с.27; противоположное мнение см.: Масанов, 1984, с.126/.

В целом можно согласиться с мнением А.И.Фурсова, полагающего, что кочевое скотоводство оказывается промежуточной хозяйственной формой между присваивающими и производящими отраслями экономики. По линии присваиваемого в процессе труда объекта, которым является "природный процесс в виде скота", номадизм типологически соотносится с земледелием. Однако специфика объекта присвоения (скот), не нуждающаяся в изготовлении и улучшении искусственных орудий труда, ставит его в один ряд с охотой, собирательством, рыболовством. Скотоводство, образно говоря, выступает как своего рода "созданный человеком присваивающий тип хозяйства" /ПСИКА, 1986, с.117 прим.1/.

Таким образом, скотоводство хотя и относится к производящим отраслям экономики, тем не менее больше детерминировано экологией, чем земледелие, уступает последнему в количестве энергии, которую социум может получить из природной среды. С другой стороны, слабое развитие технологии также является барьером на пути стадильной эволюции кочевых обществ, поскольку в развитии производительных сил всегда существуют пределы, преодоление которых без введения технологических инноваций невозможно /Семенов, 1985, с.31/. А у кочевников скудный набор орудий труда практически не изменился со времен древности вплоть до нашего времени.

Наряду с усовершенствованием технологии имеются еще два фактора "повышения производительной силы": разделение и кооперация труда /Маркс, Энгельс, т.47, с.284/. Однако говорить о далеко зашедшем разделении различных форм труда у номадов не приходится. Разумеется, можно наблюдать известную специализацию мужской (война, вынас скота) и женской (домашнее хозяйство) деятельности, хотя факты свидетельствуют, что, когда мужчины были заняты грабежами или войной, скот пасли подростки или женщины

/Книга Марко Поло, 1955, с.88; Путешествия Платона Карпини..., 1956, с.36-37; Schlette, 1987 и др./, а последние у ряда кочевых народов нередко принимали участие в боевых действиях /Смирнов К.Ф., 1964, с.201; Хазанов, 1975, с.85-86; Буянтян, 1985, с.70/.

У номадов даже в обществах, не обладавших развитой внутренней иерархией, присутствовали ранние формы освобождения от участия в непосредственном производстве лиц, занятых организационно-управленческой деятельностью /Левшин, 1832, с.176; Зибер, 1923, с.355-356; Владимирцов, 1934, с.79-86; Зиманов, 1960; Кюнёр, 1961, с.61; Марков, 1976, с.259-260; Е Лунли, 1979, с.506; МИГД, с.136-138, 143, 149, 164, 171, 412 и многие др./ и выполнением идеологических функций /Владимирцов, 1934, с.78; Козин, 1941, с.176-179; Зиманов, 1958, с.221-222; Хазанов, 1975, с.168-179 и др./ . Однако специфика скотоводства предполагала, главным образом, индивидуализированный труд в рамках отдельных домохозяйств или минимальной общины при сравнительно эпизодической необходимости кооперации усилий для организации водопоя скота, коллективных охот и пр. Поэтому такого значения, как, например, в протономах раннего Шумера или древнего Египта, лица, занятые управлением, у кочевников не играли.

Ремесло у номадов также не выделилось в самостоятельную сферу производства, если не считать насильственного переселения ремесленников из завоеванных земледельческих стран в степь. Но и в последнем случае ремесленная деятельность главным образом обеспечивала милитаристические интересы кочевников или же была связана с дворцово-культовым строительством, изготовлением предметов престижного потребления.

По большому счету номадизм сам являл собой форму общественного разделения труда. Однако это была вынужденная адаптация в аридных экологических зонах, специфическим образом трансформировавшая экономику, социальную организацию и культуру номадов. По этой причине неправомерно рассматривать широкое развитие торговли у кочевников как показатель высокого уровня их стадийного развития. На самом деле это свидетельство узкой собственной экономической базы кочевых обществ, делавшей их открытыми по отношению к внешнему миру. "Кочевники не могли существовать вне связи с миром, вне связи с другими неочевыми

социумами... этот мир требовал множественной реакции со стороны номадов, благодаря чему кочевники оставались кочевниками" /Khazanov, 1984, p.3/.

В предыдущем разделе этой главы я писал, что наиболее приемлемыми способами преодоления внутреннего экономического напряжения для кочевников были третий, четвертый и пятый из выделенных А.М.Хазановым путей адаптации номадизма к внешнему миру. Суть этих трех вариантов выражается в насильственном изъятии кочевниками необходимых продуктов земледелия и изделий ремесла из соседних обществ посредством различных форм внешне-эксплуататорской деятельности. Однако для реализации этих целей предварительно было необходимо создать боеспособный военно-политический механизм ("племенную конфедерацию", "империю" и пр.).

Формирование мобильных военно-иерархических кочевнических структур, по сути дела, есть последняя из упомянутых К.Марксом форм "увеличения производительности общественного труда" - кооперация. К.Маркс характеризует ее как "непосредственное - не опосредованное обменом - взаимодействие многих рабочих для достижения одного и того же результата" /Маркс, Энгельс, т.47, с.285/. Далее он конкретизирует это положение. "Одна из важнейших форм этой кооперации имеет место, например, при охоте. Точно также и на войне, представляющей собой ту же охоту, более развитый вид охоты (выделено мною - Н.К.). Тот эффект, который, например, производит атака кавалерийского полка, не могут произвести взятые поодиночке кавалеристы, хотя во время атаки каждый отдельный кавалерист действует, если он вообще действует, только как отдельный кавалерист. Гигантские сооружения /древних/ азиатов представляют собой еще один пример кооперации, так же как вообще в строительном деле весьма разительно выступает важная роль этой простой формы кооперации. Отдельный индивид может построить хижину, но для постройки дома требуются многие, делающие одно и то же одновременно. Отдельный индивид может вести на веслах небольшую лодку, но для ладьи значительных размеров требуется определенное число гребцов" /там же, с.285-286/.

К.Маркс очень метко подметил изменения, которые претерпевает человеческая общность (коллектив) при выполнении общих целей.

Контуры структуры остаются прежними, однако внутренне она перестраивается, становится способной функционировать в новом для нее режиме. "При простой кооперации действует только масса человеческой силы. На место индивида с двумя глазами и т.д. приходит многоглазое, многорукое и т.д. чудовище. Отсюда огромные работы римских армий, огромные азиатские и египетские общественные сооружения" /там же, с.289/. Можно добавить, что все сказанное в полной мере применимо к кочевым обществам. Кумулятивный эффект создания "степных империй" был поистине разрушительным. Вряд ли можно сказать лучше, чем это сделал Ибн ал-Асир: "Это событие, искры которого разлетелись /во все стороны/ и зло которого простерлось на всех; оно шло по весям, как туча, которую гонит ветер" /Тизенгаузен, 1884, с.2/.

Кооперация гигантских человеческих ресурсов для выполнения общественных задач сближает производительные силы нomaдизма с производительными силами традиционных неевропейских обществ. Роднит их и тот факт, что они оба, кстати говоря, выпадают из динамической картины пятичленки. Однако между данными моделями имеются и принципиальные различия.

Во-первых, это то, что для обществ, относящихся к азиатскому (государственному) способу производства, определяющим показателем является централизованно-деспотическая организация экономики (именно поэтому, по образному устному замечанию В.М. Немчинова, он не столько "способ производства", сколько "способ управления"), а не крупные общественные работы и особенно иррегація, хотя, несомненно, последние являются одним из наиболее ярких признаков. Данное обстоятельство отмечалось исследователями еще в ходе второй дискуссии об азиатском способе производства /см., например: Годелье, 1965, с.89/. Напротив, у кочевников далеко не все милитаристически организованные общества имеют централизованно-авторитарную природу, но все они построены на принципе кооперации - предполагают мобилизацию значительных людских масс.

Во-вторых, генеральная направленность организационной деятельности во всех доиндустриальных земледельческих обществах - это в конечном счете стабилизация внутреннего экономического развития. У кочевников же устремления масс направлены в о в н е общества: на торговлю и обмен, с целью получения необходимой

ремесленно-земледельческой продукции или, если они вступали на путь грабежей и войны, на "экспроприацию" данной продукции путем набегов, контрибуции, данничества, завоевания с последующим регулярным налогообложением.

В-третьих, различные темпы эволюции традиционных неевропейских земледельческо-городских и кочевых обществ. Первые, хотя и кажутся застывшими в сравнении с динамично развивающимся Западом, тем не менее не были абсолютно неподвижными*. Эволюция неевропейских обществ "имела иной характер, отличаясь, в частности, очевидным стремлением к повторению пройденного, к отступлению назад, к циклическому развитию по туго сжатой спирали" /Васильев Л.С., 1984, с.98/. Кочевые общества выглядят более застойными. Конечно, было бы упрощением отрицать существование каких-бы то ни было изменений у кочевников. Однако все инновации носили незначительный характер и, в конечном счете, не затрагивали сущности их социально-экономической природы. В истории кочевого мира движение по кругу в значительной степени превалировало над прогрессивной социальной эволюцией.

Все это дает основание заключить, что кочевничество следует отнести к туликовому варианту мегаформационно-стадиальной эволюции традиционных обществ. В то же время принципиальное отличие экономической структуры кочевничества от других типов производительных сил традиционных обществ, позволившей кочевникам адаптироваться не только к жестким экологическим условиям, но и к окружающим человеческим сообществам, приводит к выводу, что кочевничество может быть выделено в особый тип натуральных производительных сил.

ж

Совсем недавно на это обстоятельство еще раз обратил внимание А.М.Петров /1990/.

Глава II. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ У КОЧЕВНИКОВ

Три этапа дискуссии о собственности у кочевников

1934 год явился важным рубежом в отечественном кочевниковедении. Именно в этом году вышла книга иркутского профессора Н.Н.Козьмина "К вопросу о турецко-монгольском феодализме", был опубликован прочитанный годом ранее доклад С.П.Толстова "Генезис феодализма в кочевых скотоводческих обществах" и была издана оставшаяся не законченной из-за смерти автора в 1931 г. работа Б.Я.Владимирцова "Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм". Монография Н.Н.Козьмина оказалась незамеченной, хотя автор самостоятельным путем пришел к идее о существовании у кочевников феодализма. "Это не какая-либо особая общественная формация... а просто феодализм. Можно даже не прибавлять термина "кочевой" или "азиатский" /1934, с.73/. В то же время исследования С.П.Толстова и Б.Я.Владимирцова стали основополагающими для последующей дискуссии. Естественно, что основой споров послужили при этом расхождения между концепциями в базисной части теории в вопросе о собственности. По С.П.Толстову пастбища номинально оставались в общественной собственности, тогда как фактически они оказывались в безраздельном владении того, кто монополизировал владение скотом /1934, с.191; ср.: ОПГИРФО, 1934, с.358-359; Токарев, 1936, с.49,58,59,98,100/. Иначе говоря, основой феодализма, по мнению автора, была собственность на скот, а ведущей формой эксплуатации - отдача скота на выпас, так называемый "суан" (по С.П.Толстову - "суан").

В работе Б.Я.Владимирцова была выдвинута иная точка зрения, согласно которой основой феодализма у кочевников служила собственность на землю. Он писал: "Наши источники определенно указывают, что *nutug* (*yurt*), т.е. пространство земли, достаточное для содержания той или другой кочевой единицы, считалось принадлежащим господину - *ноуан*, или царевичу - *köbügün*" /1934, с.III/. Однако, вероятно, чувствуя умозрительность высказанного положения, он был вынужден "заземлить" его на людях. "В древнемонгольском обществе, в период империи, у кочевников владение землей выражалось в том, что *ноуан*, т.е.

феодалный сензор, царевич или "тысячник", руководил кочевани-ем зависящих от него людей (ulus), направляя их по своему усмотрению, распределяя лучшие пастбищные угодья" /там же, с.II2/. И, соответственно, "раз сензор владел людьми, то естественно должен был владеть и землей, на которой они могли бы жить-кочевать" /там же, с.III/.

Постепенно понимание феномена собственности у кочевников, предложенное Б.Я.Владимирцовым, получило всеобщее распространение, а его концепция "кочевого феодализма" была возведена в ранг официальной теории. Со временем уровень развития кочевых обществ относительно западноевропейского эталона стал занижаться, а сам термин "феодализм" применительно к номуадизму стал обрастать спасительными дополнениями типа "полу" или "патриархальный" /ср.: Фурсов, 1987, с.93/.

Начало 50-х годов знаменует окончание определенной фазы в эволюции парадигмы "кочевого феодализма". Постепенно возрождается точка зрения С.П.Толстова об определяющей роли скота в сущности феодальных отношений у кочевников. Сначала оппоненты обменялись своими мнениями относительно роли скота и земли на страницах научных журналов /Жеребятъев, 1951; Толыбеков, 1951; Шахматов, 1951; 1951а; Юшков, 1951; Зиманов, 1952; Ереков, 1953; Зиманов, Еренов, 1955/. Затем их разногласия были обсуждены на Ташкентской научной сессии 1954 г., посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период. Главным защитником точки зрения Б.Я.Владимирцова явился Л.П.Потапов. В его докладе "О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов Средней Азии и Казахстана" говорилось, что основой феодализма у номуадов выступала феодальная собственность на землю, которая выражалась в монопольном распоряжении аристократией кочевьями и пастбищами, облаченная внешне в родовые формы /Материалы..., 1955, с.37,40,42/.

С содокладами выступили С.И.Ильясов (на материалах Киргизии) и В.Ф.Шахматов (на примере Казахстана). Оба автора подчеркивали, что источники не сообщают ничего о существовании у кочевников частной собственности на землю. Основой патриархально-феодальных отношений, по их мнению, являлось владение большими стадами скота, что создавало стимулы для эксплуатации /там же, с.48-49, 51-58/. Сходную позицию на сессии занял С.Е.Толыбеков.

Он заявил, что в основе производственных отношений у кочевников лежит собственность на скот. При этом скот выступает в роли средства труда, тогда как земля — лишь предмета труда /там же, с.62-66/.

Позиция С.Е.Толыбекова не получила поддержки и была подвергнута обструкции большинством участников сессии. В ее заключительном решении было сказано, что в основе производственных отношений у кочевников, так же как и у земледельцев, лежит собственность на землю, ибо без земли невозможно ведение скотоводческого хозяйства /Материалы..., 1955/.

Дискуссия между сторонниками "сауного" и "кочевого" вариантов феодализма была продолжена на страницах журнала "Вопросы истории". В середине 1954 г. был напечатан доклад А.П.Поталова, через полгода критическая статья С.Е.Толыбекова, затем в течение 1955 г. высказались другие авторы, а в январском номере журнала за 1956 г. были подведены итоги обсуждения /Поталов, 1954; Толыбаков, 1955; Башарин, 1955; Златкин, 1955; Эфендиев, 1955; Першиц, 1955; Зиманов, 1955; О патриархально-феодалных..., 1956/.

Позиция С.Е.Толыбекова резко противопоставлялась мнению остальных участников дискуссии. По его мнению, во-первых, главное технологическое отличие скотоводства от земледелия состояло в том, что у кочевников труд применяется к животным, а земля выступает лишь в качестве сопутствующего природного условия производства, но не орудия труда /1955, с.81; ср.: он же, 1971, с.305,306,316/. Во-вторых, расслоение в кочевых обществах выступало по линии владения скотом и, соответственно, частная собственность на скот представлялась С.Е.Толыбекову адекватной феодальной собственности на землю в оседлых обществах /1955, с.76,80; ср.: он же, 1971, с.19,42,48/. "Отрицание этого сводит на нет роль скотовладельцев... как эксплуататоров основной массы населения. Конфискация скота у казахских баев в 1928 г. означала по существу экспроприацию у эксплуататоров их основного средства производства" /1955, с.77/. А в-третьих, даже в XIX в. существовало много свободных и никем не занятых земель /там же, с.81-83; см. также: Толыбеков, 1971, с.92; Марков, 1976, с.292; критику см.: Поталов, 1954, с.80/.

Все три пункта встретили решительное возражение. "Представ-

ление о том, что скот у кочевников является одновременно и основным средством производства и целью производства, — писал И.Я.Златкин, — неминуемо ведет к наделению скота некими сверх-естественными качествами" /1955, с.73/. Если же признать скот главным средством производства и основой феодальной собственности, — написано у Л.П.Потапова, — то в таком случае исчезает различие между феодальной собственностью на основные средства производства и единоличной собственностью непосредственного производителя, основанной на личном труде" /1954, с.85/. Соответственно, если собственниками выступали как зажиточные скотоводы, так и простые и бедные кочевники, то, по С.Е.Толыбекову, получается возможным, заключает И.Я.Златкин, "существование в обществе антагонистических классов, даже если они не противопоставлены друг другу как, с одной стороны, обладавшие собственностью на основные средства производства, а с другой, лишенные ее" /1955, с.73/.

Столь длинные цитаты приведены здесь только с одной целью — для того, чтобы продемонстрировать отсутствие элементарной логики, надуманность и казуистику в построениях оппонентов С.Е.Толыбекова. Однако для чего и Л.П.Потапов, и И.Я.Златкин прибегают к всякого рода ухищрениям в своих статьях? Ответ на этот вопрос, по мнению А.И.Фурсова, можно найти в работе Л.П.Потапова, который заявил, что если скот признать основным средством производства, то это неминуемо приведет к "отрицанию общей закономерности феодализма". Таким образом, "решение проблемы о соотношении роли скота и земли в скотоводческом хозяйстве приносилось в жертву обстоятельству, почерпнутому извне и не имеющему места быть внутри самого решения вопроса" /Фурсов, 1976, с.35,36; см. также: Илющечкин, 1990, с.316 прим.134/.

Тем не менее в редакционном заключении дискуссии подчеркивалось, что социально-экономические отношения у кочевников нельзя рассматривать как особый "кочевой" вариант феодализма. Основной производственных отношений у них так же, как и у земледельцев, выступала частная собственность на землю, которая реализовывалась в специфических формах присвоения феодальной земельной ренты /О патриархально-феодальных..., 1956; критику см.: Полянский, 1982, с.503-506/. И все же, несмотря даже на такой результат, первую половину 50-х гг. следует рассматривать как

начало второй фазы в дискуссии о собственности у кочевников. В последующие годы оппоненты опубликовали большое количество монографий, в которых они с привлечением эмпирических данных, постановкой ряда новых вопросов отстаивали свои убеждения /Зиманов, 1958; 1960; Толыбеков, 1959; Еренов, 1961; Шахматов, 1962; 1964; Ильясов, 1963; Златкин, 1964/. Наглядно отразилось отсутствие единого мнения по данной проблеме и в противоречивости позиций авторов I тома "Истории Казахской ССР" /1957/.

Вместе с тем параллельно с продолжением дискуссии сторонников концепций "ортодоксального" и "саунного" феодализма с конца 50-х гг. в кочевниковедческой литературе стали появляться работы, в которых показывалась ограниченность подхода к роли в скотоводстве скота и земли как у приверженцев первой, так и второй точки зрения. Нельзя рассматривать скотоводческое хозяйство с предвзятой идеей "одночленного основного средства производства". Ошибочность обеих точек зрения как раз и состоит в том, что и скот и землю следует рассматривать в нерасчлененном единстве /Эфендиев, 1955, с.70; Петров К.И., 1961, с.89; Кшибеков, 1963, с.69 сл.; 1973, с.101, 199-201 и др./.

Наиболее четко недостатки обеих концепций собственности у кочевников были разработаны Г.Е.Марковым. По его мнению, подобная постановка вопроса представляется "надуманной и схоластичной". Скот сам по себе, так же как и пастбища в отдельности, не образует скотоводческого хозяйства. Оба эти явления, плюс приемы переработки продуктов, только в совокупности, в их нерасчлененном единстве, образуют процесс скотоводческого производства. По этой причине как скот, так и пастбища являются одновременно основными средствами производства /1976, с.288-289/.

Окончательное наступление второй фазы дискуссии следует связывать с работами С.Е.Толыбекова и Г.Е.Маркова, вышедшими в первой половине 70-х гг. Оба автора показали на привлекаемом ими материале, что сторонники "ортодоксального" кочевого феодализма для обоснования существования феодальной земельной собственности на землю у кочевников занимались выдираньем из контекста "подтверждающих" их точку зрения цитат из произведений классиков марксизма, тенденциозно подбирали и интерпретировали источники, осылаясь на несуществующие факты, экстраполировали данные, полученные при изучении обществ периода разложения

номадизма на более ранние эпохи /особенно см.: Толыбеков, 1971, с. 84, 92, 96, 216, 305, 328, 329, 384, 385, 390-393, 469-471; Марков, 1976, с. 80-87, 290-300/. Опираясь на богатый фактический материал, пропустив его "через себя", авторы достаточно убедительно продемонстрировали, что у кочевников отсутствовала частная собственность на землю.

Особенности социально-экономического строя кочевых обществ С.Е.Толыбеков и Г.Е.Марков связывали с частной собственностью на скот, являвшейся основой для социальной и имущественной дифференциации /см. также: Кшибеков, 1973, с. 222-223/. Правда, в трактовке следствий, вытекающих из частной собственности на скот они полярно расходились. По мнению С.Е.Толыбекова, уровень развития кочевников следовало охарактеризовать как "раннефеодальный", либо "патриархально-феодальный", тогда как Г.Е.Марков выступал за признание особого бесклассового "кочевнического способа производства". Тем не менее по сути сформулированных точек зрения оба автора были близки между собой. Впоследствии такой подход к собственности на средства производства был поддержан Е.П.Бунятян, придерживавшейся концепции раннеклассового характера кочевых и Ф.Я.Полянским, выступавшим за существование у номадов "саунного" варианта феодализма /Полянский, 1982, с. 490-600; Бунятян, 1985а/.

Начало наступления третьей фазы в развитии дискуссии следует связывать со статьей Г.А.Федорова-Давыдова, вышедшей в 1976 г. Достаточно убедительная критика существования частной собственности на землю у кочевников привела сторонников "кочевого феодализма" к необходимости пересмотреть методологические постулаты ("жесткое ядро исследовательской программы" согласно терминологии И.Лакатоса) своей концепции.

Опираясь на мысли, высказывавшиеся различными авторами в ходе дискуссий 50-60-х гг. об азиатском способе производства, что собственность в добуржуазных обществах принципиально отличалась от собственности капиталистической, Г.А.Федоров-Давыдов высказал мнение, "что в вопросе о феодальной собственности на землю (исследователи, отрицающие ее у кочевников, часто говорят о "частной" собственности на землю) допускаются неточности и анахронизмы. Частная собственность на землю достигает расцвета в капиталистическом обществе, когда земля юридически признается

отчуждаемым товаром и собственнику предоставляются полные и единоличные права на земельный участок... следовало бы говорить не о частной, а о феодальной собственности на землю" /1976, с.40/. Суть феодальной эксплуатации выделась автору в том, что "у бека или хана была масса зависимых от него людей ... Эта зависимость является той основой, которая давала ханам возможность получать прибавочный продукт в виде дани, приношений, сбора натурального продукта, управлять перекочевками, привлекать людей подчиненного коллектива к выполнению различных служб" /там же, с.44/.

Если сравнить вышеприведенные отрывки из статьи Г.А.Федорова-Давыдова с положениями из книги Б.Я.Владимирцова /1934, с.III/, цитировавшимися ранее, то налицо практически принципиальное сходство концепций обеих авторов. Впрочем, и сам Г.А.Федоров-Давыдов полагает, что необоснованно отказываться от теории "кочевого феодализма" /1976, с.46/. Подобные идеи стали высказываться и в работах других исследователей /Перщиц, 1976, с.306; Негря, 1981, с.96-97; Попов А.В., 1987, с.8 и др./ . Налицо явное возвращение к осмыслению проблем собственности на средства производства в рамках парадигмы "кочевого феодализма" в ее первоначальном варианте. Круг замкнулся...

Данная ситуация по существу схожа с проанализированной А.И.Фурсовым историей эволюции концепции "восточного феодализма", что в общем-то вполне естественно, ведь и "кочевой" и "восточный" феодализм есть близнецы-братья, порожденные одним общим источником - вульгарной интерпретацией марксизма. Такое состояние концепции "восточного феодализма" А.И.Фурсов образно сравнил с королевой из "Алисы в стране чудес", которая вынуждена бежать (не вперед, а во времени!), оставаясь при этом на одном и том же месте /1987, с.97/.

В чем же видится главная причина циклического, туникового характера дискуссии о собственности у кочевников? Как мне кажется, в сведении всех общественных отношений только к отношениям собственности на средства производства. При этом, конечно же, следует отметить, что о полном циклизме будет говорить не совсем точно. В развитии любой научной концепции нет абсолютного циклизма. Всегда что-то отбрасывается, что-то приносится иное. Однако в рассматриваемом случае все инновации касаются лишь

внешних сторон дискуссии, не затрагивая ее сущностных глубинных методологических установок. И только пересмотр "жесткого ядра" теории способен привести к концептуальному прорыву, постановке проблемы на принципиально новый уровень.

Может ли собственность быть сутью общественных отношений?

Традиционно в отечественной литературе собственность понимается двойным образом: либо как сущность производственных, а опосредованно и всех общественных отношений, либо как юридическое выражение последних. Первая трактовка, ее еще можно назвать "правовой подход", достаточно широко распространена в нашем обществоведении. Ее суть, по словам В.П.Илющечкина, выражается "в укоренившейся практике выводить отношения собственности из чисто юридического анализа ее, рассматривать последнюю как производственное отношение в свете таких чисто юридических понятий, как "пользование", "владение", "исключительное распределение", "верховная государственная собственность"... а также в попытках рассматривать развитие собственности как ее саморазвитие от стадии пользования, через стадию владения к стадии полной собственности" /1980, вып. I, с.27/. Вторая трактовка восходит к известной фразе К.Маркса из Предисловия к работе "К критике политической экономии" /Маркс, Энгельс, т. I3, с.7/. "Собственность (в ее динамике), - пишет В.П.Шкредов, - есть не "совокупность производственных отношений", а лишь их обнаружение в виде сознательных действий агентов производства и их волевых, юридических отношений к средствам, предметам и продуктам труда" /1973, с.255/.

Нетрудно заметить, что обе трактовки в основном схожи между собой. Какая принципиальная разница - сводятся производственные отношения к собственности, либо выводятся из нее, ведь, в конечном счете, речь идет о собственности? В этом смысле, одна позиция отличается от другой, как отличается от своего отражения человек, рассматривающий себя в зеркале. Можно даже, наверное, сказать, что одна точка зрения для другой - это "зеркальная ошибка". Однако, на мой взгляд, обе эти точки зрения ошибочны, поскольку собственность ни в какой мере не должна рассматриваться как сущность производственных и тем более всех общественных

отношений. Это капиталоцентрично упрощенный подход.

Во-первых, производственные отношения в целом это далеко не только отношения существующие в сфере хозяйственно-экономической деятельности. Ф.Энгельс еще в Предисловии к первому изданию "Происхождения семьи..." писал о "производстве двойного рода" /Маркс, Энгельс, т.21, с.25-26/. И хотя это высказанное мимоходом замечание было критически воспринято не одним поколением толкователей теории К.Маркса (историографию и анализ проблемы см.: Нуреев, 1989, с.108-119), можно говорить даже не о "двойкой", а о более сложной структуре общественного производства. В частности, Ф.Энгельс почему-то не упомянул такую жизненно важную сферу производственных отношений как механизм регуляции социальной системы.

Думается, что когда речь идет о производственных отношениях, в это понятие следует включать совокупность всех подсистем социального организма, которые воспроизводят в конечном счете, его как макросоциальную целостность. Каждая из этих подсистем представляет собой (если говорить в марксистских терминах) особую форму производительных сил общества. "Религия, семья, государство, право, мораль, наука, искусство и т.д. суть лишь особые виды производства и подчиняются его всеобщему закону" /Маркс, Энгельс, т.42, с.117/. В то же время каждая из подсистем не является независимой от других составляющих переменной. Все подсистемы соединены между собой различными типами связей, включены в единый саморегулирующийся, самовоспроизводящийся механизм.

Важно отметить, что производственные отношения (или иначе говоря "базис") не являются фундаментом для других, менее существенных, так называемых "надстроечных" отношений. Это опять-таки вульгарное понимание, поскольку такого рода деление есть абстракция, а характер связи между данными понятиями "это не действие и противодействие соседствующих структур или этажей общественного здания. Это связь основания и обоснованного в том гегелевском смысле, что первое "имеет свое бытие в некоем другом, которое... есть его сущность"... иными словами, в действительности производственные отношения существуют только в форме (выделено мною - Н.К.) идеологических отношений (а не как их "постамент") /Капустин, 1988, с.70/. И если непременно требует-

ся изобразить структуру общественных отношений в наглядной форме, то мне более корректной представляется аналогия не со заданием, а с плодом, где ядро - "базис", а сочная плоть - "надстройка".

Наконец, нельзя анализировать систему общественного производства, если включать в содержание производительных сил только изолированного индивида - Робинзона - собственника средств производства. Я уже писал в Предисловии о недопустимости построения в марксизме "кастрированных" схем. Ведь даже минимальная модель общества как самовоспроизводящейся целостности должна включать четыре особи (мужскую, женскую и разнополых детей). Поэтому в структуру производительных сил помимо изолированных индивидов обязательно должен быть включен и такой элемент как коллективы. Там более это относится к доиндустриальным формам, где присвоение природы изначально носит общественный характер.

И последний момент. Любой организм (или сообщество) не может функционировать, не получая из внешней среды какого-либо минимального количества ресурсов, необходимых для его жизнедеятельности. Эти ресурсы располагаются на определенном пространстве. Контроль над этим пространством, его присвоение, приспособление под собственные нужды получил в социологии и этологии название "территориальное поведение" /Плюснин, 1990, с.157-165/. Птицы заявляют свои права на участок пением или демонстрируемой агрессивностью. Хищник только в голодный год способен в поисках добычи перешагнуть за границы своих владений. В сущности территориальное поведение у животных и у людей, в том числе, кстати говоря, и различные формы регламентации кочевания у номадов, это своеобразные механизмы стабилизации плотности популяции, или "форма внутривидовой конкуренции, которая ограничивает рост популяции посредством регулирования землепользования" /Одум, 1986, т.П, с.53/.

Причем "какие бы формы не принимала персонализация среды у различных видов, сам факт организации ближайшего окружения индивидом и сообществом должен... рассматриваться в качестве всеобщего инварианта поведения. Как инвариант это поведение присутствует и у рыбки трехиглой колюшки, и у человека. Защита четверти квадратного метра песка и водорослей на дне

водоема и огораживание забором участка с домом — не что иное, как два полюса одного поведенческого феномена присвоения среды, феномена отражающего витальную потребность любого организма, раз он проявляется у столь разных по уровню своего развития животных видов" /Плюшин, 1990, с.160/. Но правомерно ли сводить все богатство общественных отношений только к тому, что в чем-то распоряжении имеются ресурсы или орудия производства?

Вместе с тем, собственность как принадлежность субъекту средств производства не может являться системообразующей и с экономической точки зрения. Она "не может рассматриваться в качестве исходного производственного отношения, из которого возникают все остальные производственные отношения, но и она сама не может возникнуть из исходного отношения... собственность может выполнять экономически системообразующую функцию только в качестве элемента (выделено мною — Н.К.) основных производственных отношений... отождествление производства, труда и присвоения приводит к идентификации собственности с совокупностью производственных отношений. При этом собственность лишается экономического содержания и односторонне интерпретируется как сугубо юридическое понятие" /Катунин, 1980, с.15, 19-20; ср.: Нуреев, 1977, с.6/.

Собственность является лишь одной из сторон производственных отношений. Причем в наиболее развитом виде это проявляется при капитализме, где, с одной стороны, капитал и наемный труд в силу исторических обстоятельств отделения условий осуществления труда от непосредственных производителей кажутся несвязанными и расположенными на полярно противоположных полюсах системы и, с другой стороны, существует достаточно разработанная система защиты прав собственника ("правовое государство", идея частной собственности, идущая от этики протестантизма и др.). Соответственно, в таком случае складывается впечатление, что собственность и есть основа всех отношений.

К тому же, если учесть, что большая часть исследований К.Маркса была посвящена анализу именно буржуазных производственных отношений (можно сказать и иначе: западной линии эволюции), а общую политэкономическую теорию, по отношению к которой политэкономия капитализма и других способов производства

выступали бы как отдельные части, классики марксизма создать не успели и Ф.Энгельс писал в "Анти-Дюринге", что политэкономия в широком смысле еще только должна быть создана /Маркс, Энгельс, т.20, с.154/, то, отчасти, можно объяснить, почему в марксистском обществоведении собственности стало уделяться главное внимание и в конечном счете она была возведена до уровня примата над всеми общественными отношениями.

Кроме того, К.Маркс еще и предполагал принципиальное отличие производственных отношений капитализма от социально-экономических отношений добуржуазных обществ. Его взгляды по этому вопросу можно свести в три пункта /подробнее см.: Крадин, 1987а, с.65-68/: 1) сраченность непосредственного производителя со средствами производства, "природное единство труда с его вещными предпосылками" /Маркс, Энгельс, т.46, ч.1, с.461/; 2) собственность в докапиталистических способах производства есть отношение индивида к более крупному целому (локальной группе, общине, племени). Именно этой собственностью опосредовано отношение индивида к средствам производства и в первую очередь к земле^{*}; 3) в силу этого эксплуатация принимала форму отношений "непосредственного господства и подчинения". "Здесь одна часть общества обращается с другой его частью как с неорганическим и природным условием своего воспроизводства. Раб не находится в каком-либо отношении к объективным условиям своего труда; напротив, сам работник, и в форме раба и в форме крепостного, ставится в качестве неорганического условия производства в один ряд с прочими существами природы, рядом со скотом, или является придатком к земле" /Маркс, Энгельс, т.46, ч.1, с.478/.

Последняя мысль была реализована в ряде работ марксистских исследователей по теоретическим проблемам докапиталистических обществ /Гуревич, 1970; 1972; 1983; Принцип историзма..., 1972;

^{*}

Интересно, что выработанное в европейской феодальной системе понятие свободы имело реальный смысл "свободное служение", "свободная зависимость". Свободен не тот, кто ни от кого не зависит, а тот, кто член корпорации или имеет сеньора, вне этого он изгой /Гуревич, 1983, с.205-206, 210/.

Бородай, Келле, Плимак, 1972; 1974; Алексеев, 1974; Кобищанов, 1974, с.237,238,279; Тёкеи, 1975, с.75,128,129; Фурсов, 1976, с.37; Нуреев, 1977, с.7; 1989; Васильев Л.С., 1981; 1982;1983; 1984; 1985; Барг, 1984, с.258-259; Хосроева, 1986; Алаев,1987; Киселев Г.С., 1985; 1987; 1989; Капустин, 1988 и др./.

Вместе с тем необходимо отметить, что К.Маркс использовал термин собственность в разных смысловых значениях. Он обозначал этим термином и производственные отношения вкуне и их юридическое выражение. Возможно, что применительно к докапиталистическим отношениям он употреблял данный термин чаще в первом значении. В таком случае отношения регуляции здесь выступают в форме власти одних лиц над другими. Этот феномен, когда собственность перекрывается властью, а точнее говоря, когда она еще не вычленилась окончательно из системы личностных связей, Л.С. Васильев предложил именовать "властью-собственностью". "Возникает хорошо известный специалистам феномен перекрывающих друг друга прав на землю. Одна и та же земля принадлежит и обрабатываемому участку общиннику, и общине в целом, от имени которой ее распределяет старейшина, и региональному вождю, который стоит над старейшиной... и наконец верховному собственнику... это явление обычно никого не смущало, ибо подтверждало то, что было нормой: земля не является частной собственностью, она принадлежит всем, но в строгом соответствии с той долей владения над ней, которой реально располагал каждый из ее владельцев снизу доверху" /Васильев Л.С., 1982, с.83/.

При этом институт частной собственности, как метод регуляции отношений по поводу средств производства в юридической форме, существенную роль играл в структуре западных обществ. И буржуазный, и античный, и даже феодальный способы производства предполагали разработанную систему правовых институтов. В некоторых случаях феодальные крестьяне имели право обращаться в суд с жалобой на своих сеньоров и даже выигрывали тяжбы /История крестьянства в Европе, 1986, с.550/. Не случайно одна из глав книги А.Я.Гуревича /1972; 1983/, посвященной культуре европейского средневековья, названа "на праве страна строилась". Римские рабы также могли в отдельных случаях жаловаться на своих хозяев /Культура древнего Рима, 1985, т.1, с.231/.

Напротив, общественные структуры неевропейского типа, в

принципе, не были основаны на системе частной собственности. К их числу можно отнести докапиталистические государства Азии, Тропической Африки, доколумбовой Америки и др. Для обозначения этих обществ, как правило, используется термин "азиатский способ производства". И вряд ли можно согласиться с распространенным мнением, что в таких обществах собственником являлся деспот. На Востоке "процесс превращения государя в земельного собственника развивался крайне медленно" /Данилова, 1968, с.63/. Институт частной собственности появляется там достаточно поздно на стадии "сословно-классового общества", когда вследствие кризиса гипертрофированной государственной экономики элита вынуждена для стабилизации структуры в целом дать права частному сектору /Васильев, 1984; 1985; 1989; Павленко, 1989, с.121, 145/. Но и там собственность зависела от власти. "Практически это означало, что в обществе не существовало системы строгих индивидуальных прав и гарантий интересов собственника, - пишет Л.С.Васильев, - ... собственники были поставлены в зависимость от носителя власти, от произвола администрации, причем наиболее преуспевшие из них нередко расплачивались за это конфискацией имущества, а то и жизнью" /1985, с.36-37/.

Можно, конечно, возразить, что в обществах этого типа все-таки была собственность на средства производства, охарактеризовав ее как "государственную". Но это не более чем тавтология. Зачем в такой ситуации вообще нужен термин "собственность", если последняя общегосударственная? Ведь даже принадлежность к государственному аппарату не делает индивида собственником. Чиновник в наиболее развитых деспотических обществах пользуется долей прибавочного труда в силу того м е с т а в общественной структуре, которое он занимает. Он шестеренка, винтик в громадном социальном механизме и стоит ему выпасть из этой машины, как он лишается права на долю распределяемых благ. Собственность же, еще раз повторю, предполагает гарант защиты прав собственника и, соответственно, правовое, а не тоталитарное государство. Возможно, не случайно В.И.Ленин, когда давал в "Великом почине" свое фундаментальное определение классов, на первое место поставил не собственность, а "место в исторически определенной системе общественного производства" /Т.39, с.15; ср.:

Данилова, 1968, с.64; Андреев С., 1988/*.

Марксизму как теории в том "варианте", который был изложен в "Кратком курсе истории ВКП(б)" нельзя отказать в строгой логичности и последовательности. Отдельные дефиниции, составляющие его категориальный аппарат, как "скованные одной цепью" авенья, взаимообуславливают и взаимодополняют друг друга. Государство предполагает существование классов, классы, в свою очередь, предполагают частную собственность на средства производства и т.д. Показательной в этом плане выглядит одна из попыток вырваться из заколдованного круга истмаговских категорий. "Как объяснить возникновение государства при отсутствии частной собственности и (если следовать привычной логике) при отсутствии общественных классов, основываясь на методологических принципах марксистской теории" - ставит проблему, например, Г.С.Киселев /1985, с.7/**.

Азиатский способ производства со своей "метасобственнической" и, в принципе, "бесклассовой" структурой вообще вынадает из пятичленной схемы. Как подчеркнул Э.Геллнер, он опасен для пятичленки как элемент, нарушающий ее внутреннее равновесие и жесткую логику. Если азиатский способ производства признать в качестве составляющей исторического прогресса, то рухнет стержневая линия ортодоксального марксизма - идея единства прогрессивного развития человечества от первобытности к коммунизму, поскольку история распадается на стагнационный азиатский и динамичный западный потоки /Gellner, 1984a; 1988/.

С другой стороны, азиатский способ производства ставит перед пятичленной схемой весьма щекотливый вопрос: как отличить его от первобытности и в то же время от социализма? При азиатском способе производства, как и при социализме и первобытности, отсутствуют частная собственность и антагонистические классы. Есть только общины и объединяющее их государство во главе

* То, что концепция азиатского способа производства занимала немаловажное место во взглядах В.И.Ленина, еще более двадцати лет назад отметил В.Г.Попов /1969/, а то, что В.И.Ленин писал об "азиатских" потенциях социализма, недавно показал Э.Геллнер / Gellner, 1984a; 1988/.

** Этот парадокс В.А.Попов /1990/ обозначил термином "политогенетическая контроверза".

со "связующим единством", которое является важным агентом производственных отношений. Поскольку государство незаменимо для общин, оно может себе позволить быть по отношению к ним деспотическим. Однако как это положение совместить с методологическими принципами ортодоксального марксизма, что государство возникает только как результат раскола на антагонистические классы? / Gellner, 1984a; 1988/.

Понятно, что все попытки осмыслить феномен азиатского способа производства в категориях ортодоксального марксизма изначально были обречены на неудачу. "Где, когда и в какой стране существовали классы так называемой азиатской формации?" — такова стандартная постановка проблемы критиками концепции. Но для азиатского способа производства в известной степени теряет смысл само "классическое" понимание классов, поскольку азиатское государство не является политической организацией господствующего класса. Оно само класс и служит самому себе. Однако по логике методологов пятичленной схемы "государство — класс" — это терминологическая фантазматория, поскольку переход средств производства от государства к господствующему классу и наоборот не меняет природы способа производства. Следовательно, должен существовать не мифический "азиатский", а настоящий эксплуататорский класс. А поскольку таких классов всего, как и антагонистических типов собственности, три, то это применительно к древности — класс рабовладельцев, а применительно к средневековью — класс феодалов.

Жесткость категориального аппарата ортодоксального марксизма не оставляет ни малейшей щелочки для иных, не укладывающихся в заранее данную схему явлений. И даже если вслед за классиками марксизма признавать двуединую функциональную природу государства (как организатора производства и как репрессивной организации господствующего класса), это мало что дает, поскольку все равно главной функцией политической организации большинством исследователей принято считать вторую^ж. Эта мысль

^ж У эволюционистов, начиная с Э.Сервиса, другая крайность. Во многом в пик марксизму они предпочитают рассматривать государство только как новый уровень социальной интеграции, игнорируя такие стороны политогенеза, как усложнение социальной и имущественной стратификации и пр. /см., например: Service, 1975; Johnson, Earle, 1987; Spencer, 1990/.

проходит практически через всю специальную обществоведческую советскую литературу и утверждена в качестве официальной точки зрения в учебниках.

Чтобы отражать реальность и соответствовать времени, сегодняшний марксизм должен быть более гибким. В данном конкретном случае исправить положение можно, только отказавшись от однолинейного понимания социальной эволюции. Для каждого эволюционного пути характерны свои социальные формы, свои внутренние закономерности. Если говорить об оседло-земледельческих обществах, то в их развитии, в соответствии с двумя тенденциями во взаимоотношении между государством и социумом (индивидами), можно выделить два типа государственности /Крадин, 1990;1991а/.

В первом варианте государство непосредственно не совпадает с элитой общества и контролируется ею. Этот тип государственности связан с западным путем развития. В свое время его достаточно хорошо изучили и описали основоположники научного социализма как на современных им материалах Европы и Америки, так и на данных древнеевропейской истории (античность). Поскольку в их работах этому типу государства было уделено основное внимание, то, соответственно, среди большинства марксистов стал признаваться его универсальный характер. Этот тип можно назвать "минимальным государством".

Во втором варианте государство в сущности и есть элита. В отличие от "минимального государства" "тотальное государство" является практически автономной подсистемой, для которой все остальные части общества рассматриваются только как ресурсы и средство для собственного воспроизводства. Оно подчиняет себе все сферы общественной жизни. Каждый индивид независимо от места в иерархии выступает лишь в роли шестеренки в едином механизме. Он "свободен" только, осознавая необходимость (или невозможность?) "вращения" в указанном сверху направлении. Основоположники марксизма относили к этому типу государства - деспотии Востока, В.И. Ленин писал об определенных "азиатских" потенциях социализма, хотя последний вопрос следует поставить еще разче /Wittfogel,1957; Васильев, 1989; Смирнов, 1989; Афанасьев, 1989; Стариков, 1989; Крадин, 1990 и др./.

Выделенные два типа государственности хорошо согласуются с двумя путями становления раннеклассового общества и дальнейшей

социальной эволюции, сформулированными еще Ф.Энгельсом. "Существуют с самого начала известные общие интересы, охрану которых приходится возлагать на отдельных лиц, хотя и под надзором всего общества; таковы - разрешение споров; репрессии против лиц, превышающих свои права; надзор за орошением, особенно в жарких странах; наконец, на ступени первобытно-дикого состояния - религиозные функции... Постепенно производительные силы растут... Эти органы, которые в качестве представителей общих интересов целой группы общин занимают уже по отношению к каждой отдельной общине особое, при известных обстоятельствах даже антагонистическое, положение, становятся вскоре еще более самостоятельными... важно только установить здесь, что в основе политического господства повсюду лежало отправление какой-либо общественной должностной функции и что политическое господство оказывалось длительным лишь в том случае, когда оно эту общественную должностную функцию выполняло... Но наряду с этим процессом образования классов свершался и другой. Стихийно сложившееся разделение труда внутри земледельческой семьи давало на известной ступени благосостояния возможность присоединить к семье одну или несколько сил со стороны... Рабство было открыто" /Маркс, Энгельс, т.20, с.184-185/.

Примечательно, что такой подход получает все большее и большее распространение среди отечественных исследователей: уже упоминавшиеся в Предисловии частнособственнический и государственный способы производства Л.С.Васильева, субъектная и системная ветви вторичной макроформации А.И.Фурсова, раннеклассовые и сословно-классовые общества западного и восточного типов Ю.В.Павленко и др. /Васильев Л.С., 1983, гл.1; Нуреев, 1986, с.94-95; Куббель, 1988, с.128-129; Фурсов, 1988; 1989; Павленко, 1989; см. также, например: Кобищанов, 1974, с.226; Казанов, 1979, с.156,167-168 и др./.

Таким образом, можно сформулировать следующие выводы. Собственность неправомерно рассматривать как сущность всех общественных отношений, поскольку анализ функционирования сложных систем не может быть сведен к анализу отдельных элементов ("клеточек") или внутренних связей, составляющих эти системы. Но собственность - это одна из важных сторон системы социально-экономических связей, являющаяся одним из методов регуляции

отношений по поводу ресурсов жизнеобеспечения, средств производства, результатов труда и выступающая в форме традиционных или формальных юридических отношений. Генетически отношения собственности уходят в глубокую древность человеческой истории /Андреев И.Л., 1988, с.379-393/ и проистекают от инварианта "территориальности", отражающего витальные потребности любого живого организма /Плюснин, 1990/. В человеческом обществе развитие принципа собственности в большей степени характерно для так называемой "западной" линии эволюции, нежели чем для "восточной".

Думается, что в таком случае, когда речь идет о сущности общества как социальной системы и общественно-экономической формации как модели социального организма определенного типа, нельзя в качестве основного критерия использовать понятие собственности. В данной ситуации становится вполне объяснимым и понятным тупиковый характер дискуссии о характере собственности на средства производства у кочевников.

Отношения к средствам производства у кочевников

Попытаемся теперь в свете изложенных выше соображений подойти к проблеме собственности на основные средства производства у кочевников. Выше уже говорилось, что в настоящее время среди "феодалистов" большой популярностью пользуется точка зрения Б.Я.Владимирцова, согласно которой собственность на землю выражалась в управлении кочеванием рядовых кочевников, которые были вынуждены следовать со своим скотом по маршрутам, указанным ханами и нойонами /1934, с.III, II2/. Но в настоящее время не все из феодалистов разделяют эту точку зрения. Так, Д.Гонгор /1974, с.16/ полагает, что нойоны не были феодалами-собственниками, так как простые кочевники являлись не крепостными, а подданными государства или, точнее, хакана.

Критически разобрав аргументацию Б.Я.Владимирцова и его последователей в этом вопросе, Г.Е.Марков высказал мысль, что основная цель регламентации маршрутов перекочевок состояла не в установлении феодальной собственности на землю, а в попытке предотвратить столкновения и самостоятельные перекочевки отдельных племен и групп, что являлось препятствием для консолида-

ции в одну военную структуру /1976, с.80-87; ср.: Грумм-Гржимайло, 1926, с.441, прим.2/. В другой своей работе он писал: "С таким же основанием "феодалы" права можно найти у предводителей охотников в первобытном обществе" /Марков, 1970, с.76/*.

Развивая эту мысль Е.П.Бунятян заметила, что регулирование перекочевок — это всего лишь необходимый организационный аспект кочевого производства и совсем не обязательно трактовать его как феодальную собственность. Неравенство в пользовании землей, по ее мнению, проистекало из разделения функций на производственные и управленческие, что привело к социальному расслоению, с одной стороны, и к частной собственности на скот — с другой, которая являлась предпосылкой имущественного неравенства и соответственно неравнозначного использования земли /1985а, с.38/.

Как отметил А.М.Хазанов, неравенство в отношении к земле выражалось, во-первых, в том, что богатый скотовладелец, имея немного больше скота, чем простые и бедные номады, кочевал больше и дальше, соответственно используя большее количество пастбищных угодий, а во-вторых, в том, что регулируя порядок перекочевок и использование пастбищ, кочевая верхушка оставляла за собой право пользования лучшими территориями и к тому же еще и получала в качестве компенсации за организационно-управленческую деятельность определенную долю прибавочного продукта /1975, с.254; Khazanov, 1984, p.123-125/.

Однако неравенство в пользовании землей вследствие управленческих функций аристократии не являлось универсальным, ни тем более необходимым фактором. Там, где не было сильной лидерской власти, порядок перекочевок определялся традицией /Zagarell, 1988, p.364/.

ж

Возражая против этой мысли Г.Е.Маркова, Г.А.Федоров-Давыдов писал, что в том-то и отличие, что в феодальном обществе знать "противостоит в своих эгоистических материальных интересах обществу, общине кочевников, располагает силой подчинения и принуждения" /Федоров-Давыдов, 1976, с.43, прим.II/. Далее в этой главе я попытаюсь показать, что интересы знати и простых кочевников не настолько расходились, чтобы можно было говорить о развитых классовых антагонизмах.

Кроме того, сложность фиксации прав на те или иные пастбищные ресурсы заключается еще в том, что их границы не являются постоянными. Под воздействием циклических климатических колебаний они то увеличиваются, то уменьшаются.

Отношения по поводу земли в кочевых обществах, как бы их не назвать: собственностью, пользованием, владением, носили коллективный характер, опосредовались причастностью к тому или иному социуму, кочевавшему на данной территории. Э.Эванс-Причард описывает случай, когда он подстрелил дичь, то нуэры забрали ее, отвечая на его возражения тем, что дичь убита на их земле и следовательно, они имеют на нее полное право /Эванс-Причард, 1985, с.21/.

"У кочевых пастушеских племен, — а все пастушеские народы первоначально были кочевыми, — земля, наравне с прочими природными условиями, выступает в своей первичной безграничности, например в степях Азии и на азиатском плоскогорье. Ее используют как пастбище и т.д., на ней пасутся стада, которые, в свою очередь, доставляют средства существования пастушеским народам. Они относятся к земле как к своей собственности, хотя они никогда не фиксируют этой собственности" /Маркс, Энгельс, т.46, ч.1, с.479/.

Многочисленные примеры из истории этнографически изучавшихся кочевых народов Азии и Африки показывают, что частной собственности на землю у них не было /Зибер, 1923, с.199-200; Кунов, 1929, с.450-453; Першиц, 1961, с.72; Трубацкой, 1966, с.107,155; Тольбеков, 1971; Марков, 1976; Викторин, 1985, с.12; Алексеев, Першиц, 1990, с.272; Илюшечкин, 1990, с.262-263/. Если попытки установить частную собственность на землю и встретились у кочевников, то только исключительно в новое время под влиянием оседлых государств, в которых кочевники занимали подчиненное и приниженное положение. Но даже и там подобного рода отношения носили ограниченный характер и были в меньшей степени развиты, чем у земледельческих и полуседлых народов. В целом нельзя не согласиться с мнением А.И.Фурсова, что земля выступает у кочевников главным образом лишь в роли всеобщего условия производства, без которого невозможен любой вид труда вообще /1976, с.38/.

Отношения неравенства в кочевых обществах могли базировать-

ся на частной собственности на скот, которая появилась практически сразу с выделением скотоводства в особую сферу экономической деятельности. Объясняя это явление, К.Маркс писал: животные "представляли более ценное имущество, чем все другие до сих пор известные виды собственности вместе взятые; они служили пищей, обменивались на другие товары, использовались для выкупа пленных, для уплаты штрафов и для религиозных жертвоприношений; так как они были способны к бесконечному размножению, то обладание ими дало человеческому уму первое представление о богатстве" /Маркс, Энгельс, т.45, с.266/. Подобные причины называют и современные исследователи: 1) легкая транспортабельность и вследствие этого множество возможностей для отчуждения; 2) способность к самовоспроизводству в возрастающей прогрессии при условии минимальной заботы о животных /ИПО, 1986, с.347/.

По свидетельству С.И.Руденко, у алтайских племен уже в V-III вв. до н.э. скот находился в частной собственности /1953, с.255-257/, а по мнению других исследователей, это событие произошло еще в эпоху бронзы /Сорокин, 1959, с.10/. Если продолжать говорить о "ранних" номадах, то применительно к скифам подобный вывод сделал А.М.Хазанов /1975, с.91-92/, а сюнну - В.С.Тасмин /1968, с.31-33/. О весьма развитом институте частной собственности на скот у усуней свидетельствуют китайские источники. "В их владении много лошадей и богатые содержат от 4000 до 5000 голов" /Бичурин, 1950, т.П, с.190/. Про ухуаней эти же источники сообщают, что у них "от старейшины до последнего подчиненного каждый имеет свой скот и печется о своем имуществе" /Бичурин, 1950, т.1, с.143/. летописи свидетельствуют, что у тюрков скот метился клеймом /Малов, 1952, с.49/. У киданей богатые имели до 10 тыс. лошадей /Бичурин, 1950, т.1, с.365; Кюнер, 1961, с.298/. У монголов слово *mal* обозначало одновременно "скот" и "богатство" /Викторова, 1980, с.27; о частной собственности на скот у других номадов см.: Тизенгаузен, 1884, с.286; Зибер, 1923, с.314; Бернштам, 1946, с.150, 151; Потехин, 1951, с.240, 242; Рашид-ад-Дин, 1952, кн.2, с.18; Малов, 1952, с.19, 22, 27, 30, 83; 1959, с.43; Марков, 1976, с.141, 152; Негри, 1981, с.99; МИГД, с.121; Калиновская, 1989, с.124-130, 149/. У кафров существовала поговорка, смысл которой сводился к тому, что скот представлял собой нечто более ценное

даже, чем жены /Зибер, 1923, с.153/. А у монголов скот находился в такой цене, что, например, за украденного коня в Золотой Орде вор должен был дополнительно заплатить девятью лошадьми, а если их не было, то должен был отдать своих детей, а если и детей у него не было, то по закону его следовало зарезать "как овцу" /Тизенгаузен, 1884, с.282-283/.

Б.Я.Владимирцов считал, что собственность монголов на скот была относительной и представляла из себя завуалированное владение сеньора. В подтверждение он сослался на то, что араты выплачивали за своего предводителя штрафы, дарили им "подарки" и т.д. /1934, с.162/. Вряд ли эту аргументацию можно считать убедительной. Наличие налогов, ренты и пр. отнюдь не свидетельствует об отсутствии частной собственности на скот. Отдавая какую-то часть прибавочного продукта, араты основную оставляли в своей собственности. Кроме того, законы 1640 г. показывают, что в отношении скота все монголы признавались на равных основаниях (или на относительно равных) собственниками стад и нанесенный ущерб при этом возмещался не "сеньору", а лично его владельцу /Монголо-ойратские..., 1880, с.37,44,48,49,51; ср.: Марков, 1976, с.84/.

Личное имущество кочевника также всегда находилось в его индивидуальной собственности (к нему, надо полагать, относятся повозки, юрта, утварь, оружие и пр.). "Неприкосновенность жилища, - писал по этому поводу еще Ф.Энгельс, - это основа всякой личной свободы" /Маркс, Энгельс, т.19, с.332/.

Таким образом, можно сказать, выражаясь в терминах политической экономии буржуазного способа производства, что скот представлял собой нечто вроде "капитала" кочевых обществ. Он являлся основой имущественной дифференциации у кочевников, фундаментом неравномерности использования пастбищных ресурсов и базисом эксплуатации, посредством отдачи животных малообеспеченным скотоводам на выпас. "Не случайно, - пишет А.И.Фурсов, - счет богатству скотовода ведется количеством скота, а не землей, как в земледельческих обществах; недаром одним из способов эксплуатации является принудительная раздача скота на выпас, а не пастбищ для пользования. И естественно, у кого больше скота, у того больше и земли, а не наоборот" /1976, с.37-38/.

Однако собственность на скот и возникшая на ее основе

эксплуатация, так же как и отношения к пастбищным ресурсам не являлись у кочевников системообразующими. Во-первых, возвращаясь к рассмотренной выше дискуссии по поводу того, что являлось основным средством производства у номадов — земля или скот, отмечу, что более гибкую позицию занимают те исследователи, которые предлагают не заниматься схоластическим отчленением одного из условий жизнедеятельности скотоводческого общества от другого. Имеет смысл вспомнить уже цитированную монгольскую поговорку: "Без травы нет скота, без скота нет лица". Во-вторых, эксплуатация на основе частной собственности на скот не была основной в социальных организациях номадов /Крадин, 1990а, с.12/, ни тем более единственной. В-третьих, само имущественное неравенство чаще всего не являлось базисом социального расслоения. Оно могло быть каналом, способствующим повышению социального статуса /Клычанов, 1984, р.157/, но, как правило, не более.

Способы эксплуатации в кочевых обществах

Эксплуатация зависимых категорий у номадов. Термин "зависимость" в данном контексте понимается достаточно широко, от неэквивалентной реципрокации до классического рабства включительно /СЭПИТ, 1986/.

Начнем с давно дискутируемой проблемы рабовладения у номадов. Предположение об обязательном прохождении кочевниками рабовладельческой стадии было сделано С.П.Толстовым в начале 30-х годов /Толстов, 1934, с.170-188/. Ряд исследователей и в последние десятилетия придерживаются этой концепции /Абрамзон, 1970, с.69; Смирнов А.П., 1970, с.130; Акишев, 1986, с.35-37, 39/, хотя нельзя не отметить, что еще в начале 30-х годов отдельные исследователи высказывали мысль о том, что в условиях кочевого скотоводства рабский труд не может быть основой хозяйства и рабы обычно применялись только для вспомогательных видов труда /Равдоникас, 1932, с.66; ОПГИРФО, 1934, с.334/. Но только с конца 50-х годов начали появляться работы, в которых убедительно доказывалась невозможность прохождения кочевниками рабовладельческой формации /Семенов, 1958; 1959; 1969; Хазанов, 1975, с.139-148; 1976; Кляшторный, 1985; 1986а/.

Главная причина, как отметил А.М.Хазанов, заключается в самой специфике кочевого хозяйства, не требующего большого количества рук /Хазанов, 1975, с.141; противоположное мнение см.: Тереножкин, 1966, с.40; Грантовский, 1980, с.139/. У туркмен один пастух с подпаском выпасал стадо из 400-800 голов мелкого рогатого скота /Марков, 1970, с.82; Оразов, 1970, с.202/. У калмыков отара овец из 1000-1500 голов или табун в 300 лошадей обслуживались двумя пастухами /Житецкий, 1892, с.95-96/. У казахов один человек мог управиться с отарой из 400-500 овец /Толыбеков, 1971, с.535/ или выпасать табун из 150-250 лошадей /Толыбеков, 1971, с.540; ср.: Масанов, 1984, с.41/. У киданей 2-3 человека выпасали табун в 1000 лошадей / Wittfogel, Feng Chiazheng, 1949, p.210/. "В животноводстве, когда оно ведется в крупных размерах, масса применяемой рабочей силы очень мала по сравнению с постоянным капиталом в виде самого скота" /Маркс, Энгельс, т.25, ч.II, с.327/.

Если соотнести эти цифры со сведениями о количестве скота, находившемся в собственности кочевой аристократии в эпоху предполагаемого господства рабовладения (у среднеазиатских скифов были лица, владевшие 300 тыс. голов скота /Пьянков, 1975/; усуньские богачи владели от 4 до 5 тыс. голов лошадей /Бичурин, 1950, т.II, с.150/; некто из жужаньских правителей только в награду подарил одному человеку 3 тыс. быков, лошадей и овец /Бичурин, 1950, т.I, с.197/; по свидетельству Ибн-Батуты, в Золотой Орде были лица, владевшие 10 тыс. лошадей и более /Тизенгаузен, 1884, с.286/ и т.д.), то говорить о возможности применения рабского труда в больших масштабах в скотоводстве вряд ли представляется возможным: требовалось ведь в лучшем случае несколько десятков рабов-пастухов.

А потребность верхушки кочевых обществ в дополнительной рабочей силе могла легко удовлетворяться за счет внутренних ресурсов. Наличие общины обеспечивало определенные формы кооперации, а частная собственность на скот и экологическая неустойчивость кочевого хозяйства приводили к тому, что у кочевников всегда имелась прослойка малоимущих и нищих лиц /Хазанов, 1975, с.141/. Еще Г.Нибур отмечал, что "если есть нужда в рабочих, всегда найдутся свободные люди, которые охотно предложат свои услуги, и нет большого проку в рабском труде" /Нибур,

1907, с.247/. Этот вывод полностью применим и к простым и бедным кочевникам. Г.И.Семенюк подсчитал, что для выпаса скота было достаточно выделить 1-1,5% от общего количества кочевников /Семенюк, 1958, с.67/.

Такие лица имели ряд значительных преимуществ по сравнению с рабами. Кочевому производству нужны были не просто живые машины, а работники, "хорошо знавшие географическую среду, климат, свойства растений, почв, водных источников, нравы животных, звездное небо, готовые рисковать собою, спасая чужие стада в случае непогоды, защищать их от набегов вражеских племен, хищных зверей" /Семенюк, 1974, с.36/. А высококвалифицированными, заинтересованными, инициативными пастухами могли быть, как правило, только члены той же социальной группы, что и владельцы стад, к тому же их эксплуатация нередко прикрывалась традициями общинной взаимопомощи. Кроме того, существует мнение, что труд пастуха у кочевников всегда был престижен и сравнительно неплохо оплачивался /Зибер, 1923, с.152,372; ОПГИРФО, 1934, с.374; Хазанов, 1975, с.142/.

С другой стороны, максимальное количество "рабов" на одного "надсмотрщика", по данным Г.Джонсона /1986, с.97/ не должно было превышать шести человек. Но по приведенным выше данным, оптимальная численность пастухов от одного до трех человек, и если к ним представить еще и надсмотрщика, то это снизит его экономическую рентабельность как минимум на 50%. К тому же это все равно опасно. Один, пусть вооруженный, но против трех. Думается, интуитивно номады прекрасно чувствовали эту закономерность. И проще было добавить еще одного-двух свободных пастухов и обходиться в выпасе без рабского труда. Впрочем, конечно, возможен и иной вариант: увеличить количество стад с тем, чтобы их пасли рабы под присмотром группы охранников. Но концентрация больших стад экологически и экономически невыгодна /Масанов, 1984, с.123-124/.

Правда, необходимо принимать во внимание дополнительные потребности в большем количестве рабочей силы для рытья колодезев, поддержании их в порядке, для расчистки пастбищ от глубокого снега и ледяного покрова во время джута, для стрижки овец и т.д., хотя, как пишет Г.И.Семенюк, в источниках на этот счет никаких сведений не обнаружено /Семенюк, 1958, с.76,

прим.166/. Но опять-таки подобные ситуации случались лишь периодически, и к тому же этими делами могли заниматься сами кочевники, не занятые в выпасе скота. Все эти обстоятельства понижали и без того невысокую экономическую целесообразность малопродуктивного труда рабов, требовавших постоянных круглогодичных затрат на их одежду, охрану, пищу независимо от занятости в производстве.

К тому же благоприятные условия для бегства, которые создавал кочевой образ жизни в целом, также являлись одним из факторов, ограничивавших распространение рабства у кочевников. С этим фактом вплотную столкнулись скифы уже, видимо, в V в. до н.э., применявшие, по свидетельству Геродота, ослепление рабов ("доильщиков кобылиц"). Однако, ни массовые ослепления, ни другие формы членовредительства, снижавшие и без того малую производительность труда, ни жесткие расправы над пойманными беглецами не приносили успеха.

Положительный результат могли, возможно, принести такие меры, как усыновление или женитьба рабов и включение их в состав семей хозяев, наделение скотом и имуществом. Но опять-таки эти меры могли быть применимы лишь в ограниченных размерах. К тому же в подобных ситуациях рабы переставали быть рабами.

Кроме того, концентрация сколько-нибудь значительного количества рабов в раскинутых по степи кочевьях представляла серьезную опасность. Так, в 1755-1756 гг. в Младшем Казахском жузе возник переизбыток захваченных в плен людей. Они убегали в сонки, создавали шайки и своими набегами терроризировали население жуза /Семенюк, 1967, с.436-437/. Хозяйство и безопасность самих кочевников были поставлены под угрозу. Вероятно, по этой причине основную массу рабов у кочевников составляли женщины. Их концентрация не представляла опасности, надзор за ними мог осуществляться в рамках семейного быта. А это позволяло использовать большее количество мужчин в войне /Клишторный, 1985, с.116/.

Обратимся теперь к аргументации сторонников распространения "пятичленной" схемы на кочевников.

Китайские летописи неоднократно сообщают, что свинну в результате набегов на Китай угоняли много народу, "взятых в плен делали рабами и рабынями" /МАС, вып.1, с.41/. Иначе они

отнимали детей и женщин у подвластных народов за неуплату дани /Бичурин, 1950, т. I, с. 144/. По-видимому, было у них и определенное количество покупных рабов /МИС, вып. 2, с. 89/. На основании всего этого С. П. Толстовым был сделан вывод о скинуском обществе как о военно-рабовладельческом государстве /Толстов, 1934, с. 179/. Но отнести скинуское общество к рабовладельческому можно было бы только в том случае, если бы удалось доказать ведущую роль рабства в производстве. "В оценке формации основное не количество рабов, а, так сказать, их качество", - писал один из наиболее рьяных сторонников распространения рабовладельческой формации на номадов А. П. Смирнов /1934, с. 11-12/.

Однако о применении рабов в скотоводстве, основной сфере производства скинну, летописи ничего не сообщают. Скорее всего ведущими формами эксплуатации у скинну были дань, военный грабеж и, возможно, в какой-то мере налогообложение рядовых номадов. Можно предположить, что часть военнопленных занималась земледелием и ремеслом /Гумилев, 1960, с. 147; Руденко, 1962, с. 29; МИС, вып. 2, с. 56-57; Хазанов, 1975, с. 144/. Но их рабское положение сомнительно. Сами китайцы констатировали, что рабы и рабыни жителей китайских пограничных территорий тяготятся своей тяжелой жизнью, среди них много желающих бежать, и они говорят: "Ходят слухи, что у скинну спокойная жизнь, но что подделашь, если поставлены жестокие караулы?" /МИС, вып. 2, с. 41/. По мнению А. В. Давыдовой, тщательно проанализировавшей как письменные, так и археологические источники, рабство у скинну носило патриархальный характер и нет никаких оснований считать скинуское общество рабовладельческим /Давыдова, 1975, с. 145/.

К интересным выводам пришел Г. И. Семенюк. На основе подсчета цифровых данных из китайских летописей он пришел к выводу, что китайцы в эпоху скинну угнали в целом в полон примерно в два раза больше номадов, чем те оседлых жителей. "Гораздо больше оснований, - пишет далее автор, - предполагать наличие у них острой необходимости пополнять пленными свои быстро редющие семьи, включая пленных в состав родов и племен, т. е. говорить об отношениях патриархального рабства или о лишении завоеванных или побежденных ими племен определенной степени самостоятельности" /Семенюк, 1958, с. 57/.

Здесь, вероятно, следует отметить, что "раб", упоминаемый в письменных источниках, далеко не адекватен рабу в нашем понимании, как объекту внеэкономического принуждения, лишенному средств производства и являющемуся чужой собственностью /Дандамаев, 1984, с.13/. Для древности и средневековья было характерно резкое противопоставление своих свободных конституированных членов общества всему остальному миру, что нашло отражение в лексике: "свой" - "свободный", "чужой" - "раб" (ср.: "эллыны" - "варвары", "арабы" - "неверные", "православные" - "нехристи" и т.п.). Та же традиция, по-видимому, наблюдалась и у кочевников. Тюрки "народу табгач стали они ... рабами своим крепким мужским потомством и рабынями своим чистым женским потомством" /Малов, 1951, с.37,38,39/. Половцы, победившие тюрков-огузов, считали их своими рабами /Агаджанов, 1969, с.159, прим.2/. Монголы считали своими рабами половцев /Анимнский, 1940, с.88-89/. Киргизские роды и племена делились на основные, чисто киргизские, и подчиненные, инородческие - "рабские" /Материалы..., 1955, с.48/. В Буганде скотоводы называли эпитетом "раб" вообще всех, кто занимался земледелием /Годинер, 1982, с.69/. Данное обстоятельство заставляет довольно осторожно подходить к сведениям о рабовладении у кочевников, почерпнутых из письменных источников.

Огузы и туркмены IX-XIII вв. большую часть "рабов" продавали своим соседям. Это дало повод С.П.Толстому заявить о большом значении для них рабства /Толстов, 1934, с.176,188/. Но у туркмен рабство имело домашний характер: женщины обращались в прислугу и наложниц, мужчины использовались в основном в качестве слуг, изредка из них формировались дружины ханов, что считалось престижным. Ничего не сообщается о применении рабов в скотоводческом хозяйстве /Агаджанов, 1969, с.110-112; он же, 1973, с.120; Ковалевский, 1956, с.128/. У огузов также упоминаются рабы и рабыни, но только в качестве домашней прислуги. Иногда их даже отпускали на волю. Один из героев огузского эпоса, попавший в плен, упоминает о своих рабах, которые тоскуют по нему вместе с его близкими родственниками /Книга моего деда Коркута, с.22,28,31,41,45,46,47,49 и др./.

В некоторых случаях в качестве примера развитых рабовладельческих отношений ссылаются на туарегов Сахары /Смирнов А.П.,

1970, с.130; Толотов, 1934, с.183/. Но даже при сравнительно большем количестве у них рабов соотношение между рабами и зависимым слоем населения амгидами выражалось как 2:3. Продажа рабов не практиковалась даже в доколониальную эпоху. Рабы использовались в домашних работах: сборке и разборке шатров, сборе топлива, на кухне, в уходе за детьми и т.д. Обращение с рабами было сравнительно мягкое. Это объясняется тем, что если с рабом плохо обращались, то он имел право сменить хозяина. А это было чревато потерей престижа для хозяина. Часто рабы участвовали в набегах на соседние племена вместе с хозяевами /Гаудио, 1985, с.81-82; Першиц, 1968; 1976, с.336-342, 351-352; Хазанов, 1975, с.147/.

Источники сообщают о существовании рабства и у других кочевых народов. Основная сфера применения рабского труда - домашнее хозяйство /Нибур, 1907, гл.3; Козин, 1941, с.122, 190; Ковалевский, 1956, с.128; Семенюк, 1958, с.75; Толыбков, 1959, с.243, 396; Ахмедов, 1965, с.85-88; Федоров-Давыдов, 1966, с.220-222; Плетнева, 1967, с.189; Агаджанов, 1969, с.110-112; 1973, с.120; Петрушевский, 1970, с.125; Першиц, 1971, с.24; Пиков, 1985, с.34; Султанов, 1986, с.346, 350/. Причем доля женского труда значительно превышала вклад рабов мужчин /Семенюк, 1958, с.60, 61, 76, 77; Кляшторный, 1985/.

Кроме домашнего хозяйства нередко рабы использовались в скотоводстве, однако лошадей им не доверяли /Бернштам, 1946, с.110; Негри, 1981, с.105; Рашид-ад-Дин, 1952, кн.1, с.145; Семенюк, 1958, с.74-75/. Иногда из рабов формировались дружины вождей и аристократии /Нибур, 1907, гл.3; Бичурин, 1950, т.1, с.184; Потехин, 1951, с.244, 247; Семенюк, 1958, с.75; 1959; с.167, 178, 201; МИГД, с.159, 166; Хазанов, 1975, с.144/. Бывали случаи, когда рабов приносили в жертву на похороны /Кляшторный, 1985, с.166; Путешествия..., 1957, с.32-33/, использовали в качестве учителей, "дядек" или воспитателей ханских детей /Семенюк, 1958, с.75/. У киданей часть рабов использовалась в обслуживании гробниц императоров и административных учреждений, в армии, на строительных работах /Wittfogel, Feng Chia-sheng, 1949, р.196, 335, 569/. У фульбе рабы были гребцами /Нибур, 1907, гл.3, § 1/.

Большие выгоды получали кочевники от продажи рабов на рынки в соседние земледельческие страны. Работоторговлей занимались

скифы, сарматы /Хазанов, 1975, с.142-143/, афталиты /История таджикского народа, 1963, с.408/, турки /Бичурин, 1950, т.1, с.246; Клишторный, 1985, с.167/, хазары и печенеги /ОПГИРФО, 1934, с.324-325/, монголы и татары /Путешествия..., 1957, с.72; Скрижиноская, 1971, с.53-56; Тизенгаузен, 1884, с.113-114, 122, 123, 180, 187, 194, 231, 235, 436, 540; Герберштейн, 1888, с.169/, казахи /Семенюк, 1958, с.77-79; 1959, с.180-187; Султанов, 1986, с.343-344/ и другие народы. Если рабов нельзя было продать, то часто они отпускались на свободу просто так или за выкуп /Нибур, 1907, с.242, 243; Негря, 1981, с.107/, пополняя категории зависимого населения /Вяткин, 1947, с.134-151; Плетнева, 1958, с.193; Султанов, 1986, с.348-349/.

Значительная часть рабов (как правило, самая квалифицированная их часть - ремесленники) концентрировалась в городах крупных кочевых объединений. Там они, если и не составляли подавляющего большинства населения, то, наверняка, являлись одним из самых многочисленных слоев. Вероятно, постепенно рабы высвобождались из своего невольничьего положения (как в Золотой Орде), пополняя прослойки неполноправного городского населения /см.: Сафаргалиев, 1960; Федоров-Давыдов, 1973; Полубоярнинова, 1978; Егоров, 1985/.

Кроме городов, ремесленники могли сосредотачиваться в специальных поселках, население которых помимо ремесла занималось сельским хозяйством. Есть сведения о существовании таких поселков у сюнну /Гумилев, 1960, с.147/, сяньби /МИГД, с.80/, турков /Бичурин, 1950, т.11, с.300; Толстов, 1948, с.261/, монголов /Мункуев, 1965, с.78/. Однако рабское положение их жителей вызывает сомнение. Скорее всего, их эксплуатация основывалась на даннических или каких-либо других вассальных отношениях.

Особое место занимает вопрос о характере рабовладения у скифов. Эта проблема достаточно подробно рассматривалась многими авторами, и я остановлюсь на ней лишь потому, что скифские материалы являются главным аргументом сторонников распространения на кочевников пятичленной схемы формаций. В основном вся аргументация сводится к двум фрагментам из "Истории" Геродота.

Первый из них гласит: "Всех своих рабов скифы ослепляют

из-за /кобыльего/ молока, употребляемого для питья... выдоенное молоко скифы сливают в глубокие деревянные сосуды и, расставив вокруг сосудов слепцов, велют им взбалтывать молоко... из-за этого скифы ослепляют всех, кого захватят в плен; они ведь не земледельцы, а кочевники" /Геродот, 1972, с.187/.

Сомнительно, чтобы скифы ослепляли всех своих рабов поголовно. Ведь слепые рабы не годились ни для каких-либо еще работ кроме переработки молока. "Нельзя же всерьез думать, — пишет Д.Б.Шелов, — что рабов содержали для того, чтобы они взбалтывали молоко после дойки" /Шелов, 1972, с.74/. О взбалтывании кобыльего молока сообщается и в других источниках, но об ослеплении рабов не говорится ни слова. Поэтому очень часто высказываются предположения, что утверждения Геродота основаны на неправильной интерпретации скифского термина, обозначающего рабов /Шелов, 1972, с.74; Хазанов, 1975, с.133; Грантовский, 1980, с.148-149/. Но гораздо примечательнее тот факт, что в цитированном отрывке говорится о применении рабского труда лишь в подсобных работах, а об употреблении рабов в выпасе скота не говорится ничего.

Ошибочно также считать, что рабы играли у скифов значительную роль в ремесле. Материалы археологических раскопок показывают, что ремесленниками (в основном, металлургами, так как металлургия являлась наиболее развитым и единственным обособившимся видом ремесла) были свободные члены общества /Граков, 1954, с.58; Хазанов, 1975, с.139; Бойко, 1986, с.13/.

Вероятно, большая часть пленных, захваченных в войнах и набегах, поставлялась на внешние рынки. Сведения о наличии в Греции рабов из Скифии появляются со второй половины VI в. до н.э. Но все же подобных рабов было в Греции сравнительно немного. Как показывают некоторые исследования, экспорт рабов с северных берегов Черного моря всегда значительно уступал вывозу из Малой Азии, Сирии, Фракии. Верно, по всей видимости, предположение Д.Б.Шелова, писавшего, что возникновение в Северном Причерноморье греческих полисов дало мощный толчок в развитии рабовладения в скифском обществе, но лишь в одном направлении: продаже рабов на рынок, исключая использование их в своем хозяйстве /Шелов, 1956, с.25-26; см. также: Хазанов, 1975, с.138-139/. Тем более что продажа рабов на рынок не является

критерием для определения развитости рабовладельческих отношений. Покупное рабство существовало у многих народов мира, находящихся на предклассовой стадии развития.

Во втором фрагменте сообщается следующее: "Когда скифы, проведя на чужбине двадцать восемь лет, после столь продолжительного отсутствия возвращались на родину, им пришлось выдержать войну не меньше мидийской... скифские женщины, вследствие продолжительного отсутствия своих мужей, вступили в связь с рабами... От этих-то рабов и жен скифских произошла молодежь, которая, узнав о своем происхождении, решила воспротивиться скифам при их возвращении из Мидии... Когда произошло несколько сражений и скифы никак не могли одолеть врага, один из них сказал следующее: "... теперь предлагаю оставить копья и луки, а каждому взять конскую нагайку и идти на них... Они увидят у нас в руках нагайки вместо оружия, они тотчас поймут, что они наши рабы" ... рабы, пораженные случившимся, забыли о сражении и обратились в бегство" /Геродот, 1972, с.187-188/.

Мало кто из исследователей ползгает, что в легенде "отразилась идеология рабовладельцев-скифов, считавших, что с рабами нужно бороться не оружием, а нагайками, что рабов не следует убивать зря, так как они нужны как рабочая сила" /Тереножкин, 1966, с.40; ср.: Смирнов А.П., 1966, с.144; Грантовский, 1980, с.149 и сл./.

Большая часть специалистов склонна считать, что в цитированном фрагменте отразились события, связанные с подчинением скифами, вернувшимся из Передней Азии, каких-то местных социумов. Ярко проступающая в рассказе Геродота идеология рабовладельцев приводит к мысли, что информатором Геродота был грек, передавший это событие в рамках собственных представлений и категорий /см., например: Ильинская, 1968, с.176; Хазанов, 1972, с.162; 1975, с.155-156; Шелов, 1972, с.74 и др./.

Очень часто для обоснования существования рабовладения у скифов применяют в доказательство своих взглядов археологические материалы. Так, к примеру А.П.Смирнов пишет: "Трупы рабов бросали в могилы без соблюдения какого-либо погребального обряда. При археологических раскопках эти костяки были найдены в самых разнообразных позах с раскинутыми руками и ногами" /Смирнов А.П., 1970, с.122-123; ср.: Тереножкин, 1973, с.32/.

Это, по его словам, свидетельствует о вполне сложившемся рабовладении.

Однако вряд ли убийства рабов на похоронах скифской знати могут что говорить о характере общественных отношений. Человеческие жертвоприношения встречаются как в классовом обществе, так и в тех, которые еще не достигли стадии государственности. Они не дают оснований для заключения о существовании жестоких форм эксплуатации, а скорее свидетельствуют об ограниченном применении рабского труда. Нельзя также считать, что тяжелое положение рабов присуще только развитым рабовладельческим отношениям. Э.О.Берзин справедливо заметил, что в обществах, не достигших раннеклассовой стадии, встречаются две противоположные формы отношения к рабам, вызванные отсутствием эффективной принудительной власти: крайнее подавление, вплоть до уничтожения, и сравнительно мягкое отношение, содержание на положении младших родственников /Общее и особенное..., 1966, с.65; примеры см.: Нибур, 1907/.

Далее А.П.Смирнов все-таки признает, что далеко не во всех погребальных памятниках скифов встречаются костяки рабов. Кстати говоря, по мнению М.И.Артамонова /1972, с.63/, это вообще не рабы, а слуги и наложницы. Однако А.П.Смирнов почему-то считает, что эти "социальные группы" по уровню развития производительных сил ничем не отличались от своих соседей и поэтому "нет оснований предполагать у этих племен отсутствие рабовладения" /Смирнов А.П., 1970, с.123/. Аналогичную картину автор видит в Южной Сибири и на Алтае. Он показывает отличие погребений рядовых общинников от погребений знати и на основании этого делает вывод: "Несомненно, племена Алтая раннего железного века не могли обходиться без рабов, используя их главным образом в кочевом хозяйстве" /Смирнов А.П., 1970, с.123/.

К сожалению, до сих пор возможности социологических интерпретаций в археологии очень ограничены. Можно говорить только о каких-либо общих тенденциях, но никак не конкретных цифрах и категориях. Не случайно большая часть методик, используемых исследователями для социологических анализов /Массон, 1976; Геннинг, 1984; Буянтян, 1985; Алекшин, 1986; Бойко, 1986; Формализованно-статистические методы..., 1990 и др./, даже при положительных результатах пока дает больше оснований для осторожности,

III

нежели для неоправданных аналогий и беспочвенного оптимизма.

Таким образом, вопреки получившему распространение в отечественном кочевниковедении с 30-х годов мнению о господстве у древних кочевников рабства, можно констатировать: рабовладельческие отношения не получили у номадов широкого распространения и тезис о существовании в степном мире рабовладельческой формации должен быть снят.

В отличие от рабства эксплуатация неполноправных и полноправных, но обедневших кочевников практически имманентно была присуда обществам номадов. Экологическая нестабильность кочевого хозяйства, частная собственность на скот, постоянные войны за стада и пастбища — все это потенциально способствовало имущественному расслоению и установлению отношений зависимости и подчинения. Существование значительной дифференциации в обществах кочевников хорошо подтверждается многочисленными этнографическими примерами /сводку данных см.: Нибур, 1907, с.243-247/.

В такой ситуации наиболее распространенным способом формирования зависимости был "саун" — отдача скота на выпас. Он существовал у многих кочевых народов под разными названиями (вадия, сапис, саан, польш, тераз, хасалс и т.д.): у алтайцев /Потапов, 1933, с.37-40; 1953, с.281-282/, якутов /Башарин, 1956, с.140-141; Токарев, 1945, с.181/, ненцев-самоедов /Зибер, 1923, с.328-329/, арабов различных эпох /Першиц, 1961, с.124-126; Марков, 1976, с.267; Негря, 1981, с.100-102/, казахов /Марков, 1976, с.152; Масанов, 1988 и др./, туркмен /Марков, 1976, с.231/, тувинцев /Вайнштейн, 1961, с.131-132/, метабеле /Потехин, 1951, с.240, 244/ и других скотоводческих народов Африки /Зибер, 1923, с.326; Кобищанов, 1974, с.226-231; Бонт, 1989, с.364-365/, индейцев Северной Америки /Аверкиева, 1974, с.268-270/.

Существовало много разновидностей "сауна". Так, например, у кочевников Южного Ирана, согласно обычаю "дандани", пастух по окончании срока договора должен был вернуть владельцу такое же количество скота, какое он получил. В течение службы он пользовался частью продуктов (молоко, масло, шерсть), а затем получал весь приплод. Согласно обычаю "тераз", пастух получал лишь половину приплода. По обычаю "нисфеи" на выпас отдавались козы. Пастух платил за каждую козу по 30 туманов в год и брал себе все продукты. По истечении срока договора он становился

собственником половины стада /Трубецкой, 1966, с.111/.

По мнению С.П.Толстова и ряда его последователей в этом вопросе, саун являлся "клеточкой" феодального способа производства в кочевых скотоводческих обществах. Такой подход к характеру социально-экономических отношений у кочевников вызвал в середине 50-х годов бурную дискуссию. Эта дискуссия достаточно подробно рассматривалась в начале настоящей главы и в других работах /см., например: Фурсов, 1976; Коган, 1980; Крадин, 1987а, с.50-64; 1990а, гл.1; Попов А.В., 1987, гл.1/, поэтому вряд ли имеет смысл вновь к ней обращаться. Важным представляется другое. Существует достаточно много фактов, которые свидетельствуют, что отдача скота на выпас не могла быть главной формой эксплуатации у кочевников.

В целом трудно не согласиться с Г.Е.Марковым, отметившим, что отношения внутренней эксплуатации обедневших кочевников стали широко использоваться и господствовать только в новое время, в эпоху разложения нomaдизма. До этого времени основу населения кочевых обществ составляли средние самостоятельные независимые хозяйства /1976, с.302/.

У казахов горного Алтая даже в конце XIX в. рядовые полноправные кочевники составляли примерно 85% населения, а бедные и совсем не имеющие скота нomaды только 2,6% /Марков, 1976, с.203/. По данным таблиц из книги С.З.Зиманова получается, что примерно три четверти казахских хозяйств первой половины XIX в. существовали самостоятельно и, следовательно, отношения сауна не могли являться основным способом эксплуатации /Зиманов, 1958, с.111, табл.9; с.115, табл.10; с.116, табл.11; с.179/. У монголов еще в начале XX в. две трети нomaдов вели самостоятельное хозяйство (без учета монголов-лам) /Майский, 1921, с.42/. Большая часть бурят XIII - начала XIX в. также была вполне самостоятельной в экономическом отношении /Залкинд, 1970, с.342/.

Подобную картину в отношении древних и средневековых нomaдов дают археологические источники. У скифов IY-III вв. до н.э. численность "восьминогих" (так называл Лукиан рядовых, свободных скифов) составляла 59%, только 5% малоимущих и нищих кочевников, а остальные находились выше среднего уровня жизни /Буния-тян, 1985, с.104, табл.3/. По расчетам В.Ф.Генинга /1984/, в скифском обществе 70% составляли простые кочевники, 15-20% -

зажиточные и только 10%—бедные скотоводы. Очень высокий процент полноправного населения был у печенегов и половцев по результатам исследования погребальных сооружений /Добролюбский, 1978, с.116, табл.2/.

Вместе с тем в данном вопросе полной ясности все-таки нет. По мнению Н.Э.Масанова, у казахов рубежа XVIII—XIX вв. от 67 до 91% хозяйств не могли самостоятельно существовать, от 5 до 22% находились на грани бедноты и только от 2 до 12%, по данным различных уездов, могли полностью обеспечить себя. Получается, что абсолютное большинство номадов не могло самостоятельно существовать и должно было прибегать к саунным отношениям /Масанов, 1984, с.120-121/. Однако они этого не делали по причине того, что "хозяйств, способных дать скот на выпас, было очень мало" /Масанов, 1984, с.138/. Как в таком случае существовали находящиеся на грани голодной смерти кочевники? Вероятно так же, как и вдова и сироты Ксугая, отца Темучжина, брошенные на произвол судьбы своими соплеменниками. Последние с большим трудом поддерживали свое существование охотой и рыболовством, причем последнее занятие у монголов свидетельствовало о высшей степени бедности /Гумилев, 1970, с.155/.

Эти данные вступают в противоречие с приведенными выше сведениями о казахах более позднего времени и бесспорно заслуживают специального изучения, которое, возможно, что-либо сможет прояснить. Но странно в общем-то другое. Почему в более позднее время, когда влияние капиталистического мира на степь должно было увеличиться еще больше, основная часть номадов еще вела самостоятельное хозяйство? Быть может, это свидетельствует о высокой потенциальной жизнеспособности экономики номадизма? Тогда, возвращаясь к многократно цитированному различными авторами афоризму О.Латтимора, можно сформулировать его несколько иначе: "чистый кочевник" хотя и является бедным, но не настолько, чтобы умереть с голоду!

Неоднократно в отечественной литературе высказывалось мнение, что первоначально отношения по выпасу скота основывались на соображениях экономической целесообразности организации скотоводческого труда и только впоследствии отдача скота на выпас стала одним из способов эксплуатации бедных соплеменников и

малоимущих соседей /Вайнштейн, 1960, с.35; 1972; Марков, 1976, с.302; Халиль Исмаил, 1983, с.21; Марков, Масанов, 1985, с.94; Калиновская, Марков, 1987, с.61 и др./.

Отношения системы "патрон - клиент", писал Л.Е.Куббель, возникали как способ обеспечения определенного оптимума экономической деятельности для отдельных индивидов или групп, по какой-либо причине выпадавших из традиционной структуры хозяйственной организации, однако сохранявших определенную долю личных прав. Это могли быть обедневшие сородичи, чужаки, наконец, просто менее сильные в политическом или экономическом отношении локальные общности. Главной задачей данной системы связей являлось внутреннее сохранение целостности экономического организма, обеспечение его стабильного функционирования и необходимости противостоять внешним опасностям.

Отношения, складывавшиеся между патроном и клиентом, носили двойственный характер. Клиент получал покровительство и, следовательно, определенные выгоды относительно своего прежнего положения. Однако преимущества эти отчасти кажущиеся, поскольку в новом своем состоянии младший партнер нередко оказывался перед нелегкой дилеммой: либо кусок хлеба в неволе, либо голодная смерть на свободе. Его старший партнер в системе их отношений также получал определенные экономические выгоды, причем несомненно более ощутимые, но на первом плане для него чаще стояли преимущества социально-престижного свойства /Куббель, 1979, с.255-256/.

В кочевых обществах механизм образования связи типа "патрон-клиент" протекал, видимо, следующим образом. Частная собственность на скот, с одной стороны, и экологическая нестабильность кочевничества, с другой, практически чуть ли не параллельно с выделением скотоводства в специфический хозяйственно-культурный тип привели к имущественной дифференциации, подчас значительной, и появлению прослоек "богатых" и "бедных" номадов. Сам "богатый" не всегда мог выпасать скот собственными силами. К тому же пасти животных большими стадами достаточно сложно и невыгодно по ряду причин экономического и экологического характера /Вайнштейн, 1972, с.72-74; Масанов, 1984, с.123; Ямсков, 1986, с.28/. А выпас маленьких стад выгоден еще и потому, что так при грабительских набегах можно избежать потери всего скота. В свои

очередь у "бедного" номада скота для нормального воспроизводства не хватало и он был вынужден прибегать к услугам более обеспеченного соплеменника или соседа. Возникал феномен так называемой "взаимной эксплуатации" /Skalnik, 1978, p.612/.

При этом во многих случаях "бай, как утверждают, по обычаю не мог настаивать на уплате бедняком долга", - писал С.А.Токарев. "По старинному обычаю, говорят алтайцы, бай должен помогать бедняку, иначе пойдет дурная слава о нем". "Но надо заметить, - далее продолжает тот же автор, - что тот же обычай не позволял бедняку-должнику уклониться от отработки долга" /Токарев, 1936, с.95/. Аналогичного рода факты известны и в истории других кочевых народов. Сводка данных есть, в частности, в исследовании Г.Нибура /1907, с.260/. Там же упоминается интересный обычай бытовавший у самоедов. Согласно ему, если богатый оленевод отказывал в олене для прокормления бедняку, то тот мог безвозмездно забрать себе из стада богача несколько животных.

Конечно, было бы ошибочным идеализировать саунные отношения как, впрочем, и в более широком плане отношения системы "патрон-клиент" и видеть в них только взаимовыгодные связи, не что указывают критики концепции "взаимной эксплуатации" /см., например: Peršic, 1985, с.18/. Но не меньшей, если не большей, ошибкой было бы сводить отношения данного типа только к классовым антагонизмам и эксплуатации, как нередко это делалось у нас в 30-50-е годы. Эту трудность, "где в подобного рода сделках кончается род общения имущества и где начинается эксплуатация бедных богатыми", еще в прошлом веке отмечал Н.И.Зибер /1923, с.329/. Но и он предостерегал от модернизации данных отношений, ссылаясь, в частности, на тот факт, что у бурят обывай безвозмездной отдачи скота бедным скотоводам существовал и в самом недалеком прошлом.

В целом же саунные связи представляли собой широкий спектр отношений, на одном полюсе которых находилась экономически безвозмездная раздача скота обедневшим соплеменникам /Кунов, 1929, с.439; Кушнер, 1929, с.84; Першиц, 1973а, с.106; Эванс-Причард, 1985, с.79/, а на другом явная эксплуатация малоимущих кочевников. Существовало и множество промежуточных форм и вариаций.

Но само по себе имущественное неравенство редко когда было стабильным и часто только временным. Как свидетельствует

Н.Э.Масанов, возрастание величины стад практически прямо пропорционально увеличению падежа скота. Из группы хозяйств, имеющих до 3 лошадей, ежегодно страдали от падежа 7-14% хозяйств. В группе хозяйств, имевших 4-10 голов лошадей, этот процент возрос до 23-24% всех хозяйств и так по нарастающей, вплоть до самых богатых, где от 78 до 93% хозяйств страдали от гибели скота /Масанов, 1984, с.123-124/. Конечно же, имущественное неравенство могло поощрять развитие социального неравенства посредством, например, раздач скота или устройства престижных пиров, ведь "капитал" племенного общества - это "капитал" его социальных связей" /ПСИКА, 1986, с.217/, но, по словам А.М.Хазянова, имущественная дифференциация прямо редко когда становилась стабильным источником социальной стратификации /Хазянов, 1984, р.157/.

Помимо отдачи скота на выпас существовала еще одна форма эксплуатации неполноправного населения - работа в хозяйстве патрона в качестве слуги, батрака или клиента. К примеру, способом закабаления мог служить обычай "усыновления". Причем усыновляться могли как дети соседей-бедняков, обедневших сородичей, так и иноплеменники, например, бывшие рабы. Такой приемный сын долгое время мог быть бесплатным работником в хозяйстве. После совершеннолетия "отец", как правило, выплачивал за него калмы и наделял таким количеством скота, чтобы он всегда оставался в зависимости. Ф.А.Щербин описывает подобный случай: "... богатый человек берет к себе бедного родственника с детства, и взрослого, если обеднеет, тоже берет - обувает его, одевает, кормит, потом женит. Этот приемный и пасет скот богача. Наемных пастухов держат мало" /цит. по: Толыбеков, 1971, с.530/.

Работа в хозяйстве "патрона" в качестве наемного рабочего, или и в положении неполноправного члена родственной группы и т.п. также была достаточно широко распространена у кочевников. Эти отношения существовали у арабов /Нибур, 1907, с. 243-244; Негря, 1981, с.101/, уйгуров /Тихонов, 1966, с.174-175/, казахов /Нибур, 1907, с.244; Марков, 1976, с.154,199, 200/, калмыков /Житецкий, 1892, с.25/, туркмен /Нибур, 1907, с.245; Марков, 1976, с.230/, тувинцев /Вайнштейн, 1961, с.131-132/, алтайцев, киргизов, курдов, скотоводов Северо-Восточной

Африки /Нибур, 1907, с.244-247, 260 сл.; Бонт, 1989, с.364-365/, саамов /Зибер, 1923, с.155/, североамериканских индейцев /Аверкиева, 1974, с.270/ и других кочевников. Однако они вряд ли играли сколько-нибудь значительную роль в производстве и в большей части случаев данные отношения следует рассматривать как специфические формы отношений покровительства, восходящие к "престижной экономике" и принимавшие различные формы в зависимости от конкретных экономических, социальных и политических обстоятельств.

Но не стоит забывать, что кочевое скотоводство не требует значительного применения труда пастухов и по этой причине далеко не все обедневшие кочевники получали возможность продолжать кочевой образ жизни. "В степи кочуют семьи сравнительно зажиточные, а те из них, которые беднеют, лишаются скота, выбрасываются из года в год степью за ее пределы. Остаются из семей бедных скотом только те, сравнительно немногие, которые пристраиваются в качестве пастухов и работников... у крупных скотоводов" /Житский, 1892, с.25/.

Те кочевники, которые не смогли найти возможность применить свои услуги в хозяйствах богатых соплеменников, вынуждены были оседать на землю. Это население нередко подвергалось эксплуатации со стороны богатых скотовладельцев, обеспечивавших их орудиями труда, зерном, рабочим скотом /см., например: Трубецкой, 1966, с.210/.

Потерявшие возможность кочевать бедняки обычно становились самым презираемым слоем и поэтому при первой же возможности, если им удавалось несколько поправить свое имущественное состояние, они вновь обзаводились скотом и переходили к кочевому образу жизни. "Только лишь безвыходная нищета может побудить кочевника заняться хлебопашеством, - писал А.К.Завадский-Краснопольский, - но лишь только он обзавелся скотом, тотчас бросает свою неуклюжую лопату, которой он пахал землю вместо сохи, - он делается кочевником" /цит. по: Khazanov, 1984, p.84/.

Судя по всему, во многих кочевых обществах евразийских степей можно проследить в той или иной степени седентеризацию некоторой части населения /Хазанов, 1975, с.150-151/. Некоторые исследователи даже склонны абсолютизировать оседание малоимущих кочевников как основной путь социального расслоения у кочевников

/Плетнева, 1967; 1982/. Но седентеризация чаще являлась не причиной стратификации, а следствием процессов разложения кочевничества в период нового и новейшего времени, а в эпоху расцвета кочевничества тенденции к оседанию номадов, думается, были не столь уж и велики. К тому же труд и энергия малоимущих скотоводов с успехом использовались в экзоплуаторской деятельности, занимавшей одно из важнейших мест в жизнедеятельности социальных организмов степного мира.

Эксплуатация свободного населения в кочевых обществах. Особый интерес вызывает вопрос о степени и формах эксплуатации основной части населения в кочевых обществах — рядовых общинников, которые вели мелкое самостоятельное хозяйство. При этом нельзя не согласиться с мнением Г.Е.Маркова, что социальная организация кочевников не являлась повторением структур позднепервобытного общества. Действительно, сложно характеризовать общественную организацию как первобытную, если в ней существуют частная собственность на средства производства, которая иногда концентрируется в значительных размерах, многообразные формы эксплуатации неполноправного населения, зачатки нефиксированной ренты.

Вместе с тем такое общество нельзя назвать в полной степени раннеклассовым, так как там отсутствуют развитая налоговая эксплуатация простого свободного населения, автономные органы власти и управления, а верхушка общества не представляет собой закрытого сословия. Согласно концепции Г.Е.Маркова, такое состояние кочевых обществ было "нормальным", и только на время они создавали эфемерные образования — кочевые империи /Марков, 1976, с.310-312/. Но и в кочевых империях номадная подсистема нередко оставалась неизменной.

Для характеристики такой общественной организации Ю.В.Павленко предложил термин "протоклассовое общество". По уровню развития производительных сил оно соответствует докапиталистическим классовым обществам, но по характеру социально-экономических отношений фактически находится на доклассовой стадии. Иными словами говоря, в рамках каждого индивидуального хозяйства мог производиться известный объем прибавочного продукта, однако

институционализированные методы его изъятия отсутствовали /Павленко, 1989, с.157-161/.

Тем не менее И.Я.Златкин вплоть до последних лет жизни был склонен полагать, что простые свободные кочевники эксплуатировались путем отдачи аристократией скота на выпас. В качестве подтверждения своей мысли он ссылается на ... отсутствие в средневековых источниках по истории Центральной Азии прямых указаний о существовании сауна. Это, по его мнению, свидетельствует об "обыденности", "привычности" отдачи скота на выпас у средневековых номадов /Златкин, 1982, с.261/. Странная логика. Но почему бы в таком случае не предположить о существовании у номадов наемного труда и капитала, ведь о них источники тоже ничего не сообщают? Между тем всегда имевшаяся в кочевых обществах прослойка малоимущих и неимущих кочевников с учетом того, что кочевое скотоводство не нуждалось в большом количестве рабочих рук, скорее всего делала использование аристократией труда рядовых номадов не нужным. Да и при всем желании у аристократии не хватило бы скота, чтобы раздать его всем на выпас.

Гораздо вероятнее, что простые кочевники могли эксплуатироваться посредством отчуждения у них части прибавочного продукта в форме налогов или каких-либо поборов, встречавшихся как у номадов древности, так и кочевых народов средневековья и нового времени. Уже у сюнну при шаньюе Лаошане были предприняты попытки установить регулярное налогообложение простого населения /МИС, вып.1, с.45/. Однако у туйхуней не было "твердо установленных податей; когда нужны средства для покрытия потребностей, облагают налогами богатые купеческие дома" /МИГД, с.227/.

Предпринимались также попытки обложить налогами непосредственных производителей и в Казахстане /см., например: Масанов, 1988, с.52/. Однако судя по всему, вплоть до присоединения к России они терпели неудачу /Казахско-русские отношения, 1961, с.62,576; Левшин, 1832, ч.III, с.161/. У арабов включительно до нового времени регулярных сборов в пользу шейхов не проводилось. Дань взимали с земледельческого населения /Марков, 1976, с.259/.

Напротив, в Киданьской империи Ляо налоги взимались. Сообщается о существовании подушного налога со взрослых, налога со скота в пользу армии. Кроме того, простые кидани отбывали службу в пограничных гарнизонах, привлекались к облавным охотам,

к выпасу государственных стад, к несению почтовой повинности /Wittfogel, Feng Chiasheng, 1949, p.117-118, 124, 565-566; Думан, 1955, с.23-24/. Однако не ясно, насколько эти налоги были тяжелы для кочевников. Но, судя по "Ляо ши", были случаи, когда повинностями облагались и богатые скотоводы /Думан, 1955, с.24/.

В Монголии в период империи взимались с простого населения различные формы налогов и податей. Известны случаи, когда хану или тем или иным предводителям поставлялось продовольствие /Путешествия..., 1957, с.46/. Существовали и другие повинности. К ним относятся государственная повинность "шулен" (одна овца со стада в пользу бедных и один двухгодовалый баран со стада), повинность "ундан" (выделялись специальные стада дойных коров, за которыми должны были следить надсмотрщики - уи гунун), ямская повинность, повинность поставлять кумыс. Кроме того, кочевое население обязано было выставлять определенное количество людей во время облавных охот хана /Козин, 1941, с.197-198; Федоров-Давыдов, 1973, с.41/.

Особо следует разобрать такой налог, как "копчур". Его происхождение восходит к обычаям родо-племенной взаимопомощи. "Раньше, когда существовали их монголов обычаи и правила, со всего монгольского войска выделяли ежегодно обедневшим ордам и дружинам копчур лошадьми, овцами, волами, войлоком, крутом и прочим" /Рашид-ад-Дин, т.1, кн.1, с.135/. Г.А.Федоров-Давыдов считает, что впоследствии копчур превратился в налог со скота и пастбища, а затем трансформировался в подушную подать /Федоров-Давыдов, 1973, с.39, прим.70/. Нечто подобное предположил А.М.Хазанов. По его мнению, копчур первоначально представлял собой один из вариантов реципрокации. Впоследствии в период империи он трансформировался в редистрибуцию, а затем и в налоговую эксплуатацию /Khazanov, 1984, p.239-240/.

Какая точка зрения ближе к истине, в настоящее время сказать сложно, но подать эта не была весьма обременительной для номадов. По одним сведениям, она взималась в размере 1 головы со 100 голов скота /Федоров-Давыдов, 1973, с.39/, по другим 1 со 130, а если поголовье не достигало 100 голов, то налог не брали /Далей, 1983, с.III/.

В 1229 г. Угэдэй установил твердый налог в размере 1 кобыли-

цу с табуна в 100 лошадей, одну корову со 100 голов крупного рогатого скота и одного барана со 100 голов овец /Бичурин, 1829, с.149/. Однако, видимо, уже через 4 года этот указ не соблюдался. Источники сообщают, что в течение всего последующего времени, вплоть до начала XIV в., налог взимали и с кочевников, имевших менее 100 голов скота /Мункуев, 1965а, с.74-75/. Только в 1304 г. Тэмур-хаган издал указ, согласно которому был установлен лимит для взимания дани в 30 голов скота /Мункуев, 1965а, с.77-78; 1970а, с.17/.

Вообще для второй половины XIII в. характерно ухудшение условий существования простых кочевников монголов. По мнению Б.Я. Владимирцова "за время Юаньской династии благосостояние Монголии и монголов сильно пошло на убыль, в особенности по сравнению с веком Чингиса и его трех преемников" /Владимирцов, 1934, с.127/. Включение в состав единой империи и кочевого и земледельческого населения отчасти способствовало усилению эксплуатации простых кочевников. С другой стороны, постоянные войны и необходимость поддержания политической гегемонии отвлекали большое количество рабочих рук от скотоводческой экономики и разоряли монголов. К тому же обрушившиеся на Монголию в конце XIII-начале XIV вв. климатические стрессы еще больше способствовали обнищанию кочевников, которые умирали голодной смертью, были вынуждены продавать в рабство жен и детей.

Но верховная власть не была заинтересована в ухудшении положения простых кочевников. Не случайно в "Установлении династии Юань" было сказано: "Народ - корень государства. /Двор/ получает от него воинов и все доходы в виде налогов и сборов. Поэтому следует беречь народ" /цит. по: Далай, 1983, с.48/. Государство выкупало проданных в рабство детей и жен кочевников, раздавало скот, ткани, деньги, обеспечивало хлебом /Мункуев, 1970б, с.413-434; Далай, 1983, с.66-67, 113, 117-118/. Было бы, конечно, неправильным полагать, что только кочевное государство в годы стихийных бедствий снижало налоги и оказывало населению помощь. Любое государство заинтересовано в платежеспособности своих налогоплательщиков /см., например: Кобищанов, 1974, с.287/. Однако в обществах кочевников помощь получала дополнительное обоснование: простые скотоводы редко являлись главным источником налогообложения, но зато они были основной частью армии.

К тому же большие притеснения номадов могли вызвать опасность откочевки. Несмотря на неоднократно объявляемые законы типа указа Ксун-Тэмюра "Если арат уходит скитаться по своей воле, предавайте его смертной казни" /цит. по: Далай, 1983, с.119/, источники неоднократно свидетельствуют об уклонении от участия в военных походах, откочевках. По их данным, только война между Хайду и Хубилаем заставила 700 тыс. семей перекочевать из Внешней Монголии на юг /Далай, 1983, с.117/. И хотя, по-видимому, это число сильно завышено, думается, оно показывает, что подобные явления носили массовый характер. Нельзя не учитывать и сепаратистские настроения северных ханов, которые получали намного меньше добычи, чем та часть монгольской элиты, которая осталась в Китае. Сепаратисты подбивали свои кочевья на восстания с целью отделения и установления мира.

В Золотой Орде, где также была развита система налогообложения простых кочевников /Березин, 1864, с.17-27; Федоров-Давыдов, 1973/, сложилась похожая ситуация. В письменных источниках сообщается, что иногда номады "ставятся данью в трудное положение в год неурожайный, вследствие падежа, приключаемуся скоту их, или вследствие /сильного/ выпадения снега и утолщения льда. Они продают тогда детей своих для уплаты своей недоимки" /Тизенгаузен, 1884, с.235/.

Из приведенных примеров нетрудно заметить, что усиление обложения простых номадов тесно коррелируется с входением в состав степных держав земледельческого населения. По всей видимости, это связано с постоянным притоком добычи с завоеванных территорий и определенным "огосударствливанием" традиционных общественных институтов номадизма, установлением стабильной машины власти.

В кочевых обществах, не имевших в своем подчинении земледельческих территорий, налогообложение редко достигало развитых форм. В большей степени это была компенсация вождям различных уровней за отправление общественных функций. Нужда в рациональном распределении пастбищ и водных ресурсов, координация перекочевок, охрана стад и кочевий от диких зверей, врагов и антиобщественных элементов, необходимость разрешения конфликтов вследствие нестабильной экономической, социальной и политической ситуации в степи, посреднические и торговые связи с

соседними народами — все это, а также многое другое, выполняла кочевая аристократия. Понятно, что при этом она пользовалась некоторыми привилегиями, получала подношения, использовала общественные запасы (применительно к номадизму, это запретные пастбища — "туруки" и общие стада). Здесь по существу имел место процесс выделения управленческого труда, когда "первоначальный слуга общества" превращался в "господина над ним" /Маркс, Энгельс, т.20, с.184/.

Однако чрезвычайно трудно провести грань между эквивалентным обменом производственными и непроизводственными услугами и паразитизмом. "Элементы эксплуатации проявляются при злоупотреблении неравномерностью распределения благ, прежде всего избыточного продукта непосредственных производителей, выражающемся в чрезмерном увеличении доли благ, потребляемых носителями тех или иных общественных функций" /Кобищанов, 1974, с.201/. Но сложность заключается еще и в том, что наряду с чисто экономическим эквивалентом в дело вступают механизмы социального, политического и культурного обмена услугами. Быть может, когда-нибудь удастся создать достаточно адекватную модель системы связей подобного рода, а пока остается говорить лишь о возможно преобладающих тенденциях и вслед за Л.Н.Гумилевым констатировать, что в гуманитарных науках большинство явлений можно измерить только понятиями "больше-меньше", "древнее-новее" /Гумилев, 1988а, с.11/.

Таким образом, более убедительной представляется точка зрения авторов, полагающих, что основной формой эксплуатации рядового населения там, где она была, являлось обложение его рядом явных или завуалированных повинностей в пользу аристократии. Но очень сомнительно, чтобы эти повинности были велики. Ведь пока внешнеэксплуататорская деятельность у кочевников заметно преобладала, многие противоречия выносились вовне общества, а развитие внутренних форм эксплуатации наткнулось на непреодолимый барьер: внешняя экспансия хотя и способствовала некоторому усилению стратификации среди номадов, но для успешного осуществления военных походов и завоеваний кочевники должны были быть консолидированы по отношению к внешнему миру /Хазанов, 1975, с.167; Першиц, 1976, с.302 и сл./ . А как известно, основу войска у кочевников составляли рядовые номады и их труд гораздо

выгоднее было использовать на войне, нежели эксплуатировать экономическим путем. Но для этого было необходимо заботиться о существовании простого населения.

Разумеется, добыча правителя и его ближайшего окружения была велика: искусные изделия из благородных металлов и драгоценностей, дорогие ткани и ценные меха, редкие вина и изысканные кушанья, лучшее оружие, диковинные вещи, красивые рабыни, бесчисленное количество скота. Вероятно, на основе данного обстоятельства в отечественной литературе среди сторонников существования у кочевников феодализма получила распространение точка зрения, что отношения между простыми номадами и кочевой верхушкой в процессе военных походов и завоеваний земледельческих территорий носили антагонистический эксплуататорский характер. Это выражалось в том, что большую часть добычи получала кочевая аристократия, а простые номады, отвлекаясь от семей и мирного скотоводческого труда, довольствовались минимумом, гибли за чуждые им интересы ханов и предводителей /Бернштам, 1946, с.128; Мункуев, 1970б, с.409; Егоров, 1972, с.36; Кшибаков, 1984, с.28 и др./.

Думается, что это было далеко не так. Если бы рядовые воины не были заинтересованы в результатах войны, то все попытки "предписать им маршруты военных походов" были бы обречены на неудачу. Видимо, добыча, которой им приходилось "довольствоваться", была не так уж и мала. Тизенгаузен писал, что все добытое делилось на пять частей, две из которых отправлялись в Каракорум, одна Батыеву роду и две предназначались войску /Тизенгаузен, 1884, с.188/. Причем доля награбленного бывала настолько велика, что часть ее приходилось бросать. "У отдельных людей в высочайшей орде, которые с трудом находили необходимейшее пропитание, скопилось столько лошадей и баранов, что во время возвращения, идя назад, они не были в силах гнать их" /Тизенгаузен, 1941, с.172/. По другим данным, "обилие добычи и скота/ доходило до того, что пешие нукеры возвращались обратно с 10 и 20 головами лошадей, а одноконные со 100 лошадьми и больше, то же, что было определено для личной /собственности Тимура/ переходило за границу счета и исчисления, баранов же и прочих видов скота /даже/ нельзя было сосчитать" /Тизенгаузен, 1941, с.118/.

Для простых кочевников война была важным, а нередко и един-

ственным способом поддерживать экономически независимое и достойное свободное скотоводство существование, а для обедневших достичь его. И именно рядовые номады, как, например, в приводимом С.В.Киселевым примере с кыргызами /1951, с.598/, часто являлись зачинателями войн и грабительских набегов, оказывая при этом давление на своих вождей и ханов. Напротив, обеспеченные скотовладельцы, как свидетельствуют факты нового времени (впрочем, насколько указанная тенденция характерна для древности и средневековья это еще вопрос), далеко не всегда предпочитали принимать участие в набегам и грабежах. Своего имущества у них хватало для безбедного существования, средства для вступления в брак сыновьям они могли предоставить и без военной добычи, а участие в походах и сражениях связано с известной долей риска /Аверкиев, 1974, с.313; Марков, 1976, с.151; Калиновская, Марков, 1987, с.62/.

Внешнеэксплуататорская деятельность у кочевников. Высказав в середине 30-х годов предположение о господстве у кочевников со II в. до н.э. по III-VI вв. н.э. рабовладельческих отношений, С.П.Толстов отнес к числу рабов эксплуатировавшееся земледельческое население и ремесленников, а также неполноправных союзников, уплачивавших дань и участвовавших в военных походах на стороне своих покровителей /ОПГИРФО, 1934, с.185, 186, 385; Толстов, 1938, с.50-51; 1948, с.263 сл./ . По существу проблемы С.П.Толстовым рабство отождествлялось с данничеством.

Вопрос о социальном статусе данников широко дебатировался в научной литературе, причем применительно не только к кочевникам, а в более широком общетеоретическом плане. Одни ученые склонны считать илотию "крепостничеством завоевательного типа" или "примитивно-крепостническими отношениями даннического типа" /Струве, 1968, с.364; Тюменев, 1933, с.27/. Другие причисляют ее к рабовладельческим отношениям, считая илотию "примитивной формой рабства", максимально расширяя тем самым внутреннюю емкость понятия "раб" /Ковалев, 1937, с.15; Казаманова, 1953, с.38; Дьяконов, 1971, с.132 и сл.; 1973; История древнего Востока..., 1983, с.21; Никифоров, 1977; Курная, 1982, с.18 и др./ . Третьи отождествляют илотию с феодальной рентой /Рапов, 1968, с.57-58/. Четвертые, не относя эти взаимоотношения ни к

рабству, ни к феодализму, выделяют в особый вид зависимости — данничество /Златковская, 1971, с.138 и сл.; Першиц, 1973; 1973а, с.108; 1976; Свенцицкая, 1971, с.11-12; Хазанов, 1975, с.159-160; СЭПИТ, 1986, с.45-47/.

Не ставя перед собой задачи обстоятельного рассмотрения таких форм эксплуатации, как "рабство", "крепостничество", "илютия" и "дань", все же остановлюсь на некоторых различных категориях "рабовладение" и "данничество".

Можно выделить несколько существенных признаков рабовладения: принадлежность раба собственнику-рабовладельцу; отстранение от средств производства; труд в условиях внеэкономического принуждения; непринадлежность к гражданскому обществу (см.: например: Дандамаев, 1984, с.13; Воробьев, 1984, с.254; Неронова, 1984, с.72; Кобищанов, 1986, с.51; СЭПИТ, 1986, с.159-161/.

В свою очередь, разработке категории "данничество" марксистская антропология обязана работам А.И.Першица, который посвятил этой проблеме специальное исследование. Данничество, по его мнению, характеризуется тремя чертами: оно не составляет особого способа производства и может существовать в рамках любого строя; данники и взиматели дани не интегрированы в один социальный и этнический организм; данники располагают своими собственными средствами производства и эксплуатируются посредством внеэкономического принуждения всего коллектива в целом /Першиц, 1973; СЭПИТ, 1986, с.45-47/.

Отличия между данничеством и рабовладением весьма существенны. Во-первых, данничество — вид коллективной, а не индивидуальной зависимости; во-вторых, в отличие от рабов, данники не отстранены от средств производства и сохраняют свою социальную и экономическую структуру; в-третьих, данники и их эксплуататоры не интегрированы в рамках одного этносоциального организма; в-четвертых, положение данников, как правило, намного легче положения рабов /Хазанов, 1975, с.159; 1976, с.274; см. также: Нибур, 1907, с.40-41; Златковская, 1973, с.39; Першиц, 1973; 1976/. Следовательно, можно сделать вывод, что данничество — это особый, отличный, во всяком случае, от рабства, способ эксплуатации.

Даннические отношения были широко распространены у кочевни-

ков древности. Источники свидетельствуют о скифах: "Кочевники, правда, скорее воины, чем разбойники, все же ведут войны из-за дани. Действительно, они передают свою землю во владение тем, кто хочет ее обрабатывать, и довольствуются, если получают взамен условленную плату, и то умеренную, не для обогащения, но только для того, чтобы удовлетворить необходимые ежедневные потребности жизни. Однако с теми, кто им не уплачивает деньги, кочевники воюют" /Страбон, 1964, с.284; о данничестве у скифов см.: Хазапов, 1975, с.154-160/.

Сюнну в период своего могущества регулярно получали дань с Китая продуктами земледелия и ремесла, которую китайцы стыдливо называли "подарками" /МИС, вып.1, с.42,45,46,48,50,57; вып.2, с.22,24/. Облагались данью и другие земледельческие страны /Бичурин, 1950, т.1, с.216; т.2, с.233; МИС, вып.2, с.126/. Подчиненные кочевые народы также выплачивали дань /Бичурин, 1950, т.1, с.144,146; т.2, с.155,161,190,191; МИС, вып.2, с.54; МИГД, с.65/. Кроме того, они были вынуждены поставлять вспомогательные военные контингенты /Бичурин, 1950, т.2, с.214; МИС, вып.2, с.125; о данничестве у сюнну см. также: Давыдова, 1975, с.141-144/.

У других древних и раннесредневековых кочевников Центральной Азии даннические отношения были распространены не менее широко. Источники сообщают о наличии этого типа эксплуатации у сяньби /МИГД, с.80/, у усуней /Бичурин, 1950, т.2, с.155,190; Кюнер, 1961, с.74/, юэчжэй /Бичурин, 1950, т.2, с.183-184/, кангюя /Бичурин, 1950, т.2, с.186,229/, жуэчаней /Бичурин, 1950, т.2, с.247/, тюрков /Бичурин, 1950, т.1, с.233,300; Бернштам, 1946, с.126,138/, уйгуров /Мадов, 1959, с.39,41/.

Та же традиция наблюдалась и в более позднее время. В "Ляо ши" сообщается, что кидани брали дань лошадьми и рыбой /Wittfogel, Feng Chiasheng, 1949, p.93,100,120,127/. В "Цидань го чжи" говорится, что они брали с Китая дань шелком и серебром, с варварских народов мехами, соболями, жемчугом, охотничьими соколами /Е Лунли, 1979, с.63,69,148; Ивлиев, 1988, с.10-11/. Кара-кидани, когда занимали город, то "для жителей его ничего не меняли, только брали с каждого дома по динару - с жителей городов и, кроме того, с деревень. Что касается посевов и тому подобного, то они представлялись населению. Каждый из царей,

кто подчинился им, прикреплял на своей груди подобие серебряной дощечки: таков знак того, кто им подчиняется" /Материалы по истории киргизов..., 1973, с.66; ср.: Пиков, 1979, с.160/. Половцы взимали дань с Судака и Тмутаракани /Федоров-Давыдов, 1973, с.77/. На данничестве основывались отношения монголов как в доимперский период /Бичурин, 1829, с.3/, так и Юаньской империи и в Золотой Орде /Бичурин, 1829, с.149,152; Березин, 1864, с.19-24; Тизенгаузен, 1884, с.III,23I; Насонов, 1940, с.12-13; Путешествия..., 1957, с.57-58; Федоров-Давыдов, 1973, с.26-27 и др./.

Аналогичная картина наблюдалась и в новое время. Данничество было распространено у кочевых индейцев Северной Америки /Аверкиева, 1974, с.277-278/. В Африке скотоводы покоряли земледельцев и заставляли платить дань, либо "гарантировали" им безопасность и покровительство. В последних случаях они иногда брали на себя организационно-управленческие функции. Как писал еще в прошлом веке Г.Нибур, "земледельцы неохотно покидают обрабатываемые земли и отправляются в поиски за новой областью и поэтому, если их не слишком тяжело притеснять, они предпочитали платить дань. Кочевым же пастухам взимание дани с земледельческих племен приносит гораздо больше выгоды, чем порабощение отдельных лиц" /Нибур, 1907, с.251/. И все же иногда как, например, мяси, номады уводили земледельцев в глубь своих территорий, где заставляли их обрабатывать землю. Были случаи, когда даннические отношения складывались между номадами. Верблюдоводы ахагтары снабжались скотом и продуктами от зависимых полукочевников-козоводов амгидов. В общей сложности данническая эксплуатация прослеживается в Южном Сомали, в Северной Эритрее, в государствах Межозерья, у туарегов Сахары и во многих других регионах Черного континента /Нибур, 1907, с.251-255; Потехин, 1951, с.243-244; Першиц, 1961; 1968; 1971; 1973; 1973а; 1976; Кобищанов, 1974, с.144-146,170; Годинер, 1976, с.157-159; 1982, с.65; Зейверт, 1977, с.13-14; Арсеньев, 1989, с.324 и др./.

Таким образом, даннические отношения были широко распространены как у кочевников древности, так и у номадов средневековья и нового времени.

Помимо данничества у кочевых народов большое распространение получили и другие внешние способы эксплуатации: периодические набеги и грабеж, война и наложение контрибуции, посредни-

ческая (особенно Великий шелковый путь) и навязываемая земледельцам неэквивалентная торговля.

Вместе с тем различные варианты экзоэксплуатации вполне адекватно соотносятся с разными моделями кочевнических образований, возникавших на протяжении эволюции номадизма. Мной была сделана попытка выделить три типа "кочевых империй" (подробнее об этом будет сказано в третьей главе /см. также: Крадин, 1989б; 1989в/). В соответствии с этими типами империй можно выделить три варианта господствовавших форм эксплуатации, посредством которых номады получали прибавочный продукт с зависимых территорий /Крадин, 1990б/.

В первом случае земледельческие цивилизации непосредственно не входили в состав кочевых империй и номады получали прибавочный продукт путем многих видов внешнеэксплуататорской деятельности - грабежей, периодических набегов, войны, вымоганием так называемых "подарков", навязыванием неэквивалентной торговли и пр. Данный вариант эксплуатации удачнее всего отражает используемый А.И.Фурсовым термин "дистанционная эксплуатация" /Фурсов, 1987а, с.170/. Во втором варианте номады и земледельцы входили в состав единой политической системы, а основой эксплуатации было данничество, в классическом понимании этого термина. И только для третьего варианта в большей степени было характерно регулярное налогообложение завоеванного населения.

Война и внешнеэксплуататорская деятельность являлись важнейшими механизмами функционирования и воспроизводства крупных кочевнических потестарно-политических образований. Во взаимодействии этих структур с оседлым миром номады представляли своеобразную "надстройку" над земледельческим "базисом" и выступали одновременно и как этническая общность, и как государство, и как эксплуататор-класс. Кочевая аристократия при этом выполняла функции органов управления или их высших звеньев, а простые номады функции аппарата принуждения и эксплуатации (армия). Следовательно, характер такой деятельности и соответственно способ эксплуатации у номадов (точнее, несколько способов эксплуатации- и грабеж, и взимание дани, и регулярное налогообложение*

* Последнее, конечно, не может быть отнесено к внешней эксплуатации, но оно выступает как следствие экзоэксплуататорской деятельности.

и пр.) можно было бы охарактеризовать одним общим термином, например, *экзополитарный* (от греч. "экзо" – вне и "полития" – общество, государство) /Крадин, 1990б; 1990а; 1990в/*.

Можно ли рассматривать данный способ эксплуатации как основу самостоятельного способа производства? Если исходить из мнения А.И.Першица и его последователей в изучении данничества, то нет. "Формы эксплуатации могут быть подразделены на такие, при которых она является особым способом производства (рабовладение, феодализм, капитализм), и такие, при которых она не составляет этих способов" /СЭПИТ, 1986, с.221; Peršic, 1985, в. 16, 17/. В обоснование этого тезиса выдвигаются следующие положения: 1) "Данничество не составляет особого способа производства: отчуждаемый в виде дани продукт может производиться в рамках и разлагающегося первобытного и любого антагонистического (хотя и главным образом докапиталистического) классового строя" /СЭПИТ, 1986, с.45; ср.: Першиц, 1973, с.11; 1976, с.292/.

2) Экзоплоятация не требовала организации производственного процесса и, следовательно, не могла стимулировать его развитие /Першиц, 1974, с.41; 1979, с.64; ИПО, 1988, с.211/. 3) Данничество является, согласно собственной терминологии Ю.И.Семенова, "не способом производства", а "методом эксплуатации". Последние, по его мнению, не могут образовывать целостной социально-экономической системы и существуют только как паразитические приделки к иным способам производства /Теория..., 1982, с.134-135; Семенов, 1985а, с.60-61/.

Позволю себе не согласиться с доводом, что данничество и прочие формы экзоплоятации не могут быть самостоятельным способом производства только лишь потому, что встречаются в различных общественных формациях. С таким же успехом можно отрицать и существование капиталистического способа производства, поскольку наемный труд встречался и на древнем Востоке, и в античности, и даже в предклассовых обществах.

ж

Ю.С.Худяков предложил называть военно-политические образования кочевников такого рода "военным государством" /1989, с.117/.

Относительно второго аргумента хотелось бы заметить, что организация производственного процесса в рамках рабовладельческого и феодального хозяйственных организмов вряд ли являлась достаточным и развитию стимулом. Рабство как экономическая система само по себе являлось тупиковым типом организации производства и выходом явилось лишь внешнее нашествие варваров, разрушившее эту систему. При феодальном строе отправной точкой дальнейшей стадияльной эволюции является не хозяйство и усадьба магната землевладельца, а ремесленная организация и город (по Марксу "историческое состояние № II" /Маркс, Энгельс, т.46, ч.1, с.490 сл./). "Во всех этих формах (К.Маркс имеет в виду азиатскую, античную и германскую типы общины - Н.К.) основой развития является воспроизводство заранее данных... отношений" /там же, с.475/.

С другой стороны, если причислить к организаторам производства феодалов, взимающих оброк со своих крестьян, и государство, собирающее с подданных дань или налоги, то почему кочевников нельзя отнести к "организаторам" экономической деятельности завоеванных земледельческих народов? Можно сослаться хотя бы на уже приведенный пример империй Межозерья в Африке, где общественное разделение труда складывалось таким образом, что скотоводы занимались управленческой деятельностью /Годинер, 1976, с.159; 1982, с.65/. В данной ситуации они выступали гарантами нормального труда, спокойной и безопасной жизни.

Разбор последнего аргумента следует начать с того, чем, согласно терминологическому аппарату Ю.И.Семенова, отличаются "методы эксплуатации" от "способов производства". Методы эксплуатации, по его мнению, "есть только форма присвоения, но не создания прибавочного продукта". Напротив, в способах производства "процесс производства есть одновременно и процесс эксплуатации человека человеком" /Семенов, 1985, с.60/. Думается, грань здесь очень и очень условна. Феодальный крестьянин при оброчном хозяйстве, равно как и общинники при азиатском способе производства, отдадут часть прибавочного продукта только после завершения всего производственного цикла работ или хотя бы его отдельной части. Иными словами, в данных способах производства осуществлялось сезонное отчуждение прибавочного продукта. Только

в тех системах, которые предполагают работу эксплуатируемого в хозяйстве эксплуататора (рабовладение, капитализм, госсектор азиатского способа производства и пр.), одновременно в процессе производственной деятельности создается и необходимый и прибавочный продукт или стоимость.

С другой стороны, складывается впечатление, что Ю.И.Семенов, в том числе и когда характеризует методы эксплуатации как паразитические "присоски" к различным способам производства, под "производством" понимает только присвоение индивидами природы посредством трудовой деятельности. Думается, что, когда речь идет не о технологических (земледелие, скотоводство и т.д.) способах производства, а об общественных (азиатском, феодальном и пр.), правильнее было бы говорить о "производстве" как о той форме, в которой прибавочный труд выжимается из непосредственного производителя. Мне кажется, что на основании только того, что экзоэксплуатация не относится к видам труда в "традиционном" понимании этого слова, неправильно отрицать возможность создания на ее основе специфической социально-экономической системы.

К.Маркс хорошо схватил эту особенность антагонистических структур. "Целью самого производства является воспроизводство производителя в этих объективных условиях существования и вместе с ними... При рабстве, при крепостной зависимости и т.д. сам работник выступает как одно из природных условий производства, служащих некоторому третьему индивиду или общине... Рабство, крепостная зависимость и т.д. всегда являются вторичными формами, никогда не первоначальными, несмотря на то, что они необходимый и последовательный результат собственности, основанный на общинном строе" /Маркс, Энгельс, т.46, ч.1, с.485-486/.

Таким образом, любой эксплуататор: магнат, живущий за счет ренты; бюрократ, живущий за счет налогов и неэквивалентного перераспределения национального дохода; завоеватель, существующий за счет дани и пр., — все они являются в той или иной степени "паразитами-присосками" на отношениях непосредственного производства. В таком случае вполне корректной теоретически представляется постановка вопроса об особом экзоэксплуататорском способе производства, который должен обозначать образ

существования за счет внешнеэксплуататорской деятельности.

Другое дело, насколько этот способ производства способен к прогрессивному развитию. И.А.Андреев точно подметил, что внешнеэксплуататорская деятельность (в первую очередь он имел в виду данничество) деформирует и затормаживает развитие внутренней социально-экономической структуры. Возможность существовать за счет грабежа и дани, по его мнению, предполагает свертывание собственного хозяйства и специализацию в области военно-грабительской деятельности /1973, с.10/. Вследствие этого "важнейшие органы саморазвития социально-исторической целостности были атрофированы" /Просандеева, 1989, с.18/. Это и явилось одной из существеннейших причин, обусловивших засто́йный характер экзоэксплуататорских кочевых обществ.

Глава III. СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ КОЧЕВЫХ ОБЩЕСТВ

Характерные черты социальной организации кочевников

Социальная организация кочевых обществ представляла собой сложную иерархическую многоступенчатую систему. Низшие ее звенья покоились на реальных кровнородственных и экономических связях. Более высокие уровни основывались на фиктивном генеалогическом родстве, общинных связях, трудовой кооперации. Высшие звенья характеризовались преимущественно неэкономическими связями /Васон, 1958; Krader, 1963; Хазанов, 1975, с.127 сл.; Марков, 1976; Першиц, 1976; Першиц, Хазанов, 1979; König, 1981, с. 28,29; Khazanov, 1984; Масанов, 1984; 1984а; 1986; см. также: Козьмин, 1934, с.23/.

Относительно уровня развития самых высших уровней социальной организации кочевых обществ в современной отечественной литературе существуют две точки зрения. Согласно одной из них, развитие обществ кочевников представляется непрерывным поступательным процессом смены первобытнообщинного строя ранними, а затем и развитыми формами феодализма. В данной ситуации так называемые "ранние кочевники" чаще всего рассматриваются как догосударственные, в лучшем случае предполагается их раннерабовладельческий или раннеклассовый характер. Создание же государства и классового ("раннефеодального", "феодального", "патриархально-феодального") общества относится к эпохе средневековья. Достаточно показателем в этом плане пример "Истории Монгольской Народной Республики", выдержавшей несколько изданий. Сююну в ней рассматриваются как племенной союз, сяньби — как раннеклассовое общество, турки, уйгуры и кидани — как раннефеодальные государства и только с именем Чингисхана связывается создание развитых форм феодализма /История МНР, 1983; см. также: Лашук, 1967; 1968; Абрамзон, 1970; Златкин, 1971; Черников, 1978; Бокоренко, 1981 и др./.

По мнению других исследователей, кочевники в своем развитии достигали лишь определенного уровня сложности социальной организации, правда, этот уровень оценивается ими по-разному, а в дальнейшем движение по кругу в значительной степени превалировало над прогрессивным развитием /Толыбеков, 1971, с. 220;

Хазанов, 1975, с.273; Марков, 1976; Khazanov, 1984, p.257, 263 и др./.

Выводы о непрерывном поступательном развитии кочевых обществ часто просто постулируются без должной аргументации и, поэтому, есть смысл сравнить социальную организацию кочевников древности со структурами средневековых номадов.

Об общественном строе сяньну в III в. до н.э. Сыма Цянь писал: "Ставятся левый и правый сянь-ваны; левый и правый лули-ваны; левый и правый великие военачальники; левый и правый великие дувэй; левый и правый великие данху; левый и правый гудухоу... От левого и правого сянь-ванов до данху - сильных, имеющих 10 тыс. всадников, и слабых, имеющих несколько тысяч /всадников/, - всего 24 начальника, для которых установлено звание ваньци (темник - Н.К.)... Каждый из 24 начальников, так же /как и шаньюй/, сам назначает тысячников, сотников, десятников, малых князей, главных помощников, дувэй, данху и цецзюв" /МИГД, с.33; МИС, вып.1, с.40/.

По поводу формационной характеристики сяньнуского общества среди специалистов существуют разногласия /Толстов, 1934; Бернштам, 1951; Рязский, 1959; Гумилев, 1960, с.71-72; Руденко, 1962, с.66-71; Таскин, 1968, с.34-35; Давыдова, 1975; Хазанов, 1975; Kwanten, 1979, p.8; Yamada, 1982/, однако вряд ли у кого вызывает сомнение три характерные особенности их социальной организации: многоуровневый иерархический характер общественной структуры, триадный (два крыла плюс центр во главе с шаньюем /МИГД, с.312-313/) характер ее высших звеньев, десятичный принцип военной организации.

Расцветшее после сяньну сяньбийское объединение имело во многом схожее строение. Его легендарный основатель Тяньшихуай "разделил свои земли на три части: земли от округа Юбэйпин на восток до округа Людун, /владения/ Фуэй и /племени/ хуэймо, на которых находилось свыше 20 кочевий, составили восточную часть; земли от округа Юбэйпин на запад до округа Шангу, на которых находилось свыше 10 кочевий, составляли среднюю часть; земли от округа Шангу на запад до округа Дуньхуан и усуней, на которых находилось более 20 кочевий, составили западную часть. Для управления этими землями были поставлены старейшины, которые подчинялись Тяньшихуай" /МИГД, с.76, 331/.

После распада державы сяньби на первый план выделились муян и тоба, причем у последних также зафиксировано троичное деление /Бичурин, 1950, т. I, с. 169/, но с IV в. гегемоном в Центральной Азии становятся жуэни, образовавшие новое крупное объединение кочевников. В 402 г. их правитель Шэлунь впервые в истории Центральной Азии принял титул кагана. При нем держава достигла своего наивысшего расцвета. Шэлунь разделил каганат на восточное и западное крылья, "впервые установил военные законы, по которым 1000 человек составляли отряд (цэюнь), во главе отряда ставился начальник, а 100 человек составляли знамя (чуак), во главе знамени ставился вождь. Тому, кто первым врвался в ряды противника, жаловались пленные и захваченная добыча, а того, кто из-за трусости отступал, убивали, бросая в голову камни, или же, когда представлялась возможность, били батогами" /МИГД, с. 269/.

После гибели жуэньского каганата на ведущие позиции в центральноазиатских степях выдвинулись турки. Их общественная структура первоначально имела двоичный характер, а с конца III в. приобрела триадный характер /Кляшторный, 1964, с. 138/. Л. Н. Гумилев считает, что это триадное деление имело иерархическую основу: в центре каганата располагались хан и его личная дружина, на правом крыле - принцы крови, на левом - не относящаяся к роду кагана аристократия и зависимые народы /Гумилев, 1967, с. 184-185/. В каганате также существовала иерархическая система чинов: шеку, дэлэ, сылифа, тумасфа и др. /Бичурин, 1950, т. I, с. 229; Кюнер, 1961, с. 327/, армия также была организована по десятичному принципу.

В середине VII в. в степи возникла новая держава - Уйгурский каганат. Его военно-политическая организация была основана на десятичной системе и состояла из трех крыльев: толисов, тардусей и внутренних бурджиков (последних в центре). Отдельно была выделена гвардия кагана /Худяков, 1986, с. 176-177/. Основное отличие от других кочевых держав, по мнению Ю. В. Худякова, было в том, что у уйгуров большая часть их армии (оба крыла) состояла из подчиненных народов. Это же, по его мнению, послужило быстрой причиной падения каганата /Худяков, 1986, с. 177/.

Уйгурский каганат был последней в I тыс. н. э. кочевой державой, распространявшей свое влияние на всю Центральную Азию.

Ни разбившие уйгуров кыргызы, ни кидани, подчинившие Китай, не смогли достичь этого. Лишь спустя несколько веков вновь объединить Великую степь удалось монголам во главе с Чингисханом.

Его империя была организована по десятичной системе и структурно представляла собой подобие конуса. Верховная власть принадлежала великому хану и наследовалась членами его семьи. Вся территория страны и ее население делились на три большие части — правое и левое крылья и центр, которые, в свою очередь, подразделялись на "тэмы" (по 10 тыс. чел.), "тысячи", "сотни", "десятки". Во главе "тысяч" — основных военно-административных подразделений — были поставлены 95 нойонов-тысячников. Им были подчинены сотни, десятки, включительно до рядовых воинов /Владимирцов, 1934; Ковин, 1941; Марков, 1976; Кычанов, 1986 и др./. Состав привилегированной прослойки был достаточно сложным. Большинство носителей военных должностей были выходцами из аристократии. Помимо того в аппарат и даже частично в правящую верхушку входило много новых лиц из числа простых кочевников и даже иноплеменников. Показательна в этом плане судьба Бирэ-ной-она. Начав свою карьеру с пленного раба пасшего скот, он попал на кухню великого хана, со временем стал сотником, затем тысячником и, наконец, наместником в Китае /Рашид ад-Дин, 1952, кн. I, с. 145; см. также: Рашид ад-Дин, 1952, кн. I, с. 92, 93, 107, 109; кн. 2, с. 260, 262; Ковин, 1941, с. 222, 223/.

Были случаи, когда должности назначались великим ханом по способностям. "Тех, кто был мудрым и храбрым, он сделал эмирами войск, а тех, кого он нашел проворными и ловкими, поручив им стан /урук/, сделал заведующими табунами... невежд же, дав им плети, послал пасти скот" /Рашид ад-Дин, 1952, кн. 2, с. 159/. В данной ситуации, наверное, можно говорить об определенной вертикальной мобильности в монгольском обществе, несмотря на ее строго иерархизованный характер.

Власть должностей каждого уровня строго регламентировалась и злоупотребление ею строго наказывалось /Рашид ад-Дин, 1952, кн. 2, с. 260/. В источниках сообщается, что Чингисхан лимитировал даже власть своих родственников по отношению к подчиненным /Рашид ад-Дин, 1952, кн. 2, с. 278/. А.М.Хазанов пишет, что с начала XIII в. у монголов развивалось не феодалное общество, а структура иного типа, в которой системообразующими были

отношения не к ресурсам, а отношения по поводу власти и управления. "Обязанности, которые налагались на управляемых, были не причиной, а следствием власти" / Хазанов, 1984, р.240/.

Данная общественная структура сохранилась и при ближайших преемниках Чингисхана. Более того, она полностью воспроизвелась и после распада империи в улусах наследников. Все являлись подданными великого хана, каждый в зависимости от своих способностей мог быть поставлен на любой командный пост или разжалован в рядовые воины. В рамках подобной военно-иерархической структуры, охватывавшей весь монгольский народ, появились неизвестные у более ранних номадов отношения, которые иногда связывают с феодальными институтами (тарханство /Рашид ад-Дин, 1952, кн.1, с.171 прим.1,188, прим.8; кн.2, с.124,265; Козин, 1941, с.161; Тизенгаузен, 1941, с.116,118/). Однако большинство скотоводов были лично свободны, хозяйственно самостоятельны, подчинялись при этом исключительно воинской субординации и дисциплине /Марков, 1976, с.95/.

Рассмотрев сведения о социальной организации наиболее крупных древних и средневековых кочевых обществ Центральной Азии, нетрудно заметить, что все они принципиально однотипны по своей организации. Можно даже выделить наиболее характерные черты ее высших уровней: 1) многоступенчатый иерархический характер социальной организации; 2) триадный (в редких случаях - дуальный) принцип социальной организации на ее высших уровнях; 3) военно-иерархический характер общественной организации, как правило, по "десятичному" принципу.

Выделенные свойства имеют универсальный характер и в принципе могут быть экстраполированы в той или в иной степени на все кочевые общества евразийских степей /ср.: Хазанов, 1975, с.127-128/. Из рассмотренных здесь социумов, пожалуй, только у сяньбийцев не было десятичной системы (во всяком случае ее существование неизвестно), да у жузганей структура имела дуальный, а не триадный принцип организации. Возможно, конечно, что это связано со скудностью источниковой базы. Но не исключено, что у жузганей дуальная структура не успела трансформироваться в триадную.

Дуальная организация является выражением универсального двоичного кода культуры. А.К.Акишев, исследовавший структуру

общества саков, пришел к выводу, что "ритм два и ритм четыре, пульсирующие в инвестиурных знаках иссыкских предметов, позволяют предположить универсальность двоичной и тетрадной организации социума от страны до племени... Культ тетрады пронизывал всю историю саков, эти архаические представления об идеальной структуре организации общества прослеживаются на различных стадиях его развития" /Акишев А.К., 1984, с.107,110/.

С другой стороны, Г.Г.Стратанович предположил, что триадная организация характерна не только для кочевников Евразии, но и для всего остального мира. Первоначально, по его мнению, социальная организация имеет дуальный характер. Это связано с тем, что любая "нормальная" клановая и племенная структура по своей сути дихотомична (в племени две фратрии и т.д.) и может быть выражена соотношениями 2, 4, 8 (впоследствии возможен вариант 2,4,6). В процессе распада традиционных связей наряду с родо-племенной линией иерархии появляются военная и территориально-административная иерархические линии, а дуальная система связей трансформируется в триадную /Стратанович, 1974/.

Почему же все-таки именно дуальная организация преобразуется в триадную? А.И.Карагодин /1984, с.26-32/ и В.Ю.Мураин /1989, с.30/ полагают, что это связано с подчинением дуальной кочевой организацией какого-нибудь социума и включением его в свою структуру. А если таких подчиненных социумов было несколько? Думается, что в первую очередь это должно быть связано с усилением власти верховного вождя, с его стремлением сформировать собственную властную структуру, могущую конкурировать с традиционными органами власти и с аристократией. Не случайно, что все основатели крупных степных империй (Атей у скифов, Модэ у сиунну, Таньшихуай у сяньби, Темучжин у монголов и пр.) больше были склонны доверять силе меча своих вооруженных соратников, чем апеллировать к законности своих притязаний на престол.

Десятичная система представляла собой также весьма распространенное явление. Она зафиксирована у многих кочевых народов Евразии: сиунну /МИС, вып.1, с.40/, тоба /Думан, 1955, с.13-14/, жужаней /МИГД, с.269/, тюрков /Бичурин, 1950, т.1, с.232,235, 236,250/, уйгуров /Малов, 1959, с.39,41/, кыргызов /Худяков, 1980/, монголов в различные эпохи /Рашид ад-Дин, 1952, кн.1, с.93; кн.2, с.266-267; Бичурин, 1829, с.354; Тизенгаузен, 1941,

с.117,161,175,240/. Вместе с тем ее существование в той или иной вариации отмечено и у многих других народов (ассирийцев, древних евреев, в древнем Перу, в Риме, у многих германских народов, вестготов, западных и южных славян, на Руси /Васильев, 1985, с.85; Греков, 1959, с.252-255; Корсунский, 1965, с.72-73; Бромлей, 1988, с.114-129; Горский, 1989, с.64-67/), так что имеет смысл говорить не о специфическом кочевническом, а об универсальном явлении.

Почему именно десятичная? Наиболее естественно будет предположить, что при счете человек первоначально пользовался пальцами рук и ног. Соответственно возможны три системы счета: пятиричная, десятиричная и двадцатиричная. В пятиричной системе числа и цифры весьма громоздки, двадцатиричная предполагает запоминание большого количества числительных. Скорее всего, методом проб и ошибок человек интуитивно пришел к десятиричной системе счета как к наиболее оптимальной из трех. К примеру, из 307 взятых для анализа этнологами первобытных народов 146 использовали только десятиричную систему счета, 106 сочетали ее с пятиричной и лишь 55 обходились без нее /Стройк, 1984, с.23/.

Вместе с тем "десятичной" такую систему организации кочевого войска можно называть лишь весьма условно. На верхних звеньях социальной организации она отражала не действительное количество воинов, а ранг полководца, его титул. Не случайно слово "туман"- "тьма" обозначает и цифру в 10000 воинов и "очень много". Ч.Далай полагает, что у монголов периода империи "тьма" была условной военно-административной единицей /Далай, 1983, с.57/. В цитированном выше отрывке о структуре сюннуской империи не случайно подчеркивается, что целая группа князей, имевшая от нескольких до десятка тысяч воинов, имела звание ваньци (темник). Г.Е.Марков пишет о десятичной системе, что источники сообщают о таком же стройном разделении на десятки, сотни и тысячи войска у туркмен, тогда как в действительности ничего подобного у них не существовало /Марков, 1976, с.45 прим.18,312/. У жузаний, это очень показательный для кочевников пример, до появления письменности не существовало достаточно точной системы подсчета и поэтому "начальники и вожди приблизительно подсчитывали число воинов, используя при этом

овечий помет, но впоследствии /жуаньжуани/ хорошо научились делать записи с помощью зарубок на дереве" /МИГД, с.269/.

Причина такого "безразличного" подхода кочевников к числу воинов, по всей видимости, проистекает от общего индифферентного отношения человека доиндустриальной эпохи ко всему точному, в том числе и ко времени, кстати говоря, последнее, по всей видимости, было для кочевников циклическим /см., например: Гумилев, 1967, с.340,342; Khazanov, 1984, p.238,257,263/. Принцип "время-деньги" — это принцип рыночной экономики. Но в эпоху расцвета кочевничества часы еще не были изобретены, а точных мер еще было не надо. Говоря словами известного французского медиевиста Ле Гоффа "время купцов" еще не наступило. Показательно в этом смысле какими неточными мерками пользовались кочевники для определения расстояний. Они измеряли его в днях пути, полетах стрелы и т.п. Да и сами эти "меры" могли существенно колебаться в зависимости от обстоятельств. Как пишет Л.Н.Гумилев, персидский фарсат в зависимости от рельефа местности, если идти в гору, мог быть более коротким и, соответственно, более длинным, если идти под уклон /Гумилев, 1966, с.19,20/. Аналогичным образом измерялось и время /Жуковская, 1988, с.34-35/. "В отношении ко всему, что следовало выразить в количественных показателях — меры веса, объема, численности людей, даты и т.п., — свидетельствует А.Я. Гуревич, — царили большой произвол и неопределенность. Здесь сказывается особое отношение к числу; в нем склонны были видеть в первую очередь не меру счета, а проявление царящей в мире божественной гармонии" /Гуревич, 1983, с.69/.

И все же в чем проявляется сущность десятичной системы? Как мне кажется, в единственной отечественной работе, где данная проблема затрагивалась более или менее специально (имеется в виду книга Б.Д.Грекова "Киевская Русь"), ответ на этот вопрос был дан в принципе совершенно правильно. "Деление на десятки, сотни и тысячи возникло в тот момент, когда роды и племена объединились для общих целей в большие организации военного порядка... Эта десятичная система не отрицала целиком родовых связей, но она их восполняла, внося порядок в движение людских масс, превращая толпу в войско" /Греков, 1959, с.255; ср.: Полянский, 1982, с.551/. По этой причине вряд ли можно согласиться с мнением исследователей, полагающих, что десятичная система — это

свидетельство перехода от родовых связей к территориальным и, соответственно, к феодализму* /применительно к номадизму см.: Федоров-Давыдов, 1973, с.50,54-55/.

Г.Джонсон подсчитал, что пределом для согласованного принятия решений у кочевников при горизонтально организованной структуре служит группа из шести семей (24-30 чел.), тогда как группы с хорошо разработанной иерархией значительно превышают этот показатель /Johnson, 1983/. Весьма примечательно, что именно из шести семей. Известно, что оптимальный состав социальной группы семь-девять членов, поскольку количество единиц информации, которые человек может одновременно воспринимать и фиксировать в памяти, варьируются в пределах 7 ± 2 /Миллер, 1964/. Следовательно, так называемый "десяток" является оптимальной с иерархической точки зрения военной ячейкой. Соответственно, если каждый мужчина был воином, то группа примерно в шесть семей (на самом деле состав ее колебался, мог быть и меньше, но чаще, скорее всего несколько больше), которую условно можно охарактеризовать как "минимальную общину" /Масанов, 1986/, выставляла как раз один "десяток".

Таким образом, думается, что число десять, удобное для ведения соответствующей системы счета, весьма удачно и с точки зрения организации общественных структур. Позволю себе даже высказать предположение, что будь для минимальной горизонтальной организации целесообразнее вместо десяти иметь пять или двадцать элементов, то, несмотря на господствующую десятиричную систему счета, войско было бы организовано по пятеркам или двадцаткам.

Вместе с тем нельзя не отметить, что иерархические системы в военном отношении гораздо выгоднее. Они более быстро возникают из составляющих частей, нежели неиерархические организованные системы, состоящие из такого же числа компонентов. Понятно,

ж

Кроме всего прочего, опровергает эту точку зрения и то, что десятичная система была известна кочевникам еще задолго до средневековья. С другой стороны, высшие звенья социальной организации номадов никогда не основывались на кровнородственных связях. В их основе лежали иные принципы, которые часто камуфлировались фиктивными генеалогическими связями.

что в таком случае, военные структуры номадов, организованные по иерархическому принципу, были более мобильны, гибки и в конечном счете являлись более сильным тактическим оружием, нежели войска кочевников, организованные по принципу просто "орды".

Таким образом, можно резюмировать, что в эволюции кочевых обществ движение по кругу явно превалировало над поступательным развитием. Истории "степных империй" Центральной Азии от сюнну до монголов наглядно подтверждает высказанное положение. По существу все кочевые державы в своем развитии достигали только определенного уровня. Подобная ситуация наблюдалась и в других регионах. В древности в причерноморских степях возникла кочевая держава скифов. В III-II вв. до н.э. скифов сменяют сарматы. В I в., победив сарматов и аланов, свою империю создают гунны, которая распадается почти сразу после смерти Аттилы. В V-VIII вв. на территории Северного Причерноморья кочуют различные тюркские и иранские этнические группы, находящиеся на протоклассовом уровне развития. Вскоре они входят в состав нового степного образования — Хазарского каганата. С его гибелью все начинается сначала. Печенеги, торки, половцы мигрируют на незанятые территории. Однако новая империя возникает только после завоевания восточноевразийских степей монголами. В XV в. Золотая Орда распадается и все начинается сначала /Хазанов, 1975, с.267-268/.

Подобные примеры можно, наверное, приводить до бесконечности. Но все же какого стадияльного уровня в единой линии эволюции форм потестарной и политической организации номады могли достигать в своем развитии?

Вождество или раннее государство?

Поскольку большинство марксистских авторов признают однолинейный характер формационного процесса, то данный вопрос при определении стадияльной природы обществ кочевников скотоводов во многом является ключевым. Все высказанные в разные годы точки зрения можно разделить на две большие группы. В первой — те, кто склоняется к мнению, что дальше последних ступеней первичной формации номады в своем развитии не шли, а во второй — специалисты, которые признают классовый характер кочевых обществ.

Ряд исследователей первого направления считают, что по уровню развития кочевники в самом большом случае достигали стадии так называемой "военной демократии". Данный термин был введен в научный оборот Л.Морганом для обозначения формы управления на этапе переходе от родового строя к государственности. Однако широкое распространение в марксистской литературе он получил благодаря использованию его Ф.Энгельсом в книге "Происхождение семьи, частной собственности и государства".

В настоящее время этот термин трактуется достаточно неоднозначно:

1) лишь немногие исследователи полагают, что им можно обозначать раннеклассовое общество /Толстов, 1935^{*}; Хмелинский, 1973; Нейхардт, 1982, с.177/;

2) большинство же склонны считать, что военная демократия — это последний период первобытнообщинного строя, либо политическая надстройка этого периода /Редер, 1950; Потехин, 1951; Першиц, 1953; Златкин, 1955, с.72; Косвен, 1960; Семенов, 1965; 1982, с.53; Авдиев, 1970; Слонимский, 1970, с.249; Страхов, 1973, с.13-14; Neffman, 1982; 1987; Sellnow, 1984; Guhr, 1985; Гуляев, 1987 и др./;

3) в 1968 г. была высказана точка зрения, что военная демократия не является универсальной стадией исторического развития, к тому же она непосредственно не перерастает в государство, а сменяется иными еще догосударственными формами потестарной организации /Хазанов, 1968; 1975б, с.126; Бромлей, Першиц, 1972, с.28; Васильев Л.С., 1981, с.164-166; 1983, с.288 прим. 17; Brentjes, 1984; Treide D., Treide B., 1984, в.404-405; СЭПИТ, 1986, с.47-48; ИПО, 1988, с.233; Куббель, 1988, с.146; Алексеев, Першиц, 1990, с.290-291 и др./;

4) наконец, в 80-е годы было высказано мнение, представляющее собой конкретизацию третьей из указанных точек зрения: военная демократия — это начало своеобразного пути становления классов и государства через возрастание роли военного вождя и превращение его в единовластного правителя, а его дружины в правящее сословие и государственный аппарат /Вангеров и др.,

* Справедливости ради, следует отметить, что С.П.Толстов /1946/ впоследствии отказался от такого понимания военной демократии.

существования данной общины как независимого собственника /Маркс, Энгельс, т.46, ч.1, с.465/.

На смену горизонтально организованным структурам, в число которых входит и так называемая "военная демократия", приходит иерархический принцип организации власти и общества. Организации такого типа принято называть "вождествами" (от англ. *chieftdom*)*. Можно, наверное, согласиться с мнением Р.Карнейро, что появление вождеств явилось качественнейшим скачком в эволюции форм потестарной и политической организации и, в этом смысле, возникновение государства, а затем и империи явились лишь количественными преобразованиями /Carneiro, 1981, p.38/.

Создание теории вождества следует считать одним из наиболее серьезных достижений послевоенной западной антропологии и этнологии и сейчас все большее число исследователей склоняются к мысли об универсальности этой эволюционной стадии социополитической организации. Наиболее фундаментально теория была сформулирована в работах Э.Сервиса /Service, 1971, p.132-169; 1975, p.15-16, 151-152; 331-332/. Он дефинировал чифдом как промежуточную форму социополитической организации с централизованным управлением и наследственной клановой иерархией вождей теократического характера и знати, где существует социальное и имущественное неравенство, однако нет формального и тем более легального репрессивного и принудительного аппарата /он же, 1975, p.15/.

В настоящее время зарубежные исследователи существенно обогатили фактологическую базу новыми археологическими и этнологическими материалами из Северной и Южной Америки, Африки, Европы, Океании, значительно расширили теоретические представления об экономическом базисе вождеств, их социальной иерархии, структуре управления, идеологии, типологических вариациях и этапах развития вождеств и пр. /историографический обзор см.: Earle, 1987/. На рубеже 70-80-х годов термин вождество получил "гражданство" в советской науке. Первым его использовал А.М.Хазанов

ж .

Вряд ли можно согласиться с В.И.Туляевым, который отождествляет вождество с военной демократией /1987, с.105-107/.

/1979, с.161/*, а несколько позже Л.С.Васильев познакомил советских исследователей с сутью теории /1980; 1981/, применив ее впоследствии к истории древнего Китая /1983/, а затем к истории древнего Востока в целом /1984; 1985/. Уже к концу 80-х годов многие отечественные специалисты использовали данный термин в своих исследованиях /Киселев Г.С., 1981, с.91; Куббель, 1982; 1988; Ширельман, 1985; Кочакова, 1987, с.14; ИПО, 1988; Попов В.А., 1990 и др./, в том числе и по истории кочевых обществ /Крадин, 1987а; Викторин, 1988; Мурзин, 1989/. Он также нашел отражение в учебной и справочной литературе /СЭПИТ, 1986, с.34-36; Народы мира..., 1988, с.579; Алексеев, Першиц, 1990, с.285/.

В самом широком смысле вождество — это форма социально-экономической организации и в то же время организации власти в период разложения первичной мегаформации. Главное его отличие от предшествующих форм социальной организации — это иерархическое разделение общества на "управителей" и "управляемых" (субъектов организации труда и субъектов непосредственного труда), отстранение непосредственных производителей (большинства населения) от процессов непосредственного управления, выработки и принятия решений.

Г.Клаэссен и П.Скальник сформулировали ряд черт, характерных для вождества: 1) при существовании централизованного управления вожди не имеют постоянной легитимизированной власти; 2) отсутствуют возможности для предотвращения распада структуры; 3) население разделено на "управителей" и "управляемых", однако различия не являются непреодолимыми и часто основаны только на разнице в степени генеалогической близости к верховному вождю; 4) институты для отчуждения прибавочного продукта существуют, но они неразвиты и применяются от случая к случаю, причем ни дань, ни подношения не являются основными источниками существования вождя; 5) составные части вождества имеют общую для всех них идеологию / Claessen, Skalnik, 1981, p.491/.

*

Термин упоминается отечественными исследователями и ранее, в частности, Ю.П.Аверкиевой /1974, с.327/.

От государства вождество отличается, с одной стороны, тем, что оно не имеет функций обеспечения эксплуатации простого и неполноправного (зависимого) населения; это — вынужденная, обусловленная усложнением экономической и социальной структур система обеспечения нормального функционирования производственного процесса и редистрибуции произведенного продукта. Другое отличие — отсутствие у правителей вождества монополии на узаконенное применение силы. Верховный вождь чифдом должен балансировать между различными социальными группами, отражая их интересы и в то же время цели всего общества в целом. Стоит ему оторваться от своих подданных, как его могут заменить или даже убить /примеры см.: Шнирельман, 1985, с.90, 93, 96, 100/. Напротив, правитель раннего государства до известных пределов мог реализовывать свои амбиции "как с помощью авторитета, так и силой или угрозой силы" / Claessen, Skalnik, 1978, p.639/.

По степени сложности иерархии принято различать простые и составные вождества. Для простых вождеств характерен один уровень иерархии. Они представляли собой несколько автономных общин-поселений под предводительством вождя, резиденция которого располагалась в центральном поселении / Johnson, Earle, 1987, p.207-224/. Составное вождество имело более сложную внутреннюю иерархическую структуру. Это несколько простых вождеств, объединенных на правах полуавтономных или региональных вассальных подразделений, которые подчинены администрации главного вождя чифдом. Составные вождества могли иметь этнически гетерогенную структуру, более двух уровней иерархии, центральная администрация и обслуживающие ее службы, как правило, освобождались от участия в непосредственном производстве /там же, p.225-245/.

Вопрос о применимости концепции вождества к истории номуадизма впервые был поставлен А.М.Хазановым / Khazanov, 1984, p.164-169; см. также: Крадин, 1991/. Из его анализа следует, что практически по всем основным характеристикам данная концепция применима к изучению кочевых народов. Сходства и различия с теоретической моделью вождества были сведены им в таблицу / Khazanov, 1984, p. 165 - 166/:

вождество в целом

кочевое вождество*

1) наследственная социальная дифференциация, наследственное неравенство, наличие страта аристократии	+
2) централизованное управление	ж
3) ограниченные функции верховного вождя, первоначально связанные с официальными процедурами, церемониями и внешними связями	+
4) отсутствие легитимизированной или насильственной власти	+
5) теократическая форма управления	-
6) отсутствие эффективных путей для предотвращения раскола	+
7) "каждая центральная точка в структуре имеет внешний отпечаток, чиновников в центре системы"	ж
8) относительно мирный характер вождества	-

Несколько комментариев к таблице. Относительно первого пункта следует добавить, что основные каналы стратификации в кочевых и оседлых обществах несколько различались. Рано появившаяся частная собственность на скот обусловила то, что у кочевников различие по линии традиционных связей между верхушкой общества и основными производителями дополнялась и отчасти перекрывалась имущественной дифференциацией.

Очевидно, что политическая централизация в кочевых вождествах проявляется менее явно, чем в земледельческих. Аппарат управления в той степени развитости, в которой он присутствовал в обществах земледельцев, кочевникам был не нужен. При этом нельзя не согласиться с А.М.Хазановым, что отличия здесь скорее качественного плана и скорее имеет смысл говорить о

ж

+ полное соответствие, ж слабое проявление, - отсутствие.

1984; Андреев И.Л., 1985, с.187-189*; Горский, 1986; СЭПИТ, 1986, с.42-43; ИПО, 1988, с.230 и сл.; Куббель, 1988, с.134-135/.

Военная демократия в ее классическом понимании, как "наиболее развитая организация управления, какая вообще могла сложиться при родовом строе" /Маркс, Энгельс, т.21, с.144/, в которой сосуществовали три органа власти - совет старейшин, военный вождь и народное собрание, мало применима к крупным кочевым обществам. Можно говорить о милитаристском характере обществ номадов, классовом образовании на основе военной иерархии и пр., но никак не о "демократической", т.е. горизонтально организованной структуре.

Правда, С.М.Абрамзон считает, что, во-первых, военная демократия у кочевников отнюдь не исключала социальную дифференциацию и для противопоставлений нет оснований; во-вторых, сильная централизованная власть в ту эпоху не имела устойчивого характера; а в-третьих, эта власть опиралась на общество, организованное по-военному, "что, как известно, считается существенным признаком военной демократии" /Абрамзон, 1970, с.62; критику см.: Хазанов, 1975, с.283 прим.9/.

Но общества скину и монголов, например, как это было продемонстрировано выше, гораздо более многоступенчатые, более гетерогенные, чем неиерархически организованное общество уровня военной демократии. Кроме того, при последней органы власти (вождь, совет старейшин, народное собрание) примерно равнозначны, тогда как в державах номадов народное собрание трансформировалось в своеобразный аристократический совет, а то и вообще исчезло. Наконец, организация общества по-военному отнюдь не является существенным признаком военной демократии. К.Маркс, в частности, подчеркивал, что любая община (он имел в виду общину, которая не входит в состав более крупного организма; в конечном счете, здесь можно говорить о любом самостоятельном обществе) всегда организована по-военному, в силу того что такая организация является одним из основных условий

*

И в рамках этого пути возможны различные варианты. И.Л.Андреев полагает, что у номадов была иная форма военной демократии, чем у древних греков /1985, с.191/.

"рассеянной" системе управления у кочевников, нежели чем об отсутствии центрального аппарата управления /Khazanov, 1984, p.166/.

Относительно третьего пункта следует отметить, что несмотря на то, что функции вождя в кочевых чифдах хотя и были во многом близки с полномочиями вождей земледельческих социумов, тем не менее у кочевников роль вождя как военного предводителя выступает более рельефно. Еще в прошлом веке В.В.Радлов, в частности, показал, что "звание хана имело значение лишь до тех пор, пока отдельные роды и племена получали прямую выгоду от военных походов", которые он возглавлял /Радлов, 1989, с.340/.

Факт минимальной власти в вождествах-явление, наверное, универсальное. Вождь, так или иначе, должен выражать интересы всего общества, в противном случае он будет смещен /Tollefson, 1987, p.132-133/. Однако у кочевников данное обстоятельство проявлялось, быть может, даже в большей, чем у земледельцев степени. Множество примеров ограничения власти вождя дают этнографические источники /см., например: Левшин, 1832, ч.Ш, с.176; Чулошников, 1924, с.288 и сл.; Кушнер, 1929/. Даже в империях случаи откочевок от неугодного правителя были далеко не редкостью /см., например: Тизенгаузен, 1884, с.110, 113, 116, 158, 159, 383, 465/. Что же тогда говорить о вождествах? Стоило только умереть Есугая, отведав татарского яду, как сподвижники грозного хана покинули его вдову с малолетними детьми. "Глубокое озеро уже пересохло; крепкие камни уже раздробились; для чего же ты еще удерживаешь меня?" - ответил один из них малолетнему Темучжину на просьбу не откочевывать от них /Бичурин, 1829, с.9/.

Теократический характер вождества остается до сих пор дискуссионным показателем чифдом. Во всяком случае отечественные исследователи относятся к этому признаку скептически /Хазанов, 1979, с.165; СЭПИТ, 1986, с.35; ИПО, 1988, с.236; Куббель, 1988, с.153-154/. Очень часто простое упоминание о сакрализации верховного правителя принимается за существование теократии. У кочевников же, наоборот, как это было в случае с Чингисханом и Кокочу /Козин, 1941, с.176-179/, светская власть нередко вступала в конфликт с жреческой верхушкой. Возможно, что сакральный аспект власти более всего применим к кочевникам Восточной Африки /Khazanov, 1984, p.168/.

На шестом пункте следует остановиться чуть подробнее. Предложивший его Р.Кози считает, что существование факторов, способных противостоять распаду общества, является основным показателем государства / Cohen, 1978; 1978a; 1981/. Вряд ли это так. История знает немало случаев, когда уже сложившиеся ранние государства распадались. Мне кажется, что в критерии институтов "антираспада" (antifission), как главной черты государственности, акцент все-таки должен быть поставлен не на "антираспаде", а на институтах (администрации, дружине и пр.), способных осуществлять этот "антираспад".

По поводу седьмого пункта таблицы следует заметить, что в силу рассеянной системы управления сформулированные тенденции выступают в более расплывчатой, ограниченной форме.

И, наконец, последний пункт. Сомнительно, чтобы все вождества имели мирный характер функционирования. Это можно предполагать в отношении "первичных" вождеств, причем в определенный период их существования, но никак не "вторичных". Тем более это не применимо к образованиям кочевников. Поскольку кочевничество возникло как альтернатива земледельческим цивилизациям и их периферия /Фурсов, 1987a, с.170; 1988a, с.184,185/, очень сомнительно, чтобы среди кочевнических вождеств были "первичные". Кроме того, выше неоднократно подчеркивалось, что война была одним из основных способов существования сложных кочевнических систем. По этой причине данный критерий не применим к кочевным вождествам.

В целом концепция вождества вполне применима к кочевничеству. Однако кочевные вождества в сравнении с земледельческими являлись более нестабильными, расчлененными, состав их был текуч и непостоянен. С другой стороны, глубина иерархии внутренней структуры кочевных вождеств обычно не ограничивалась двумя уровнями. Их, как правило, было больше. Типичными примерами вождеств у кочевников являлись улусы монголов, татар, найманов, карентов в XII в. /Мункуев, 1970, с.378-385; Khazanov, 1984, p.234; иное мнение см.: Кычанов, 1986/, различные надплеменные образования казахов, туркмен, арабов и других кочевников афразийских степей /примеры см.: Марков, 1976; Khazanov, 1984, p.169-191; Johnson, Earle, 1987, p.238-243 и др./. Еще в первой четверти XX в. на территории СССР можно было зафик-

сирезать подобные структуры, чем блестяще сумел воспользоваться П.И.Кушнер /1929, с.81-97/.

Возможно, что по степени сложности помимо простого и составного вождей применительно к кочевым обществам, а в более широком контексте для тупиковых ветвей социальной эволюции, которые не могли преодолеть барьер между первичной и вторичной мегаформациями, можно выделить еще один тип вожества - суперсложный чифдом*. В его состав входили несколько сложносоставных вождей и по степени развитости он приближался к раннему государству. Можно предположить, что у кочевников к числу суперсложных вождей могут быть отнесены многие из "степных империй" Евразии.

Для примера можно сослаться на сунуское общество эпохи Шанъзя Моде, где при множестве иерархических уровней внутренней структуры отсутствовала эксплуатация непосредственных производителей (во всяком случае источники на этот счет молчат), но в то же время встречались примеры противопоставления власти правителя другим социальным группам. Показательным свидетельством этого служит история воцарения Моде, когда он карал смертью всех, кто отказывался послать стрелы в ту же цель, что и он, вплоть до собственной жены и родного отца, после убийства которого он и узурпировал престол /МАС, вып. I, с.38/.

В другой работе я предположил, что суперсложный чифдом являлся максимально возможной формой социально-политической организации у кочевников /Крадин, 1991а/. Однако применительно к "степным империям" этот тезис требует более серьезной аргументации. Требуется обоснования и более широкий контекст проблемы: насколько вообще правомерно говорить о государственности у кочевников?

До сих пор в марксистской литературе господствует традиция Ф.Энгельса выделять три признака государственности: разделение подданных по территориальному признаку; учреждение общественной власти, не совпадающей непосредственно с населением; существование налогов /Маркс, Энгельс, т.21, с.170-172/. Между тем

* Р.Карнейро в эволюции вождей по степени сложности также выделяет три стадии: "минимальный" чифдом, "типичный" чифдом и "максимальный" чифдом /Carneiro, 1981, p.47/.

исследования последних десятилетий показывают, что эти признаки не могут рассматриваться в качестве надежных критериев государства. К тому же нередко в различных социальных организациях можно выделить только один или два из выделенных признаков и можно ли в таком случае говорить о сложившейся ранней государственности?

Начнем с того, что территориальные связи сосуществовали и переплетались с родовыми с глубокой древности и любой коллектив, группа, общество, пусть даже самый примитивный, всегда четко осознавал территорию своего местообитания. Э.Эванс-Причард в своей классической книге, посвященной истории нуэров, убедительно показал, что у последних кровно-родственные и территориальные связи были тесно связаны между собой и одно вряд ли мыслилось без другого /Эванс-Причард, 1985/. Как писал Д.Е.Куббель, было бы "недопустимым упрощением категорически противопоставлять один тип связей другому... любые связи родственного характера неизбежно всегда должны действовать в пределах какой-то территории" /1988, с.117-118/.

Важным представляется и то обстоятельство, что практически даже в развитых традиционных обществах до конца не происходило окончательного размежевания между связями территориального и кровно-родственного характера. Для примера можно сослаться на раннегосударственные структуры доколониальной Африки, у которых клановые и племенные принципы сохраняли силу вплоть до колониального раздела континента /см., например: Кочакова, 1986; Куббель, 1987, с.6; 1988, с.118; ИПО, 1988, с.247-248; Коротеев, 1990, с.7-8 и др./.

Применительно к кочевым обществам разложение клановых и племенных связей пытался аргументировать Г.А.Федоров-Давыдов, полагающий, что у средневековых монголов возобладал территориальный принцип деления населения на основе того, что у них появилась десятичная система, поскольку, по данным письменных источников, в равных улусах были представители одного и того же подразделения /1973, с.50,54,55/. Однако, как свидетельствуют многие данные, подразделения с одними и теми же наименованиями достаточно часто входили в состав различных кочевых народов /Абрамзон, 1951, с.138; Хазапов, 1975, с.119/. Десятичная же система существовала не только в средневековье, но

и в гораздо более ранние периоды, когда, по мнению феодалистов, в степи еще господствовали патриархально-родовые порядки.

С другой стороны, на кровно-родственных связях основывались самые низшие звенья социальной организации кочевников. На более высоких уровнях этой организации, где общность экономических интересов и родственных уз была слабой и на первое место выступали связи территориального характера, могло господствовать только фиктивное генеалогическое родство, являвшееся одним из основных способов цементации общественных связей.

Более приемлимым критерием политической организации следует считать наличие в обществе отделенных от народа органов власти. Однако и здесь не следует забывать, что эти органы появляются еще задолго до возникновения государственности (например, в вождестве Шан-Инь /Васильев Л.С., 1983, с.130-135/) и часто бывает очень сложно определить, в каком случае так называемые "слуги общества" превратились в "господ над ним", а в каком еще нет.

Сведений о существовании бюрократического аппарата в кочевых обществах немного. К примеру, в разделе о сыну Сыма Цянь сообщал о китайском перебежчике Чжунхан Юэ, ставшем советником сына Моша Лаошан-шаньюя. Он "научил приближенных шаньюя вести записи для подсчета и обложения налогом населения и скота" /МИС, вып.1, с.45/. Но о системе "министерств" или "ведомств", о которых пишет С.А.Плетнева /1982, с.84/, сведений никаких нет. Напротив, по данным источников у сыну "отношения между государем и подданными просты и поэтому управление целым государством подобно управлению своим телом" /МИС, вып.1, с.46/.

Основные управленческие функции в кочевых обществах выполняла традиционная кочевая аристократия и предводители. Этот факт хорошо подтверждается различными источниками по истории древних и средневековых кочевников /Хазанов, 1975, с.179-191; МИС, вып.1, с.40; вып.2, с.73; МИРД, с.63,76,136-138,149,163,171,269,412; Бичурин, 1950, т.1, с.229,286,305; Владимирцов, 1934, с.79-86; Кычанов, 1986, с.96-97; Трепавлов, 1989; Плетнева, 1990, с.131-132 и др./, а также кочевников нового времени /Зиманов, 1960; Першиц, 1961; Аверкиева, 1974, с.270-271, 319-326; Марков, 1976; Калиновская, 1989, с.198-207; Радлов, 1989, с.338-340/. Однако насколько правомерно считать бюрократией вождей и предводителей различного ранга, титулованную аристократию,

"офицерский корпус" (тысячников, сотников), аргументируя это тем, что они собирали налоги, распределяли пастбищные угодья, руководили перекочевками и пр.? Действительно, отправление всех этих функций лежало на их обязанностях. Но, с одной стороны, функции руководства выделяются на самых ранних ступенях социальной эволюции /см., например: Кобищанов, 1974, с.163-164/ и существуют во всех типах организации власти и управления от локальной группы до государства.

С другой стороны, для кочевых обществ не характерна дифференциация управленческих функций /Грумм-Гржимайло, 1926, с.440 прим.2/^ж, быть может, за исключением отделения института жречества от светской власти, тогда как для бюрократической администрации подразумевается более или менее определенная специализация деятельности и стремящийся к автономии, внеклановый ее характер даже в аграрном государстве /Васильев Л.С., 1983, с.45/. В таком случае, если и представляется возможным говорить о государственных органах власти у кочевников, то только о так называемой "зачаточной" (*inchoate*) ранней государственности / Claessen, Skalnik, 1978a; p.22; 1978, p.641/^{жж}.

Значительный аппарат чиновников-бюрократов кочевникам становится необходимым только с завоеванием ими земледельческих областей. С подчинением оседлого населения происходит усложнение социально-экономической системы и срывает закономерность, называемая кибернетиками эффектом "нетерпимости к управлению", когда уже традиционными методами управления номады не могут контролировать ситуацию в присоединенных областях. Согласно принципу необходимости разнообразия Эшби, "количество разнообразия в управляющей системе должно быть не меньше количества разнообразия в управляемой системе" /Плесский, Уёмов, 1989, с.7/. Есть

ж

К числу исключений можно отнести некоторую часть бедуинов Аравии / Khazanov, 1984, p.168/.

жж

Обсуждение этой концепции см.: / Sellnow, 1981; Claessen, 1984, p.370-374; Куббель, 1988, с.156-157, 163; Попов В.А., 1990, с.51; Крадив, 1991а/.

два варианта выхода из данной ситуации: 1) упрощение управляемой системы. Применительно к рассматриваемой проблеме это уничтожение городов, земледельческого населения, превращение засеянных полей в пастбища. Это хорошо отражают слова, сказанные Чингисхану одним из его приближенных: "От ханьцев нет никакой пользы государству. /Поэтому/ можно уничтожить всех людей и превратить /их земли/ в пастбища" /Мункуев, 1965, с.190/; 2) самоусложнение управляющей системы, что в данном случае должно было выразиться в создании специальных органов, призванных управлять завоеванными земледельческими территориями. Как эфористично охарактеризовал этот вариант еще в древности китайский оратор Лу Цзя в своих словах о "Поднебесной", обращаясь к ханьскому императору Гао-цзю: "/Хотя вы/ получили ее сидя на коне, /но/ разве можно управлять ею с коня?" /там же, с.106/.

Вопрос, какой из этих вариантов следует принять на вооружение, неоднократно обсуждался при дворах правителей империй Великой степи, вставших на путь экспансии и завоеваний земледельческих государств, в частности, монгольской элитой при Чингисхане и его преемниках /Толстов, 1948, с.344; Мункуев, 1965, с.18,45; Петрушевский, 1977, с.239,240; Khazanov, 1981, p.169/. Но от него зависело, быть ли прочным созданным политическому организму и, соответственно, развитым формам государственности.

Кидани после завоевания Китая были вынуждены в 947 г. издать декрет о формировании двух равных бюрократических систем: Северной, для управления кочевниками завоевателями, и Южной, состоявшей в основном из китайских чиновников, для управления покоренными земледельцами /Wittfogel, Feng Chiahseng, 1949; Думан, 1955; Franke, 1987; Крадин, 1990а; Кычанов, 1990 и др./.

Чжурчжени (в чьем обществе кочевой элемент играл весьма активную роль), обжегшись на прямом военном господстве, также прибегли к услугам китайских бюрократов, приспособив уже сложившуюся административную систему в соответствии с нуждами полиэтничного государства /Воробьев, 1975; Franke, 1985; 1987/.

Весьма показательным в этом плане также и должен выглядеть и факт того, что в Золотой Орде аристократия четко разграничивалась на две категории: с одной стороны – военные предводители кочевых улусов (эмиры, темники, улусбеки и пр.), а с другой – городская администрация и управленческий аппарат над оседло-

земледельческими территориями /Федоров-Давыдов, 1973, с.90; Ягоров, 1985, с.158,167-168/.

Все это позволяет заключить, что номадам, не имевшим в своем подчинении крупных земледельческих обществ, присущи только зачаточные формы власти, отделенной от непосредственных производителей.

Дружина существовала у большинства предводителей крупных кочевых обществ: скифских царей /Хазанов, 1975, с.185-187/, суннуских шаньюев /МИС, вып.1, с.43,141 прим.135/, тюркских /Гумилев, 1967, с.164/, уйгурских /Худяков, 1986, с.178/ и хазарских каганов /Ллетнева, 1982, с.103/, киданьских императоров /Е Дунли, 1979, с.156,II,532-533/, монгольских ханов /Владимирцов, 1934, с.87-96/ и др. Даже о народах, не создававших авторитетных политических объединений в евразийских степях, можно найти сведения о существовании у них дружины. Так, о кумоси (татабах) источники сообщают, что "в ставке правителя всегда имеется 500 вооруженных охранников" /МИГД, с.144,148/.

Состав дружины, по всей видимости, был неоднородным /Владимирцов, 1934, с.88 и сл.; Толыбеков, 1959, с.243; Ахмедов, 1965, с.103 и др./ . Помимо представителей кочевой аристократии (лиц, не управлявших какими-либо подразделениями, сыновей и младших родственников титулованных кругов и пр.) в ее состав могли входить простые кочевники "крепкого сложения" /Рашид ад-Дин, 1952, кн.1, с.144/, а также неполноправные лица или даже рабы /Бичурин, 1950, т.1, с.184; Семенюк, 1958; 1959, с.167, 178; Хазанов, 1975, с.185-186; МИГД, с.159,166 и др./.

Поскольку дружины формировались на основе личной преданности правителю и, как правило, вне традиционных социально-политических институтов /СЭПИТ, 1986, с.52-53; Горский, 1989, с.25/, ее принято причислять к институтам возрождающейся новой системы политической власти. Однако следует помнить, что в кочевых обществах дружины были созданы не столько для изъятия прибавочного продукта и карательных-репрессивных функций в отношении своего населения, сколько для собственной защиты и грабежа и эксплуатации соседей (как правило, иноплеменников). В то же время во всех кочевых обществах основную часть войска составляли простые номады. "Сынну открыто считают войну /своим/ занятием, - говорил каньскому послу Чжункан Юэ, - ... поэтому в

тревожное время каждый упражняется в верховой езде и стрельбе из лука" /МИС, вып. I, с. 46/.

Нестабильность экстенсивного скотоводческого хозяйства, непрекращающиеся войны за скот и пастбища, постоянная нужда в продуктах земледелия и ремесла делали необходимым сохранение воинской организации в рамках всего свободного населения. Именно это обстоятельство и отражала десятичная система. Быть свободным у кочевников означало иметь право и в то же время быть обязанным носить оружие.

Весьма спорны предположения о наличии развитой системы тюрем у кочевников. При подвижном образе жизни возможности для создания институтов подобного рода весьма ограничены. Причем часто в этом плане источники подвергаются неверной трактовке. Так, С.А. Плетнева из цитаты "самый продолжительный срок заключения в тюрьме - не более 10 дней, а во всем государстве число заключенных не превышает несколько человек" /МИС, вып. I, с. 40/ сделала вывод о четкой системе наследственных чиновников, жестких законах и большом внутреннем порядке в государстве /Плетнева, 1982, с. 85/. Скорее эта фраза должна свидетельствовать о неразвитости судебной-правовой системы. Тем более, те же источники сообщают о том, что у сянну наказания были очень просты и суровы (ссылка, смерть и палка), как впрочем и у всех остальных кочевников /МИС, вып. I, с. 40, 135/. А жестокость вряд ли правомерно принимать за критерий развитости общества. У тех же сянну ввязывание в уже начавшуюся драку каралось смертью, тогда как во многих современных развитых странах смертная казнь отменена вообще.

Вместе с тем большие притеснения всегда могли вызвать опасность откочевки от неудобного правителя. Живший в конце XV в. в Дешт-и-Кыпчаке хан Тахир "имел крайне грубый характер, большинство эмиров и воинов стали обижены на него и разошлись. Во время /начала/ правления ему помогали около 40000 воинов, а в это время с ним осталось не более тысячи человек" /Тизенгаузен, 1941, с. 215/. Подобные ситуации случались, по-видимому, и у сянну, и у сяньби, и у турков, и у киданей, и у монголов, и у казахов. Здесь весьма справедливо замечание Л.Н. Гумилева: "Покорность в степи - понятие взаимообязывающее. Иметь в подданстве 50 тыс. кибиток можно лишь тогда, когда делаешь то, что хотят

их обитатели; в противном случае лишись и подданных и головы" /Гумилев, 1967, с.27-28; примеры см.: МИС, вып.2, с.32,82; МИРД, с.80; Бичурин, 1950, т.1, с.209,298-299; Е Дунли, 1979, с.102-103; Владимирцов, 1934, с.159,173; Тизенгаузен, 1884, с.116,156; Далай, 1983, с.117,119; Зибер, 1923, с.357-359,369-371; Румянцев, 1910, с.19; Казахско-русские отношения, 1961, с.49-51,53,54,99,107,393,406,451,583; Толыбеков, 1971, с.19, 368,389 и др./.

Такой критерий государства, по Ф.Энгельсу, как регулярное налогообложение также не может служить достаточным показателем государственности. Причина, на мой взгляд, заключается в том, что концентрации и перераспределение прибавочного продукта, иначе говоря редиистрибуция, появляется еще задолго до возникновения политической организации на такой стадии эволюции как вождество. При этом, естественно, бывает нелегко определить грань между собственно редиистрибуцией и налогообложением как одной из форм эксплуатации.

Где достаточный показатель, который бы указывал на эквиваленты между непосредственным, да впрочем и опосредованным производством, с одной стороны, и организационно-управленческой деятельностью, с другой? Наверное, не случайно поэтому имущественное положение "слуг народа" первоначально не очень значительно отличалось от положения иных страт общества, а иногда даже в обмен на высокий социальный статус приходилось им жертвовать. "Настоящие вожди всегда умирали бедными", - гласит кваньчуньская поговорка /Аверкиева, 1961, с.128/. Однако трудно долгое время оставаться бедным, находясь у ключевых постов редиистрибуции в структуре общества. Сначала растет престижное потребление верхов и расходы на их статус (редкие диковинки, драгоценности, оружие, изысканные одежды, гигантские и богатые погребальные сооружения типа Аржана или Толстой могилы и др. /Гряч, 1980, с.46-47/). Постепенно обмен услугами между управителями и управляемыми все больше и больше становится неэквивалентным и представляется возможным говорить о паразитизме верхов и трансформации редиистрибуции в налоговую эксплуатацию. Но все это пока можно представить только в теоретической модели.

Таким образом, ни один из традиционно выделяемых в

марксистской литературе признаков политической организации господствующего класса не может служить убедительным показателем возможности самостоятельного преодоления кочевниками барьера государственности. Конечно, даже в более широком историческом контексте невозможно указать на резкую границу между предгосударственными формами различных типов и соответствовавшими им раннегосударственными структурами^ж, поскольку это просто противоположные полюса одной линии политогенеза /Васильев Л.С., 1983, с.44,45,50/. Но то, что применительно к кочевым обществам максимально возможно говорить только о так называемой "зачаточной ранней государственности", о чем я писал несколько выше, или лишь о "элементах государственности", в том смысле, который вкладывал в это понятие Д.Е.Куббель /1974, с.345-346; 1987, с.5-7; 1988, с.132/, представляется очевидным.

Даже археологические источники, несмотря на их кажущуюся "осязаемость", в лучшем случае могут указать только на какие-то общие тенденции в эволюции изучаемого социального организма. Впрочем, существует точка зрения, согласно которой по данным археологии можно достаточно надежно отделить вождество от раннего государства. Предполагается, что вождество имеет два уровня иерархии поселений (поселений в самом широком смысле этого слова), тогда как раннее государство три: локально-деревенский, районный и государственный /Wright, Johnson, 1975, p.267-289; Carneiro, 1981, p.53-54,69/. Но с подобной попыткой разрешения проблемы согласиться нельзя. Кочевые общества, о чем уже в настоящей книге неоднократно говорилось, имеют многоуровневую иерархическую структуру. С другой стороны, и в земледельческих

^ж

По мнению И.Зеллнов, о становлении государственности можно говорить в том случае, если политические институты составили закрытую и полностью отделенную от народа систему, а организация власти была стабильной и учредилась необратимо /Zellnow, 1983, с. 39-40/. Однако, думается, что и в этом случае, как применительно к кочевым обществам, так и в более общем плане, вопрос остается открытым, поскольку можно указать на массу примеров противоположного характера.

социумах совсем не обязательно догосударственные образования имели максимум два уровня иерархии. Для примера можно сослаться хотя бы на некоторые доколониальные деревенские сообщества Западной Африки /Cohen, 1981, p.94/.

Применительно к номадизму можно уверенно сказать, что выделяемые археологами признаки "цивилизации", такие как города, высокоразвитое ремесло, монументальное строительство /Childe, 1950; Adams, 1966, p.12-14; Renfrew, 1972, p.3-7; Павленко, 1985; 1989, с.66-72; Массон, 1989, с.8-11 и др./, что соответствует в том числе государству, тесно коррелируется, как правило, только с кочевыми обществами, которые имели в своем подчинении крупные оседло-земледельческие общества.

Однако большая трудность заключается в том, что в современной антропологической и этнологической литературе отсутствуют общепринятые подходы к пониманию сущности государственности. Разумеется, в этом нет ничего предосудительного, поскольку в соответствии с "принципом дополнительности" Н.Бора различные теоретические парадигмы только обогащают наши представления об изучаемых системах в целом. Однако в данном конкретном случае трудности усугубились разногласиями идеологического характера.

Советские ученые, вынужденные работать только в рамках марксистской методологии*, а также западные марксисты и марксистскоориентированные авторы /Каутский, 1931; Fried, 1967; Krader, 1968; 1981; Hindess, Hirst, 1975 и др.; см. также: Gailey, 1985, p.71-77/ делают упор на тех показателях, которые характеризуют государство как комплекс институтов, призванных обеспечить проведение диктатуры господствующего класса или этноса. Неэволюционисты, напротив, акцентируют внимание на интегративных факторах, характеризующих государство как определенный уровень социополитической эволюции /историографические

* Литература поистине безгранична. Однако показательны слова, сказанные Л.Е.Куббелем: "Именно тогда, когда такое подавление окончательно делается самостоятельной функцией руководства обществом и управления и когда определенная часть лиц, регулирующих жизнедеятельность общества в целом, специализируется на отправлении этой функции внутреннего подавления, можно уже говорить о возникновении государства"/1988, с.131/.

обзоры см.: Claessen, Skalnik, 1978a; Naas, 1982; Gailey, 1985; Sellnow, 1988; Павленко, 1989, с.40-51; см. также: Johnson, Earle, 1987; Spencer, 1990/. Я не буду останавливаться на анализе этих подходов, поскольку, по моему мнению, их использование вне идеологического контекста одинаково правомерно. Однако ни с тех, ни с других позиций не представляется возможным говорить о необходимости государственной организации для кочевников!

Скотоводческая экономика предполагала рассредоточенный, дисперсный /Марков, Масанов, 1985/ характер пространственной структуры общества. Ведь одним из главных условий кочевого скотоводства является наличие большого количества пастбищных территорий. Соответственно внутренние функции регуляции не требовали создания автономного аппарата управления с администрацией, имеющей внеклановый характер. Интеграция кочевников в крупные структуры происходила чаще всего только для ведения крупных совместных военных действий. К примеру, каждое племя-кочевье киданьского союза восьми кочевий, существовавшего до образования империи Ляо, было экономически самостоятельным, но для осуществления грабительских набегов они объединялись вместе /МИГД, с.163/. Подобная корреляция прослеживается и в отношении других кочевых народов /Владимирцов, 1934, с.39; Зиманов, 1958, с.70; Толыбеков, 1959, с.206; Аверкиева, 1974, с.327-328; Воробьев, 1975, с.58; Марков, 1976, с.218,249; Дигар, 1989, с.47 и др./.

С другой стороны, в кочевых обществах не ощущалось особой необходимости в специальных органах для разрешения конфликтов между народом и верхушкой общества. Несмотря на то что кочевники очень рано развили у себя частную собственность на средства производства, вследствие чего значительная имущественная дифференциация практически имманентно была присуща обществам кочевников, отношения доминирования между богатыми и бедными скотоводами не развивались до резких классовых антагонизмов. Все имеющиеся противоречия решались в рамках традиционных институтов обмена услугами внутри общества.

При этом в большинстве кочевых структур правитель был вынужден балансировать между аристократией и простыми кочевниками. Его власть являлась стабильной до тех пор, пока различные внутренние партии и большие социальные группы видели в ней для

себя выгоду, в первую очередь связанную с набегами и грабительскими походами на земледельцев /Радлов, 1893, с.65 и сл.; Вибер, 1923, с.24; Владимирцов, 1934, с.79-81; Марков, 1976, с.145,303,304; Гумилев, 1989, с.586 и др./.

Пришедший к власти в 60 г. до н.э. сионуский шаньюй Уяньцзюй-ди "вел себя жестоко и зло", "творил насилия и убийства", чем восстановил в конечном счете против себя всех подданных. Испугавшись справедливого возмездия, он обратился за помощью к своему младшему брату, но тот отрезал ему: "Ты не любил людей, убивал братьев и знатных, так умри /теперь/ сам /там/, где находишься, а меня не впутывай в грязное дело". Шаньюй покончил жизнь самоубийством /МИС, вып.2, с.32/.

Тюркешский хан Сулу в первые годы своего правления (начало III в.) "хорошо управлял людьми; был внимателен и бережлив. После каждого сражения добычу всю отдавал подчиненным: почему роды были довольны и служили ему всеми силами... в поздние годы он почувствовал скудость; почему награбленные добычи начал мало помалу удерживать без раздела. Тогда и подчиненные начали отделяться от него". После того как он заболел и ему парализовало руку, ханы заговорщики "неожиданно в ночи напали на Сулу и убили его" /Бичурин, 1950, т.1, с.298-299/. Подобные примеры можно приводить и приводить.

Интересы степняков были обращены главным образом на своих оседлых соседей, с которых они получали земледельческую и ремесленную продукцию. Правитель обеспечивал реализацию этих интересов посредством объединения номадов в централизованный военный механизм и организации экспансии. При этом важным фактором являлось установление жесткой дисциплины и порядка. У жужаней "тому, кто первым врывался в ряды противника, жаловались пленные и захваченная добыча, а того, кто из-за трусости отступал, убивали, бросая в голову камни, или же, когда представлялась возможность были батогами" /МИГД, с.269/. У монголов "каждый из эмиров тумана, тысячи и сотни должен содержать в полном порядке и держать наготове свое войско с тем, чтобы выступить в поход в любое время" /Рашид ад-Дин, 1952, кн.2, с.264/.

Следствием милитаризации кочевых обществ, удачных военных походов и завоеваний нередко было усиление личной власти правителя. Г.Г.Грумм-Гржимайло очень метко подметил это обстоятель-

ство на примере возвышения личности Чингисхана. "Удача всех его походов и несметные богатства, доставшиеся на долю его войск, т.е. того же народа, - писал он, - создали всем его требованиям значение божеских повелений и принимались не только безропотно, но и благовейно к неуклонному исполнению" /1926, с.437/.

Однако если в истории оседло-земледельческого государства узурпатором должен был быть основатель династии, а его наследники вполне могли и не быть автократами, опираясь на бюрократию, армию и легитимность, то в кочевом обществе какой бы властью не обладал правитель, его наследник, даже если получал престол в силу законных притязаний, чаще всего был вынужден все начинать сначала. В этом смысле каждый новый правитель у номадов больше должен был походить на узурпатора или нового основателя державы, нежели на законного наследника "трона". Не случайно такие выдающиеся основатели крупнейших "степных империй" Евразии, как Атей, Модэ, Таньшихуай, Абаоцзи и Темучжин, по существу были узурпаторами и автократами. И не поэтому ли монгольская империя XIII в. достигла такого расцвета (конечно, вкуче с другими факторами), что Чингис и его наиболее талантливые приспешники Угэдэй и Мункэ были самыми полными автократами в истории степи / Fletcher, 1986/.

Из всего вышесказанного не представляется возможным говорить о сколько-нибудь устойчивой и узаконенной структуре политической власти в большинстве кочевых обществ и, следовательно, о государственности. Правда, по мнению А.М.Хазанова, "общество, основанное на эксплуатации в любых ее формах и проявлениях, не может считаться первобытным... организация, созданная для поддержания любых форм эксплуатации, должна рассматриваться как государственная" /1975, с.237/. Но мне кажется, что это не совсем точно. Ведь то, что нуэры не одно столетие регулярно пополняют свои стада за счет грабежей динка /Эванс-Причард, 1985, с.114-119/, а это тоже вариант экзеоэксплуатации, не делает их социополитическую систему государственной.

Думается, что больше прав Э.Геллиер, критикуя В.Н.Никифорова /1975, с.154/ и ссылаясь при этом, кстати, на ту же страницу из работы А.М.Хазанова, в том, что кочевники, завоевывая земледельцев и горожан, совсем не обязательно были государст-

вом, а последнее возникало позже, посредством перерастания межэтнических противоречий в классовые / Gellner, 1984a, p.210/. В ходе такой трансформации сложившаяся "суперстратификация" между кочевниками и земледельцами / Krader, 1968, p.43-51; Service, 1975, p.117-122/ приводила к созданию специфического бюрократического аппарата, являвшегося по отношению к завоеванным государством. Да и сам А.М.Хазанов в другом месте той же работы пишет, что несмотря на то, что в политических образованиях древних и средневековых кочевников основная масса кочевников была отстранена от управления обществом, в то же время эндоексплуатация была развита слабо и "поэтому их нельзя считать государственными образованиями, пусть даже примитивными" /1975, с.217/.

Наверное, по большому счету, о государственности у кочевников говорить во многих случаях все-таки можно, но в несколько ином контексте, только как о государственности специфической - связанной с завоеваниями и направленной вовне общества. Государственные функции (если точнее их карательно принудительную часть) выполнял сам кочевой социум, покоривший оседло-земледельческое общество. Он выступал в данной ситуации как "класс-этнос" и "этнос-государство", возвышаясь в качестве "надстройки" над земледельческим "базисом". При этом роль "бюрократии" (функции военной и гражданской администрации) играла кочевая аристократия, а простые кочевники непосредственно осуществляли экспансионистские и репрессивные цели кочевого общества в целом. Для обозначения характера такой специфической государственности можно воспользоваться предложенным в предыдущей главе термином "экзополитарный".

Ж.Тексье отметил, что во всех антагонистических общественных системах каждой форме социально-экономических отношений соответствует свой тип социополитической организации власти. Структура вертикальных связей между элитой и непосредственными производителями "принимает здесь государственную форму, имеющую свою специфику (восточная деспотия, античный город, феодализм, современное представительное государство)" /1982, с.271/. К этому ряду следует отнести и экзополитарную форму политических образований, поскольку она принципиально отличается от перечисленных вариаций государственности. В то же время следует учитывать, что и под понятием экзополитарные образования

объединяется достаточно широкий спектр социополитических систем от "военно-демократических" и военно-иерархических структур равного рода до "степных империй".

Какие факторы обусловили формирование в одних случаях менее сложных, а в других - более сложных образований? Есть ли какие-нибудь типологические закономерности в их эволюции? На этих вопросах я остановлюсь в следующем разделе.

Кочевые империи и их типы

Таким образом, централизованная организация становилась необходимой кочевникам только в отношениях с оседлыми цивилизациями. Сложные надплеменные образования "у кочевников по общему правилу возникали лишь накануне завоевания земледельческих областей, в процессе такого завоевания или вскоре после него. Именно в этих случаях на смену обычной децентрализованности кочевников приходила сильная и централизованная организация. Именно так рождались кочевые империи" /Хазанов, 1975, с.256-257/. В таком случае, наверное, вполне правильным будет сказать, что возникновение кочевых империй явилось своеобразной рефлексией, если хотите Ответом на Вызов, на характер связей номадов с окружающими их цивилизациями /Тоунбее, 1934/. Причем степень централизации и численность империи во многом зависели от потенциала земледельческих обществ, выступавших по отношению к данному кочевому социуму в качестве внешнего мира.

А.И.Фурсов совершенно справедливо указывает, что "кочевники рассматриваются изолированно от земледельцев, не учитывается, что это - элементы единой системы и состояние и уровень развития кочевых элементов, его политической организации зависит от состояния и уровня развития системы в целом. Туареги и белуджи не нуждались в империльном механизме изъятия прибавочного продукта оседлого общества. Напротив, кочевникам Центральной Азии, стремившимся к долгосрочному изъятию продукта, создаваемого в Китае, необходима была политическая организация надплеменного уровня" /1988а, с.184-185/.

Иначе говоря, для грабежа или взимания дани с маленьких княжеств, небольших земледельческих оазисов, аморфных общностей охотников и рыболовов кочевникам совсем не обязательно было объединяться в крупные военно-иерархические структуры.

Все это можно было осуществлять силами небольшой экзополитарной структуры (вождества, конфедерации племен). Напротив во взаимоотношениях с крупными оседло-земледельческими цивилизациями требовалась более мощная военно-политическая структура, которую следует охарактеризовать термином "кочевая империя".

Этот термин в кочевниковедческой литературе используется достаточно давно, однако в большей степени в качестве эпитета, указывающего на мощь и силу политических образований кочевников. Среди отечественных специалистов только Г.Е.Марков два раза мимоходом использовал данный термин в научном смысле, понимая под кочевой империей "законченное выражение идеи военной централизации подвижных скотоводов" /Марков, 1970, с.88; 1976, с.312; постановку проблемы см. в работах: Крадин, 1987а, с.122-123; 1988, с.22; 1989а; 1989б; Фурсов, 1988а/.

Обычно когда используют термин "империя", то подразумевают два его характерных признака. Во-первых, огромные размеры изучаемого общественного организма и, во-вторых, наличие зависимых или колониальных владений. Р.Танар было предложено определять империю как общество, состоящее из "метрополии" (ядра империи), чем является высокоразвитое экспансионистское государство и территории, на которую распространяется ее влияние и которая может быть определена как "периферия". Периферией могли являться совершенно различные по уровню сложности типы социальных организмов: от локальной группы до собственно государства. По степени взаимодействия этих подсистем империи автор выделила "раннюю" и "позднюю" империи. В ранней империи, по ее мнению, метрополия и периферия не составляли прочной взаимосвязанной единой системы и различались по многим показателям, таким например, как экология, экономика, уровень социального и политического развития. К числу классических примеров ранних империй можно отнести Ассирийскую и Римскую державы, Инкское государство, королевство Каролинов и др. Поздняя империя характеризуется менее дифференцированной инфраструктурой. В ней периферийные подсистемы функционально ограничены и выступают в форме сырьевых придатков по отношению к развитым аграрным, промышленным и торговым механизмам метрополии /Tanar, 1981, p.410 ff /. В качестве примера можно сослаться на Британскую, Германскую или Российскую империи начала нынешнего столетия.

Одним из вариантов ранней империи следует считать "варварскую империю" /Крадин, 1989/. Ее принципиальное отличие заключается в том, что метрополия является гегемоном лишь в политическом отношении, тогда как в социально-экономическом развитии она, напротив, отстает от завоеванных территорий и по существу является периферией, провинцией. Все империи, основанные кочевниками, были варварскими. Однако не все варварские империи основывались кочевниками. Поэтому следует кочевую империю выделять как вариант варварской. В таком случае под кочевой империей следует понимать сложную, занимающую относительно большое пространство общественную систему, состоящую из кочевого "ядра", имеющего форму иерархической (военно-иерархической) пирамидальной структуры при сравнительно неразвитой внутренней эксплуатации и зависимой, эксплуатирующейся, как правило, посредством различных форм экзоплоатации территории, в которую могли входить как земледельческие, так и другие народы /Крадин, 1989а; 1989б; 1989в; 1990г, с.13-14/.

В середине 70-х годов А.М.Хазановым были выделены две тенденции в формировании и эволюции политических образований кочевников евразийских степей. "В первом случае кочевники эксплуатировали подчиненное оседло-земледельческое население на основе даннических отношений. И кочевники и земледельцы с горожанами входили в состав одного и того же государства, но их взаимоотношение происходило преимущественно в политической сфере" /Хазанов, 1975, с.257; Khazanov, 1981, p.164/. Во втором случае "кочевники, земледельцы и горожане оказывались интегрированы в рамках одной социоэкономической структуры. В них происходил синтез раннеклассовых отношений завоевателей с более развитыми классовыми отношениями завоеванных" /Хазанов, 1975, с.258; Khazanov, 1981, p.165/.

По существу это была первая попытка типологизации кочевых империй, которую автор впоследствии конкретизировал /Khazanov, 1984, p.231-233, 299-302/ и дополнил еще одной моделью - моделью смешанного земледельческо-скотоводческого общества, где классовая стратификация развивалась в соответствии с экономической специализацией между доминирующими пастухами и зависимыми оседлыми крестьянами и межэтническими различиями между ними /там же, p.233, 301-302/. Предлагаемая ниже схема

основана на развитии типологизации А.М.Хазанова, хотя и имеет определенные отличия. В ее основе лежат два главных критерия: 1) характер отношений с завоеванными народами, который во многом определялся настроениями кочевой аристократии ("проземледельческими" либо "простенными") и от которого зависело быть или не быть прочным созданному полиэтническому образованию; 2) характер природных, экономических, культурных и прочих условий, ускоряющих, либо, наоборот, тормозящих развитие связей между степью и земледельческим миром. Соответственно можно выделить три типа кочевых империй^ж.

Следует оговорить, что применение термина "тип", особенно в том контексте, который подразумевают, например, археологи, не совсем точно. Это не столько "типы", сколько возможные "идеальные модели", к характеристикам которых в процессе эволюции, под воздействием тех либо иных факторов, мог приблизиться тот или иной кочевнический социальный организм. Более того, на протяжении своего существования, в зависимости от конкретных обстоятельств, один и тот же социальный организм по своим характеристикам мог быть близок к параметрам различных "моделей-типов".

Кочевые империи первого типа больше чем иные имели право называться кочевыми, так как не включали земледельческих подсистем. Это, однако, не означало, что они не имели никаких связей с оседло-земледельческими цивилизациями. Они выступали как периферийный элемент региональной суперсистемы /Фурсов, 1987а, с.170; Ткачев, 1989, с.12-13, 34-35; Кульпин, 1990, с.149-150/. Но в то же время земледельческие общества являлись для кочевников важным источником получения прибавочного продукта.

^ж В более ранних работах эти модели были обозначены под номерами: соответственно, как первая, вторая и третья /Крадин, 1989а; 1989б; 1989в; 1990а, с.14/. Однако цифровая индексация не предполагает содержательной нагрузки, и поэтому я решил дефинировать эти модели более конкретно. При этом, по объективным причинам в печати до сих пор находятся несколько работ, в которых данные модели кочевых империй обозначены прежним способом. К сожалению, возможно, что данные статьи выйдут в свет после издания этой книги.

Нет достаточно веских оснований, чтобы характеризовать кочевые империи этого типа как "ранние государства" или "раннеклассовые общества". Еще раз повторю, что кочевые общества перед тем как начать политику широкой внешнеэксплуататорской деятельности должны быть консолидированы. Большая часть кочевников должна получать выгоды от экспансии или хотя бы ожидать получить их в обозримом будущем. С другой стороны, чем сильнее был объект экспансии, тем более консолидировано должно быть общество номадов. Не случайно практически все степные империи расположены по соседству с наиболее крупными из земледельческих цивилизаций, такими как Китай /Khazanov, 1984, p.233; Фурсов, 1988а, с.184; Крадин, 1990б; 1990в/.

Но завоевать или навязать вассалитет земледельческим государствам и в конечном счете создать империи иных типов удавалось только в периоды децентрализации или кризиса системы оседлых цивилизаций. В "нормальные" периоды функционирования системы кочевники не только не могли завоевать ее, но и не стремились к этому, отдавая предпочтение "дистанционной эксплуатации" /Фурсов, 1987а, с.170/. По их мнению, подвижный образ жизни являлся самой оптимальной стратегией против земледельческих цивилизаций. Кочевники, "когда они сильны, идут вперед для приобретения; когда слабы, то уклоняются и скрываются" /Бичурин, 1950, т.1, с.274/.

Завоевание происходило, как правило, только в периоды, когда оседло-городские цивилизации были ослаблены или находились в состоянии упадка. Рассматривая, в частности, историю разгрома монголами Китая, Д.Н.Гумилев удивляется, как кочевники, которых было меньше примерно в 80 раз, смогли одержать победу. Очевидно, делает он вывод, "побежденные в ней были повинны не менее победителей" /1970, с.397/. В таких ситуациях, по мнению А.И. Фурсова, получение "дани" становилось нерегулярным и нередко единственным условием сохранения военно-политической машины кочевой империи было завоевание оседлого общества /Фурсов, 1988в, с.184/.

Установление стабильной "дистанционной" эксплуатации способствовало усилению социального и имущественного неравенства, антагонизмов, вследствие чего отношения между кочевой верхушкой и простыми номадами (хотя все же в большей степени это касается

обедневших и неполноправных членов общества) могли принимать неравнотный ранноклассовый характер. Однако усиление антагонизма внутри кочевого общества могло в конечном счете привести к потере таких характеристик, которые бы обеспечивали высокий внутренний "энергoпотенциал" системы. Иными словами говоря, существование кочевых империй за счет внешних ресурсов требовало сохранения военно-политической машины, что тормозило развитие внутренних противоречий.

Кочевые империи этого типа имели, пожалуй, наиболее широкое распространение в евразийских степях. Образовавшаяся в III в. до н.э. сяньцунская держава и сменившие ее объединения сяньби, Жужанский, Тюркский и Уйгурский каганаты были основаны на дистанционной эксплуатации /Гумилев, 1960; 1967; Кляшторный, 1964; 1986; 1986а; Таскин, 1973; 1984; Давыдова, 1975; Kwanten, 1979; Cambridge History ... , 1990, part 5, 11, 12 и др./ Такой же первоначально была и империя Чингис-хана, а после ее распада на отдельные улусы традиция грабительского отношения к земледельческому миру была продолжена во владении, доставшемся Чагатаю /Владимирцов, 1934; Grousset, 1970; Гумилев, 1970; Мункуев, 1970; Гонгор, 1974; Марков, 1976, гл.2; Kwanten, 1979; Kazanov, 1980; 1984, p.234-254/. В Европе к империям этого типа можно отнести Скифию V-IV вв. до н.э., Гуннскую державу, Аварский каганат, Приазовскую Болгарию /Grousset, 1970; Хазанов, 1975; Мурзин, 1989; Павленко, 1989, с.107, 224 и сл.; Cambridge History... , 1990, part 4, 7, 8, 9/. Поскольку этот тип является, пожалуй, самым распространенным и к тому же в отличие от других моделей, имевших смешанную природу, был чисто кочевым, то для его характеристики можно предложить термин "типичная кочевая империя".

В империях второго типа кочевники и земледельцы входили в состав одного политического организма, но продолжали жить отдельно в собственных экологических зонах и сохраняли различные социально-экономические структуры. Их интеграция принимала лишь политический характер. Иногда это выражалось в том, что кочевники и земледельцы входили в состав одной общественной системы (т.е. в данном случае страны), иногда ограничивалось вассальной зависимостью земледельцев и горожан от номадов.

Общественные отношения в кочевых империях этого типа

определялись тремя основными факторами: 1) характером связей номадов в целом с населением завоеванных территорий; 2) отношениями между кочевой аристократией и простыми кочевниками; 3) отношениями верхушки номадов ко всему оседлому населению.

Взаимоотношения между кочевниками, с одной стороны, и земледельцами и горожанами, с другой, носили ограниченный характер и не выходили за рамки односторонних политических связей. В форме навязываемого кочевниками регулярного взимания дани, либо закрепленного налогообложениями. Кочевая аристократия, ставшая правящим классом в полиэтничном государстве, как правило, устранилась от непосредственного управления завоеванными территориями. К тому же вмешательство в управление часто было попросту невозможно из-за сложности бюрократического аппарата оседло-земледельческих государств. Вследствие этого эксплуатация, даже если она принимала самые жестокие формы, не затрагивала основ экономики и социальных отношений земледельцев и не трансформировала их с номадами в одну структуру. Все это вело к тому, что кочевники, являясь гегемоном в политической сфере, в социально-экономических отношениях оказывались более отстающими, чем завоеванные земледельцы. Поскольку ведущей формой эксплуатации в империях этой модели было данничество /Крадин, 1990б/, то их можно дефинировать как "даннические кочевые империи".

Отношения между кочевой аристократией и простыми номадами могли приобретать раннеклассовую форму, ибо частная собственность на средства производства в кочевых обществах потенциально способствовала развитию эксплуататорских отношений. Но чаще связи между этими стратами оставались "протоклассовыми", так как простые кочевники продолжали оказывать своей верхушке военную и общественную поддержку в борьбе против земледельческого мира. Аристократия выступала в таком случае в роли вождей различных иерархических линий, а экономические и социальные связи продолжали функционировать в рамках редиистрибутивных механизмов.

Вхождение в состав кочевых империй земледельческих обществ всегда стимулировало изменения в среде кочевников. В степи возникали города /Крадин, 1988/, проходила частичная седентеризация кочевников. Но эти процессы не были необратимыми. Они могли выступать лишь предпосылками для дальнейшего развития, однако на ином базисе. Пока внешнеэксплуататорский характер деятельно-

сти преобладал над внутренним экономическим развитием, существование кочевых империй было нестабильным, даже несмотря на видимое благополучие. Все зависело от политического соотношения сил.

В эволюции даннических кочевых империй можно выделить три возможные самостоятельные варианта /Khazanov, 1984, p.232; Крадин, 1989в, с.75-76; 1990а, с.14/.

Первый был опосредован изменением политического соотношения сил между кочевой и оседлой субсистемами, отдслением земледельческих территорий и, следовательно, прекращением поступления прибавочного продукта в кочевое подобщество. Соответственно, империи распадались, города заустевали, уменьшался удельный вес земледельческого уклада внутри кочевой подсистемы, происходила номадизация населения, пышно расцветшая культура приходила в упадок.

Другой вариант, по мнению А.М.Хазанова, был "обусловлен дальнейшим усилением и конечным возобладанием седентеризационного процесса. В результате кочевое общество переставало быть таковым, оставаясь преимущественно земледельческо-городским и развиваясь уже совсем в другом русле, хотя и сохраняя при этом значительный кочевой уклад" /Хазанов, 1975, с.258; Khazanov, 1981, p.165/. На мой взгляд, этот путь эволюции был существенно ограничен особенностями различных природных зон. Трудно представить, чтобы империи, возникшие в Половецкой степи или в Центральной Азии, могли превратиться в земледельческие государства. Возможностей для занятия земледелием в аридных степях и полупустынях мало. Чтобы перейти к земледельческой экономике, кочевникам необходимо было проживать в зонах благоприятствующих как для земледелия, так и скотоводства.

И, наконец, последний вариант был связан с миграцией на территорию завоеванных земледельцев, развитием седентеризации и трансформацией империй этого типа в кочевые империи третьей модели.

Характерным примером даннических кочевых империй являлось государство монголов Юань в Китае. "Хотя /вы/ получили Поднебесную сидя на коне, - поучал завоевателей киданий Елюй Чуцай, - но нельзя управлять /ею/ сидя на коне". /цит. по: Мункуев, 1965, с.73/. Монголы стали осуществлять систематическую

эксплуатацию сельскохозяйственного населения на основе традиционных для Китая методов управления. Кочевники в этой системе заняли определенную социальную нишу – верхние уровни администрации и армию, но основная часть монголов осталась в степных областях империи. Несмотря на значительные экономические и социальные контакты, этнической конвергенции между победителями и завоеванными не происходило, и даже смещение акцентов в политике верховной власти и перевод столицы империи в 1264 г. в Пекин не смогли нарушить противостояние сил. Развитие событий происходило по первому варианту, и после того как баланс сил между монголами и китайцами изменился, кочевники были свергнуты и изгнаны в степь / Grousset, 1970; Мункуев, 1970а; Боровкова, 1971; Далай, 1983; Kwanten, 1979/.

Типичным примером даннических кочевых империй, эволюционировавших по первому из выделенных вариантов, был и другой наследник державы Чингис-хана – Золотая Орда. Однако в отличие от монгольской политики в Китае, ханы Орды предпочитали управлять издалека, собирая дань наездами. Они кочевали со своими стадами и войсками по обильным пастбищам Дешт-и-Кыпчака, построили на берегу Итиля столицу – город Сарай, создали бюрократический аппарат для управления зависимыми оседлыми территориями / Spruler, 1965; Греков, Якубовский, 1950; Сафаргалиев, 1960; Федоров-Давыдов, 1973; Егоров, 1985/. Но доминирование кочевников над земледельцами не могло быть вечным. В конечном счете, соотношение сил выравнялось, а Куликовская битва и последующие поражения золотоордынцев привели к распаду империи на отдельные ханства, которые, впрочем, еще долго продолжали оставаться для земледельцев опасным соседом.

Второй вариант эволюции даннических кочевых империй мог осуществляться только в экологических условиях, одинаково благоприятствовавших как для земледелия, так и для скотоводства. По такому пути, вероятно, должно было развиваться киданьское общество после создания империи Ляо и покорения Северного Китая / Wittfogel, Fei Chiansheng, 1949; Думан, 1955; Крадин, 1990а и др./ и Хазарский каганат / Плетнева, 1986; Новосельцев, 1990/, однако насколько данная тенденция могла бы реализоваться, сейчас можно только догадываться. Хазары были разбиты русскими князьями, а киданей разгромили их бывшие данники – чжурчжэни,

создавшие на обломках лясной государственности собственную империю Цзинь. Этот вариант эволюции в евразийских степях очень подробно рассмотрен в работах С.А.Платцевой /1967; 1982; 1987/, однако вряд ли оправданно его возводить в ранг общекочевнических универсалий.

Кочевые империи третьей модели образовывались после завоевания номадами оседлых государств и миграции на их территорию (в том числе и данническими кочевыми империями). В результате кочевники и земледельцы делили одну экологическую зону и оказывались объединены в рамках одной социополитической и даже экономической системы. Это нередко отрицательно влияло на земледельцев, но форсировало развитие номадов. Верхушка кочевого общества в течение короткого срока становилась правящим классом в государстве, сливаясь с местной знатью, либо уничтожая ее. Имущественное и социальное положение простых кочевников постепенно опускалось до уровня эксплуатируемых классов, ухудшался их общественный престиж и постепенно они сливались с подвластным населением завоеванных стран. Некоторое время они, правда, могли сохранять особое положение, являясь главным поставщиком военной силы. Но это было нехарактерно.

В конечном счете тенденции развития общества определялись характером отношений в оседло-земледельческих областях государства. К тому же, частично или полностью постепенно оседая, номады в таких обществах переставали быть кочевниками в прямом смысле этого слова, тем более, что седентеризационные процессы в кочевых империях данного типа осуществлялись более интенсивно /Khazanov, 1981, p.164-166; 1984, с.232-233, 300-301/. Учитывая переменную природу этих империй и направленный характер их эволюции в сторону комплексных оседло-скотоводческих обществ, их можно называть "переходными кочевыми империями".

В истории древнего Востока регулярно случались ситуации, когда воинственные скотоводы-горцы завоевывали земледельческое население и, сливаясь с его господствующими группами, эксплуатировали крестьян-общинников (Аккад и гуттии в начале III тыс. до н.э., III династия Ура и амореи в XX в. до н.э., Вавилон и каситы в XV в. до н.э., Египет и гиксосы в начале II тыс. до н.э., хетты, персы и др.) /Kienig, 1974; Vardiman, 1977; Brentjes, 1981; Дандамаев, Луконин, 1980; История древнего Востока...,

1983; История древнего мира, 1983; Дандамаев, 1985/. К числу характерных переходных кочевых империй следует отнести также Парфянскую и Кушанскую державы, Третье Скифское царство /История народов..., 1986, с.62-75; История древнего мира, 1982, т.П, с.465-472; т.Ш, с.148-151; Хазапов, 1975, с.246-251, 259/.

По тем же законам происходило создание кочевниками эквополитарных государственных образований на рубеже поздней древности и раннего средневековья. Данный период в китайской историографии получил название "шестнадцати государств пяти варварских племен". Самыми крупными из этих образований была империя Северная Вэй /Думан, 1955; Таскин, 1984, с.4; МИГД, 1984; МИКН, 1989; 1990/. Примерно в это же время происходили завоевания эфталитов, которые частично осели на захваченных территориях, а частично перешли к паразитическому существованию за счет завоеванных народов /История древнего мира, 1982, т.Ш, с.153; История народов..., 1986, с.221, 330-331/.

Уйгурское ханство первоначально было типичной кочевой империей, но после разгрома кыргызами и переселения в Восточный Туркестан, уйгурское общество стало развиваться по законам модели переходных империй /Тихонов, 1964; Малавкин, 1983/. К числу кочевых империй этого типа можно отнести также империи Сельджуков и Караханидов, Дунайскую и Волжскую Болгарию, государство Ильханов в Иране /Spuler, 1955; Агаджанов, 1969; 1973; Петрушевский, 1977; Kwanten, 1979; Cambridge History..., 1990, part 10, 13 и др./.. По этим же закономерностям развивались и государства скотоводов Межозерья в Восточной Африке (Анкола, Китара и др.) /Krader, 1968, p.43-51; Service, 1975, p.117-122; Cohen, 1978; Steinhart, 1978; Годинер, 1982/.

Чаще всего "первичными" были типичные кочевые империи, хотя в принципе возможен результат миграции и завоевания земледельческого государства "племенной конфедерацией". Кроме того, империи переходной модели, в случаях, когда кочевники и земледельцы изначально занимали одну экологическую зону, как это было в Буганде (впрочем, тут точнее говорить о скотоводах, полуседлых или полукочевых), могли образовываться сразу, минуя "этап" типичных кочевых империй.

Данные кочевые империи представляли собой своеобразное промежуточное состояние между типичными и переходными империя-

ми, являясь однако особым вариантом эволюции номадизма в евразийских степях. От типичных кочевых империй их отличал: 1) более регулярный характер эксплуатации (вместо эпизодической дани, "подарков", разбойничьих грабежей - регулярная данническая эксплуатация); 2) как следствие этого урбанизация и частичная седентеризация в степи; 3) как возможный, но маловероятный вариант - усиление эксплуатации простых номадов; 4) формирование бюрократического аппарата для управления завоеванными оседло-городскими обществами. От переходных кочевых империй даннические империи отличались тем, что в первых вместо устремлений аристократии на консолидацию с простыми кочевниками или хотя бы ее видимость, чаще проводилась политика на изоляцию и разоружение рядовых воинов кочевников. В переходных империях был более тесный характер социально-экономических и политических связей между оседлой и номадной подсистемами и общество ориентировалось на их слияние. Напротив, даннические кочевые империи, если их верхушка была против симбиоза с земледельцами, генетически были обречены на раскол и гибель полиэтнического общества.

Таким образом, в соответствии с двумя тенденциями, сосуществовавшими и противоборствовавшими в обществах номадов, можно выделить три типа или модели кочевых империй. "При всех завоеваниях возможен тройкий исход. Народ-завоеватель навязывает побежденным свой собственный способ производства (например, англичане в этом столетии в Ирландии, отчасти в Индии); или он оставляет старый способ производства и довольствуется данью (например, турки и римляне); или происходит взаимодействие, из которого возникает нечто новое, некий синтез (отчасти при германских завоеваниях)" /Маркс, Энгельс, т.46, ч.1, с.34/.

Впрочем, эти модели, рассмотренные здесь лишь эскизно, поскольку тема "кочевого империализма" - это тема отдельной книги /Крадин, рукопись/, по всей видимости, имели универсальный характер и могут быть прослежены в той или иной вариации в истории. Правда, нельзя не заметить, что кочевые империи возникали как средство адаптации к крупным земледельческим цивилизациям /Фурсов, 1988а; Крадин, 1990б; 1990в/, поэтому выделенные три типа чаще встречались не в форме империй, а в

несколько уменьшенном масштабе в виде простых и сложных вож-
деств, а также военно-иерархических структур. Думается, что в
этом отношении между кочевниками древности и средневековья
(отчасти и нового времени) в различных регионах Африки и Евр-
азии не наблюдалось принципиальной разницы как хронологически,
так и территориально.

ИСТОРИЯ НОМАДИЗМА И ФОРМАЦИОННЫЙ ПРОЦЕСС

В течение нескольких тысячелетий кочевые народы занимали особую природную и социально-экономическую "нишу" и играли специфическую роль в человеческой истории. Эта роль не сводилась к положению "трутней человечества", однако не была столь велика, чтобы придать импульсы для технологического переворота и становления индустриальной мегаформации. Осваивая огромные аридные пространства, номады значительно расширили границы Ойкумены. Их миграции и завоевания оказали весомое влияние на ход развития многих древних и средневековых земледельческих обществ, на этническую историю народов мира. Коридор Великой степи являлся одной из важнейших трансконтинентальных артерий, по которой транслировалась политическая, технологическая и культурная информация, устанавливались транзитные связи между локальными цивилизационными центрами.

Что касается характера общественного устройства кочевых обществ, то подавляющее большинство исследователей, как марксистских, так и немарксистских, склонны отмечать менее сложную природу социальных систем кочевых скотоводческих обществ в сравнении с оседло-земледельческими. Тем не менее по поводу формационной (стадиальной) природы номадизма единства среди исследователей нет. Одни отстаивают тезис о позднепервобытном характере кочевых обществ, другие делают вывод о раннеклассовых отношениях у номадов, третьи называют эти отношения классовыми, феодальными, четвертые выступают за особый вариант развития кочевников-скотоводов.

Следует отметить, что производительные силы кочевых обществ относятся к натуральной системе производительных сил, в которой естественные факторы доминируют над искусственными, а живые формы труда над овеществленными. Кочевое скотоводство представляет собой природный процесс, специфически контролируемый в рамках человеческой деятельности, однако основа которого детерминирована экологическими и биологическими факторами. По этой причине экономика кочевых обществ может развиваться только вширь, за счет освоения новых пастбищных ресурсов. А поскольку такие ресурсы небезграничны, численность кочевников и количество поголо-

вья скота могли увеличиваться лишь до известных пределов, впоследствии циклически колеблясь вокруг определенной отметки вследствие благоприятных и неблагоприятных факторов.

Практически не изменились со времен древности включительно до нового и новейшего времени средства труда (скот), технология и методы ведения хозяйства, материальная культура кочевников. Экстенсивная экономика номадизма самостоятельно не была способна вызвать сколько-нибудь крупное разделение труда в степной среде, кроме торговли (однако широкое развитие последней — обратная сторона узкой собственной хозяйственной базы), препятствовала развитию предпосылок для эндогенных процессов классовообразования и политогенеза, толкала кочевников на установление связей различного типа с земледельческими цивилизациями. Учитывая, что последние имели более комплексную экономику и, в принципе, могли обходиться без продукции степного мира, то номадам нередко приходилось "стучаться к ним в дверь", отстаивать право на торговлю вооруженным путем.

Таким образом, технологический уровень и характер экономического базиса номадизма не должны были способствовать внутреннему социально-экономическому развитию кочевых обществ, такому базису больше должны соответствовать первобытные формы социополитической организации. Конечно, внутренняя структура кочевничества имела далеко не эгалитарный характер. Социально-экономические отношения у кочевников имели сложную, во многих обществах многоукладную природу. Номадам имманентно была присуща частная собственность на средства производства, лица, аккумулировавшие ее в значительных размерах, зачатки эксплуатации*. И тем не менее большинство кочевых обществ потенциально было предклассовыми (Ю.В.Павленко предложил для таких структур термин "протоклассовый" /1989, с.157-161/).

*

Именно зачатки, поскольку вряд ли будет правильным относить к предклассовому обществу то, в котором "существовали многообразные формы эксплуатации" /Семенов, 1982, с.54/. Если это предклассовое общество, то ни о каких развитых формах эксплуатации не может быть и речи: в лучшем случае это — "предэксплуатация" или зачаточные формы социальных антагонизмов. В противном случае логика нарушается.

Но как в таком случае объяснить внезапное усиление кочевых народов, превращение их в мировые империи, перед которыми трепетали королевские дворы многих земледельческих стран Европы и Азии? И разве можно говорить о "военно-демократическом" или "патриархальном" характере этих империй, если они были основаны на эксплуатации, охватывали гигантские территории и многомиллионное население?

Данную проблему пытались решить в рамках своих оригинальных теорий А. Тойнби и Л. Н. Гумилев. А в советском ортодоксальном марксизме для объяснения этих вопросов была выработана теория "кочевого феодализма". При этом кочевые империи, возникшие до середины I тыс. н. э., объявлялись либо рабовладельческими (раннерабовладельческими) обществами, либо племенными союзами, а все политические образования кочевников последующего времени при их практически полном структурном тождестве с предшественниками, почему-то назывались феодальными (раннефеодальными) государствами. Главная причина образования империй виделась исключительно в борьбе между классами кочевых феодалов и крепостных аратов-скотоводов и в создании организации для регуляции этой борьбы — государства.

Однако в теории "кочевого феодализма" изначально были заложены неразрешимые противоречия. Я уже неоднократно, в том числе и в этой книге, ссылаясь на работы Э. Геллнера, в которых они были сформулированы. Главное противоречие — это то, что нomaдизм не интерпретируется в рамках основного закона ортодоксального истмата — "закона соответствия производительных сил производственным отношениям". Как, исходя из принципа соответствия "базиса" и "надстройки", объяснить возникновение, расцвет и гибель степных империй, где степень развитости "надстройки" варьировалась между акефальными племенными структурами и иерархическими военно-имперскими образованиями, а "базис" (экстенсивное кочевое скотоводство) оставался неизменным?

"Феодалисты" и "пятичленщики" попросту закрыли глаза на принципиальную разницу в потенциях и пределах развития между земледелием и экстенсивным скотоводством, существенно завысив тем самым уровень развития "базиса" кочевых обществ. Их критически настроенные оппоненты — сторонники "предклассового" подхода — исходили из противоположного. Они, как и положено марксистам, опирались на установленный факт экстенсивности кочевого скотоводства, мало

изменившегося с течением времени. Первобытный "базис" кочевых обществ предполагал и их первобытную "надстройку". Следовательно, номады в своем развитии достигали самое большое позднепервобытной (предклассовой, дофеодальной, патриархальной и пр.) стадии.

Последнее решение проблемы, несомненно, являлось в дискуссии шагом вперед уже хотя бы потому, что проблема была выведена за рамки схоластических споров о том, что важнее для кочевников — земля или скот. Однако вывод о предклассовом характере номадизма привел к занижению уровня развития "надстройки" ряда кочевых обществ /ср.: Попов А.В., 1986, с.163/, а те империи, которые уж явно выпирали из позднепервобытной модели номадизма, были подведены под диаматовские категории "случайности и необходимости" и интерпретированы как временные и эфемерные политические образования. Но такими ли эфемерными выглядят кочевые империи в сравнении, например, с тоталитарными империями современности?

Тем не менее марксистский подход к номадизму далеко не исчерпал себя. Во-первых, от большинства марксистских кочевниковедов как-то традиционно ускользает обстоятельство, что номадизм это не закрытая система, и его нельзя рассматривать только в контексте внутренних законов. Впрочем, данный аспект системного подхода по существу изначально игнорировался в марксистской теории общества, где основной причиной эволюции виделись противоречия между производительными силами и производственными отношениями. Лишь немногими исследователями указывалось на необходимость привлечения к анализу внешних факторов /Илларионов, 1982, с.165/.

Поэтому кочевые общества следует рассматривать с точки зрения их взаимоотношений с Внешним Миром /Кназаров, 1984/, как подсистему более широкой, региональной или континентальной суперсистемы. Будучи открытой системой, номадизм обменивается энергией с внешней средой. Интенсивность и характер потоков энергии, идущих из внешней среды, вызывает флюктуации, вынуждает перестраиваться внутреннюю структуру номадизма и даже временно может вывести систему на новый режим функционирования. Следовательно, не характер внутреннего развития, а рефлексия на внешние природные и социальные импульсы определяет специфику социально-экономической и социополитической структуры кочевничества.

Во-вторых, необходимо критическое переосмысление самого теоретического наследия марксизма (в том числе классических тек-

тов), насыщение теории современными достижениями истории и социальной антропологии. Так, при более емком понимании категории "производительные силы" за счет включения социального компонента, представляется, что производительные силы кочевых обществ это не только примитивная технология и экстенсивное присваивающее производящее хозяйство, но и специфические формы социополитической организации (*Gemeinwesen*) номадизма, от племенных союзов и вожеств до кочевых империй. Эти формы социополитической организации являлись тем средством, с помощью которого номады обеспечивали организацию экспансии, доминирование над земледельцами и получение от них необходимой сельскохозяйственной и ремесленной продукции.

В таких условиях ведущей, системообразующей в кочевых обществах была внешнеэксплуататорская деятельность — **э к з о п о л и т а р н ы й** способ эксплуатации. Это разнообразные формы (периодические набеги, регулярный грабеж, война и взимание контрибуции, навязываемый вассалитет, данничество, непосредственное завоевание с установлением "суперстратификации" и пр.) были широко распространены у кочевников древности, средневековья и отчасти нового времени.

При этом прослеживается корреляция между величиной объекта экспансии кочевников и размерами социополитической системы самих завоевателей. И если номадам, соседствовавшим с небольшими общинными, вождескими и государственными структурами, достаточно было объединиться в вождество или племенную конфедерацию, чтобы организовать экспансию, то кочевникам, граничившим с крупными оседло-городскими цивилизациями, необходимо было иное средство адаптации к внешнему миру — кочевая империя. По характеру отношений, складывавшихся между завоевателями и завоеванными, можно выделить три типа экзополитарных политических образований и кочевых империй ("типичный", "даннический", "переходный").

В процессе установления "суперстратификации" государственные функции (если точнее — их карательно-принудительную часть) выполнял сам кочевой социум, покоривший оседло-земледельческое общество. Он выступал в данной ситуации как "класс-этнос" и специфическое экзополитарное — направленное вовне государство, возвышавшееся в качестве "надстройки" над оседло-земледельческим "базисом". При этом функции верхних звеньев государственного аппарата выпол-

няла кочевая аристократия, а простые номады непосредственно осуществляли экспансионистские и репрессивные задачи.

Определенным образом трансформировались социокультурные ценности общества. Среди номадов складывалось представление о большей престижности военных грабительских походов и завоеваний, в сравнении с мирным скотоводческим трудом. Это накладывало отпечаток на жизнь кочевников, послужило основой для формирования у них культов войны, война-всадника, героизированных предков, нашедших, в свою очередь, отражение как в устном творчестве (героический эпос), так и в изобразительном искусстве (звериный стиль и др.).

Вышеизложенные характеристики кочевых обществ не позволяют соотнести их ни с одной из моделей традиционной метаформационной стадии.

Кочевые общества не могут быть отнесены к рабовладельческому способу производства по следующим причинам:

1) рабовладельческий уклад не получил, да и, в принципе, не мог получить у номадов значительного распространения;

2) внешняя эксплуатация периферии занимала важное место в экономике антично-рабовладельческих государств, однако системообразующими в античности, в отличие от кочевых обществ, выступали отношения эндоэксплуатации — рабовладельческий уклад;

3) рабовладельческие отношения преимущественно осуществляются внутри небольших социально-экономических ячеек (домохозяйств, общины), тогда как экзоэксплуататорская деятельность в кочевых обществах принимает всеобщий, макросоциальный характер.

Пожалуй, единственная сходная черта кочевых обществ с античными обнаруживается в противопоставлении себя всему остальному миру. "Предпосылкой дальнейшего существования такой общины, — писал К.Маркс об античном типе *Gemeinwesen*, что отчасти справедливо и для номадизма, — является сохранение равенства между образующими его свободными и самостоятельно обеспечивающими свое существование крестьянами... с другой же стороны, направление этого небольшого воинственного коллектива толкает его на эти пределы" /Маркс, Энгельс, т.46, ч.1, с.467; ср.: Куббель, 1987, с.4/.

С азиатским (государственным, политарным) способом производства кочевые общества сближает необходимость кооперации гигант-

ских человеческих ресурсов для проведения массовых общественных работ. С другой стороны, государственный (политарный) уклад получил развитие в некоторых суперсложных социальных организмах номадов (кочевые империи даннического и переходного типов), и подчас они имели ярко выраженный деспотический характер. Самый яркий пример этого — империя Чингисхана и его ближайших преемников. Однако и отличия не менее существенны:

1) в азиатском способе производства кооперация усилий масс производителей была подчинена внутренним задачам (ирригация, строительство культовых и оборонительных сооружений — пирамид, храмов, засек, Великой стены и пр.), тогда как у кочевников она направлена вовне собственного социального организма — на изъятие земледельческой и ремесленной продукции у своих соседей земледельцев;

2) в восточных структурах важна не столько сама кооперация для общественных работ (ирригация, пирамиды и пр. являются самым ярким, но отнюдь не обязательным показателем азиатского способа производства), сколько централизованно-редистрибутивная организация экономики. Государство здесь — главный организатор, важный агент производственных отношений. Для кочевников же оказывается более важной именно интеграция, рассредоточенных по обширным степным пространствам, номадов в единый экзополитарный или империяльный механизм. Набеги могут осуществляться как строго иерархической, дисциплинированной армией, так и просто "ордой";

3) даже в самых деспотических кочевых структурах повинности, взимаемые с простых номадов, были невелики в сравнении с эксплуатацией завоеванных земледельцев и не являлись главным источником доходов кочевой аристократии. К тому же развитие антагонистических отношений внутри кочевого общества сдерживалось необходимостью поддержания единства среди эксплуататоров-кочевников. Следовательно, нельзя говорить о преобладании данной тенденции в социально-экономической структуре кочевых обществ;

4) различные темпы эволюции неевропейских земледельческих обществ и номадов. Если азиатский способ производства хоть и медленно, но все же эволюционировал "по туго сжатой спирали", то в истории кочевых обществ, во многом детерминированной естественными факторами, движение по кругу доминировало над прогрессивным развитием.

В таком случае, быть может, наиболее оптимальной для кочевых обществ, является феодальная модель? Думается, что нет:

1) основу феодального, как и азиатского, и рабовладельческого способов производства, составляют отношения эндоэксплуатации, тогда как в кочевых обществах системообразующей выступает экзоэксплуатация;

2) в феодальном способе производства не предполагается такая степень централизации и кооперации людских ресурсов, как в кочевых и неевропейских земледельческих обществах;

3) частнособственническая эксплуатация малоимущих и бесскотных номадов богатыми скотовладельцами посредством отдачи скота на выпас ("саун") или привлечением в качестве работников в собственные хозяйства была присуща кочевым обществам с глубокой древности ввиду специфики их экономического базиса. Однако необходимость внутренней консолидации и ряд других факторов служили тормозом для развития этих отношений. Тенденции к усилению эндоэксплуатации получили распространение только в новое и новейшее время;

4) теория кочевого феодализма была сформулирована в основном на материалах нового и новейшего времени, когда кочевничество, не способное конкурировать с преиндустриальными и раннеиндустриальными странами, пришло в упадок, и была деформирована его традиционная социально-экономическая структура. По этой причине для подтверждения существования феодализма у номадов использование только материалов нового времени следует считать методически ошибочным. Но даже и в период заката номадизма данный уклад не был господствующим (за исключением, быть может, редких случаев), ни тем более единственным. К тому же сторонники теории кочевого феодализма часто значительно модернизировали изучаемые ими отношения.

Имеются также основания и более общего характера. Прокрустово ложе пятичленного марксизма не давало оснований для сомнения в том, что любые послепервобытные общества до V в. н.э. были только рабовладельческими, а после указанной даты — только феодальными. Но подведение значительного числа столь малосхожих между собой явлений под два эти предельно упрощенные знаменателя не только не сняло проблему, а только обострило ее. Наука, даже стиснутая догматом, развивается не по директивам и лозунгам,

а по своим собственным законам! Так появились, если говорить о средневековье – эпохе после У в. н.э., "восточный", "кочевой", "торский" и прочие феодализмы. Но никому и никак не удавалось синтезировать их в общее целое.

О.Латтимор верно заметил, что такие универсальные термины, как феодализм, часто подчеркивают "сходство, но часто и уничтожают различие" /Lattimore, 1979, p.408/. Эту мысль можно продолжить ссылкой на слова В.Я.Израйтеля, что чрезмерное расширение в советской науке понятия феодализм позволило подвести под этот термин такое число вариантов, "что возникло сомнение, есть ли между этими вариантами что-нибудь общее" /1975, с.46; см. также: с.48,49; Гуревич, 1990, с.34/. И действительно, расширительное толкование термина полностью лишает его содержательной нагрузки. Какой смысл в его использовании, если при этом уничтожаются все имеющиеся различия: между Западом и Востоком, между кочевниками и земледельцами?

По этой причине нельзя не согласиться с мнением А.В.Мещерякова, заметившим в специальной статье, посвященной термину "феодализм", что под последним целесообразнее оставить "его первоначальный в марксистской историографии смысл, тождественный смыслу феодализм классический... понятие же феодализм государственный следует признать логически некорректным", ведь "вряд ли кто из специалистов будет утверждать, что феодал – частный вотчинник и чиновник государственного аппарата одно и то же лицо" /1984, с.172,179/.

Таким образом, о феодализме как особом типе общества, с такими отличительными чертами, как "сеньориальный способ производства", вассалитет, раздробленность, рыцарская мораль, особый тип ментальности и пр., можно говорить лишь в узких хронологических и территориальных рамках – применительно к средневековой Европе /ср.: Илюшечкин, 1980, вып.2, с.424–429; 1986а, с.122–123; Князев, 1984, р.298; Васильев Л.С., 1987, с.34–37 и др./.. К такому же выводу приводит анализ дискуссии о "восточном феодализме", прошедшей в конце 80-х гг. на страницах журнала "Народы Азии и Африки" /Алаев, 1987; Фурсов, 1987; Седов, 1987; Илюшечкин, 1987; Васильев Л.С., 1988а; Киселев Г.С., 1988; Коротяев, Кузьминов, 1989 и др./..

Таким образом, несмотря на потенциально позднепервобытный

характер номадизма, а также возможное присутствие в кочевых обществах, в зависимости от тех или иных факторов, в качестве отдельных подсистем эксплуатации простых свободных номадов элитой общества, эксплуатации зависимых категорий населения, ведущих самостоятельное (полусамостоятельное) хозяйство, и лиц, работающих в хозяйстве эксплуататора, по своей структуре кочевничество не может быть соотнесено ни с одной из имеющихся моделей доиндустриальных общественных формаций. В таком случае остается одно единственно возможное решение: для кочевых обществ характерна своя самостоятельная линия социальной эволюции.

В марксистской историографии были предложены два варианта обоснования формационной специфики кочевых обществ. В середине 60-х гг. Г.Е.Марков, опираясь на высказывания К.Маркса о пастбищном скотоводстве как о способе производства номадов /Маркс, Энгельс, т.12, с.724; т.46, ч.1, с.34/, сформулировал вывод о кочевническом способе производства. В 70-е гг. французские структурные марксисты использовали идею "германского способа производства" К.Маркса для создания концепции номадной формации, основой которой являлась частная собственность на средства производства и, следовательно, внутренняя классовая стратификация.

Однако не следует эклектически смешивать в одной классификации "технологические способы производства" и "общественные способы производства" /об их различии см.: Илюшечкин, 1986а, с.100-106/. Когда речь идет о "технологических" способах производства (собираательство, скотоводство, земледелие и пр.), а не об "общественных" (первобытность, рабовладение, социализм), под производством необходимо понимать не способ, которым осуществляется получение энергии из естественной среды социумом или индивидами, а форму организации общества, посредством которой происходит это присвоение. Поэтому номадизм не является особым способом производства, а лишь отдельной формой экономической деятельности, характерной для аридных экологических зон. Он должен стоять на одной типологической линии с охотой, рыболовством, земледелием, но никак не с азиатским способом производства, рабовладением, феодализмом, капитализмом /Khazanov, 1984, p.193; см. также: Лашук, 1967а, с.107; 1973; Качановский, 1971, с.33-34/.

Нельзя согласиться и с использованием модели "германского способа производства" для объяснения специфики номадизма. Во-первых, по К.Марксу "германский" тип *Gemeinwesen* являлся

фундаментом феодальной формации, а о кочевниках К.Маркс писал только в рамках "азиатской" модели /Маркс, Энгельс, т.46, ч.1, с.462,479,480/. Во-вторых, кочевые общества имеют сходные черты не только с "германской", но и с "азиатской", и "античной" формами, однако ни с одной из них не могут быть сопоставимы напрямую. Кочевники обладали динамичной внутренней структурой, тогда как эти модели были сформулированы для описания для земледельческих обществ. И, наконец, в-третьих, можно согласиться с мнением Ф.Тэкеи, что К.Маркс имел мало материалов, причем весьма сомнительного свойства, когда писал о германцах, и поэтому аналогия между "германским способом производства" и номадизмом может оказаться методологически неверной /Тэкеи, 1982, р.537-538/.

Методологически правильно ставить вопрос о существовании особого антагонистического способа производства и, соответственно, об особой общественно-экономической формации только в том случае, если обосновывается существование еще одного способа эксплуатации, отличного от уже известных и являющегося системообразующей подсистемой структуры общества. И в этом плане, на мой взгляд, вполне корректной представляется вывод об особом э к з о н о л и т а р н о м способе производства.

В то же время общеизвестно, что внешнеэксплуататорская деятельность была очень широко распространена в истории, начиная с заключительных этапов первичной мегаформации, причем не только у кочевников. "Война есть один из самых первобытных видов труда" /Маркс, Энгельс, т.46, ч.1, с.480/. Но для социальных организмов с прочной аграрной и/или индустриальной внутренней экономической структурой внешние источники хотя и играли важную роль и подчас придавали системе новые, ранее не присущие черты, тем не менее не играли системообразующую роль. В качестве примера можно сослаться на историю античности, где, несмотря на громадное значение, которое имели внешняя экспансия и империалистский характер общества /Циркин, 1988/, наиболее выпукло для общества выступали отношения между рабами и рабовладельцами. Они придавали многоукладной общественной структуре неповторимые черты, что послужило основанием для выделения рабовладельческой формации.

Напротив системы, единственным или основным способом жизнедеятельности которых являлись различные формы экзэксплуатации, были структурно неустойчивыми и, как правило, не имели сущест-

венных стимулов для своего дальнейшего развития. Чаще всего они через какой-либо промежуток времени распадались. В более редких ситуациях они могли влиться в более крупную, основанную на иных структурных принципах, систему. Такая нестабильность отчасти проистекает от случайного, негарантированного характера таких форм деятельности, как война и грабеж.

Другим важным моментом представляется то, что эти объединения нередко не являлись полноценными социальными системами по той простой причине, что не могли нормально демографически обеспечить свое воспроизводство. Впрочем, было бы ошибочным думать, что существование таких обществ, используя терминологию Л.Н.Гумилева /1989а, с.108/, "консорций", возможно только теоретически. Пиратство в отдельные периоды было настолько выгодным занятием, что образовывались целые пиратские республики и государства, как, например, Исаурия, Памфилия и особенно Киликия в Малой Азии /Снисаренко, 1986/, Либерталия на Мадагаскаре, остров Тортуга в Карибском море, знаменитый Порт-Ройал на Ямайке /Маховский, 1972/ и многие другие. Запорожская Сечь, как и подобные ей образования /об этом см.: Рознер, 1970/, также представляли собой общественные организмы, в которых важнейшим средством существования были военные походы за добычей. Кстати, применительно к казачеству уже имеются попытки поставить вопрос об их формационной природе /Никитин, 1987/. Этнографические источники также дают немало примеров обществ, основанных на грабеже и иных формах внешней эксплуатации. Для примера сошлюсь на африканских чиббачков /Cohen, 1981, p.105-109, III/.

Думается, более оптимальным вариантом была узкая внутренняя экономика, которая давала возможности для ограниченного существования, но не могла дать системе стимулов для усложнения и дальнейшего развития. Внешние завоевания и грабеж в таком случае являлись гарантом безбедного экономического существования и придавали неповторимые милитаристические черты общественной структуре. Классическим примером в этом плане являются варварские общества северной Европы. Нехватка ресурсов существования, избыток населения, потребность в богатствах и военнопленных приводили викингов к нападениям на соседние народы, пиратству и грабежам, военному наемничеству и миграциям в другие страны /Лебедев, 1985/.

Однако "эпоха викингов" составляла пусть и один из самых мрачных периодов в истории средневековой Европы, но в целом этап сравнительно непродолжительный. В наиболее развитой форме структуры, основанные на экзэксплуатации, получили развитие в истории взаимоотношений степного мира с земледельческими цивилизациями. С середины I тыс. до н.э. по середину II тыс. н.э. в аридных экологических зонах возникали уникальные по своей структуре образования — "кочевые империи", которые типологически должны быть поставлены на одну линию с восточными деспотиями, античными рабовладельческими государствами, феодальными королевствами.

Таким образом, я выступаю за существование у кочевых народов особой, отличной от ранее выделенных, общественно-экономической формации, основанной на внешнеэксплуататорской деятельности. Эта формация относится к традиционной мегаформационной стадии и в силу своих системобразующих свойств являлась тупиковой в общественной эволюции. Такой вывод вполне соответствует разделению на тупиковые и прогрессивные линии социальной эволюции человечества /Первобытная периферия..., 1978, с.8-9; Ершов, 1981, с.14; Фурсов, 1988, с.27; 1989, с.306 и др./. Думается, что только использование экзэксплуатации в качестве одного из источников для внутреннего развития, но не как самоцель, могло вывести общественную структуру на новый стадийный уровень социальной эволюции. Применительно к номадизму необходима была еще и седентеризация, и переход к комплексной экономике. В конечном счете, основанные на паразитической эксплуатации земледельческого мира экзополитарные образования номадов и кочевые империи распадались, а их составляющие звенья возвращались к исходному состоянию — на предклассовую стадию первичной мегаформации, которая, в принципе, была предельной (с небольшими возможными исключениями) для самостоятельного развития номадов. Таким в общих чертах мне представляется сейчас место кочевничества в формационной эволюции человечества. Насколько адекватно данная модель отражает историю номадизма покажут дальнейшие исследования.

Владивосток,
1988-1989, 1991

192
СОКРАЩЕНИЯ

ВАН	- Вестник Академии Наук
ВДИ	- Вестник древней истории
ВИ	- Вопросы истории
ВИМК	- Вестник истории мировой культуры
ВМГУ	- Вестник Московского государственного университета
ВФ	- Вопросы философии
ГО СССР ОЭ	- Географическое общество СССР. Отделение этнографии
ЖМНП	- Журнал Министерства народного просвещения
ИАН	- Известия Академии Наук
ИГАИМК	- Известия Государственной Академии истории материальной культуры
ИПО	- История первобытного общества
КСИА	- Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИИМК	- Краткие сообщения Института истории материальной культуры
КСИАЭ	- Краткие сообщения Института этнографии АН СССР
ЛОИЭ	- Ленинградское отделение Института этнографии АН СССР
МИА	- Материалы и исследования по археологии СССР
МИГД	- Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху
МИКН	- Материалы по истории кочевых народов в Китае III-V вв.
МИС	- Материалы по истории сунну
МКАЭН	- Международный конгресс антропологических и этнографических наук
НАА	- Народы Азии и Африки
ОПГИРФО	- Основные проблемы генезиса и развития феодального общества
ПИДО	- Проблемы истории докапиталистических обществ
ПИМК	- Проблемы истории материальной культуры
ПСИКА	- Проблемы социальной истории крестьянства Азии
СА	- Советская археология
СЭ	- Советская этнография

- СЭПИТ - Свод этнографических понятий и терминов
- ТВО - Труды восточного отделения императорского археологического общества
- ТИИЭ - Труды Института истории и этнографии
- ТИЭ - Труды Института этнографии
- ФН - Философские науки
- ХНИИЯЛИ - Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
- ЕАЗ - Ethnographisch-archäologische Zeitschrift
- JB - Jahrbuch des Museums für Völkerkunde zu Leipzig
- VM - Veröffentlichungen des Museums für Völkerkunde zu Leipzig

Абрамзон С.М. Фермы родоплеменной организации у кочевников Средней Азии // Родовое общество. Материалы и исследования (ТМЭ, н.с. т.14). М., 1951.

Абрамзон С.М. Энгельс и некоторые вопросы социального строя кочевых обществ // Тез. докл. годичн. научной сессии ДИИЭ 1969 г. Л., 1969.

Абрамзон С.М. Некоторые вопросы социального строя кочевых обществ // СЭ. 1970. № 6.

Авдиев В.И. Военная демократия и классовый характер древнейшего государства // ВИ. 1970. № 1.

Авербух М.С. Законы народонаселения докапиталистических формаций. М., 1967.

Аверкиева Ю.П. Разложение родовой общины и формирование раннеклассовых отношений в обществе индейцев северо-западного побережья Северной Америки // ТМЭ. Т.70. М., 1961.

Аверкиева Ю.П. Индейцы Северной Америки. М., 1974.

Агаджанов С.Г. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии в IX-XIII вв. Ашхабад, 1969.

Агаджанов С.Г. Сельджукиды и Турмения XI-XII вв. Ашхабад, 1973.

Агг А. Мир человека как субъекта производства. М., 1984.

Акишев А.К. Искусство и мифология саков. Алма-Ата, 1984.

Акишев К.А. Экономика и общественный строй Южного Казахстана и Северной Киргизии в эпоху саков и усуней (У в. до н.э.-У в. н.э.): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1986.

Алаев Л.В. Формационные черты феодализма в Восток // ИАА. 1987. № 3.

Алексеев В.П. О некоторых аспектах изучения производительных сил в империи Чингисхана // Всемирная история и Восток. М., 1989.

Алексеев В.П., Першиц А.И. История первобытного общества М., 1990.

Алексеев Г.А. Крестьянство и проблема земельной собственности при феодализме. М., 1974 (Деп. ИНИОН № 297/74).

Алёшкин В.А. Социальная структура и погребальный обряд древнеземледельческих обществ. Л., 1986.

Андреев И.Л. Экономические предпосылки складывания классов // Тр. Тюменск. индустр. ин-та. Вып.7. Ч.2. Тюмень, 1969.

Андреев И.Л. Тенденции и стадии генезиса классовообразования (IX МКАЗМ. Доклады советской делегации). М., 1973.

Андреев И.Л. Община и некапиталистический путь развития. М., 1974.

Андреев И.Л. Рукописная страница истории марксизма: (Проблемы общины и рода в рукописях К.Маркса 70-80-х гг.). М., 1985.

Андреев И.Л. Происхождение человека и общества. М., 1988.

Андреев С. Причины и следствия // Урал. 1988. № 1.

Андреанов Б.В. Неоседлое население мира: Историко-этнографическое исследование. М., 1985.

Андреанов Б.В., Марков Г.Е. Хозяйственно-культурные типы и способы производства // ВИ. 1990. № 8.

Аннинский С.А. Известия венгерских миссионеров XII-XIV вв. о татарах в Восточной Европе // Исторический архив. М., 1940. Вып.3.

Аполлова Н.Г. Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII-нач. XIX вв. М., 1960.

Арзыматов А.А. К.Маркс и Ф.Зигельс о главном средстве производства в кочевом обществе // К.Маркс и Ф.Зигельс о вопросах социальной диалектики. Фрунзе, 1983.

Арзыматов А.А. Марксизм-ленинизм о роли собственности в развитии феодализма // Методологические вопросы материалистического понимания истории. Фрунзе, 1986.

Аристов Н.А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности // Живая старина. 1896. Вып. III-IV.

Арсеньев В.Р. Исторические формы взаимодействия кочевников и земледельцев в Принигерской саванне // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата, 1989.

Артамонов М.И. Вопросы истории скифов в советской науке // ВДИ. 1947. № 3.

Артамонов М.И. Скифское царство // СА. 1972. № 3.

Афанасьев М.Н. Бюрократия как социально-политический феномен // ВАН СССР. 1989. № 7.

Ахмедов Б.А. Государство кочевых узбеков. М., 1965.

Барбаро и Контарини о России. Л., 1971.

- Барг М.А. Категории и методы исторической науки. М., 1984.
- Бартольд В.В. Улугбек и его время // Соч. Т.П. Ч.2. М., 1964.
- Бартольд В.В. Образование империи Чингиз-хана // Соч. Т.У. М., 1968.
- Бартольд В.В. Ред. на: Аристов Н.А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности // Соч. Т.У. М., 1968а.
- Батраков В.С. Особенности феодализма у кочевых народов // Научная сессия АН Узб. ССР 9-14 июля 1947 г. Ташкент, 1947.
- Батраков В.С. О воспроизводстве родовых отношений у кочевых народов Средней Азии // Изв. АН Узб. ССР. 1949. Вып.3.
- Бациева С.М. Историко-социологический трактат Ибн Халдуна "Мукаддима". М., 1965.
- Башарин Г.П. О патриархально-феодалных отношениях в Якутии к. XVIII - пер. пол. XIX века // ВМ. 1955. № 3.
- Башарин Г.П. История аграрных отношений в Якутии (60-е годы XVIII - середина XIX в.). М., 1956.
- Березин И.Н. Очерк внутреннего устройства улуса Джучиева // ТВО. Уш. СПб., 1864.
- Бернштам А.Н. Проблема распада родовых отношений у кочевников Азии // СЭ. 1934. № 6.
- Бернштам А.Н. К вопросу о социальном строе восточных гуннов // ПИДО. 1935. № 9-10.
- Бернштам А.Н. Наследственность и выборность у кочевников Центральной Азии // ПИДО. 1935а. № 7-8.
- Бернштам А.Н. К вопросу о взаимодействии классов и государства у тюрков VI-VIII вв. н.э. // Вопросы истории доклассовых обществ. М.-Л., 1936.
- Бернштам А.Н. Социально-экономический строй орхон-енисейских тюрков VI-VIII вв. М.-Л., 1946.
- Бернштам А.Н. Очерк истории гуннов. Л., 1951.
- Бичурин Н.Я. История первых четырех ханов из дома Чингисова. СПб., 1829.
- Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I-II. М.-Л., 1950. Т. III. М.-Л., 1953.
- Бойко Ю.Н. Социальный состав населения бассейна р. Ворсклы в скифское время (VII-III вв. до н.э.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1986.

Боковенко Н.А. Ранние кочевники по археологическим и этнографическим данным // Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. Томск, 1981.

Бонт П. Тип оседлого населения в Мавританской Сахаре // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата, 1989.

Борисенков Е.П., Пасецкий В.М. Тысячелетняя летопись необычайных явлений природы. М., 1988.

Бородай Ю.М., Келле В.И., Плимак Е.Г. Наследие Карла Маркса и некоторые методологические проблемы исследования докапиталистических обществ и генезиса капитализма // Принцип историзма в познании социальных явлений. М., 1972.

Бородай Ю.М., Келле В.И., Плимак Е.Г. Наследие Карла Маркса и проблемы теории общественно-экономической формации. М., 1974.

Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV-XVIII вв. Т. I. М., 1986. Т. II. М., 1988.

Бромлей Ю.В. Этносоциальные процессы: теория, история, современность. М., 1988.

Бромлей Ю.В., Першиц А.И. Ф.Энгельс и проблемы первобытной истории // Проблемы этнографии и антропологии в свете научного наследия Ф.Энгельса. М., 1972.

Бухшпан А.С. К истории древнетюркских государственных образований. Баку, 1928.

Бунятян Е.П. К вопросу о материально-технической базе кочевых обществ // Фридрих Энгельс и проблемы истории древних обществ. Киев, 1984.

Бунятян Е.П. Методика социальных реконструкций в археологии (на материале скифских могильников IV-III вв. до н.э.). Киев, 1985.

Бунятян Е.П. О формах собственности у кочевников // Археология и методы исторических реконструкций. Киев, 1985а.

Бурев-Петров. На борьбу с байством и мажорством. Фрунзе, 1927.

Вайнштейн С.И. Происхождение и историческая этнография тувинского народа: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1960.

Вайнштейн С.И. Тувинцы-ходжинцы. Историко-этнографические очерки. М., 1961.

Вайнштейн С.И. О сущности и роли патриархального уклада в

социальной истории кочевников Азии // Тез. докл. на сессии и пленумах, посвященных итогам полевых исследований 1971 г. М., 1971.

Вайнштейн С.И. Историческая этнография тувинцев. М., 1972.

Вайнштейн С.И. Проблемы истории жилища степных кочевников // СЭ. 1976. № 4.

Вайнштейн С.И., Семенов Ю.И. Рец. на: Марков, 1976 // СЭ. 1977. № 5.

Васильев Л.С. Проблемы генезиса китайской цивилизации. М., 1976.

Васильев Л.С. Становление политической администрации (от локальной группы охотников и собирателей к протегосударству-чиф-дом) // ИАА. 1980. № 1.

Васильев Л.С. Протегосударство-чифдом как политическая структура // ИАА. 1981. № 6.

Васильев Л.С. Феномен власти-собственности // Типы общественных отношений на Востоке в средние века. М., 1982.

Васильев Л.С. Проблемы генезиса китайского государства. М., 1983.

Васильев Л.С. Курс лекций по древнему Востоку (Средний и Дальний Восток). М., 1984.

Васильев Л.С. Курс лекций по древнему Востоку (Ближний Восток). М., 1985.

Васильев Л.С. Социальная структура и социальная мобильность на традиционном Востоке // Классы и сословия в докапиталистических обществах Азии. М., 1986.

Васильев Л.С. Государство на традиционном Востоке // Государство в докапиталистических обществах Азии. М., 1987.

Васильев Л.С. Что такое "азиатский" способ производства? // ИАА. 1988. № 3.

Васильев Л.С. Изучение Востока и проблемы перестройки // ИАА. 1989. № 3.

Васильев М.А. Проблемы истории кочевого скотоводства и кочевых обществ в современной англо-американской буржуазной историографии. М., 1982 (Деп. ИНИОН № 11301).

Васильченко И. Еще раз об особенностях феодализма у кочевых народов // ВИ. 1974. № 4.

Венгеров А.Б., Куббель Л.Е., Першиц А.И. Этнография и науки

о государстве и праве // ВАН СССР. 1984. № 10.

Викторин В.М. Социальная организация и обычное право ногайцев Нижнего Поволжья (XVIII - нач. XIX вв.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1985.

Викторин В.М. Потестарно-политические и правовые отношения у кочевых народов (взаимосвязь внутренних и внешних факторов) // Философские проблемы государства и права. Саратов, 1988.

Викторова Л.Л. Становление классового общества у древнемонгольских кочевников // ПИДО. М., 1968.

Викторова Л.Л. Монголы. Происхождение народа и истоки культуры. М., 1980.

Владимирцов Б.Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934.

Воробьев М.В. Чжурчжени и государство Цзинь (X в. - 1234 г.). Исторический очерк. М., 1975.

Воробьев М.В. Некоторые формы зависимости в древней Японии // Проблемы социальных отношений и форм зависимости на древнем Востоке. М., 1984.

Вяткин В.П. Казахское общество в середине XVIII в. Алма-Ата, 1940.

Вяткин В.П. Батыр Срым. М.-Л., 1947.

Вяткина К.В. Монголы Монгольской Народной Республики // ТИЭ. Т. IX. М.-Л., 1960.

Вяткина К.В. К. Маркс о земле как средстве производства и пути образования частной собственности на землю и скот у кочевых народов Центральной Азии // Тез. докл. годичной научной сессии ЛОИЭ 1968 г. Л., 1968.

Вяткина К.В. Концепция Ф. Энгельса о развитии семьи и рода в применении к монгольским народам // Тез. докл. годичн. научной сессии ЛОИЭ 1969 г. Л., 1969.

Гаудио А. Цивилизации Сахары. М., 1985.

Гегель Г. Философия истории // Соч. Т. VIII. М.-Л., 1935.

Генинг В.Ф. Проблема социальной структуры общества кочевых скифов IV-III вв. до н.э. по археологическим данным // Фридрих Энгельс и проблемы истории древних обществ. Киев, 1984.

Генинг В.Ф., Павленко Ю.В. Институт племени как орган зарождающейся политической надстройки // Фридрих Энгельс и проблемы истории древних обществ. Киев, 1984.

Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1989.

Геродот. История. Л., 1972.

Годелье М. Понятие азиатского способа производства и марксистская схема развития общества // НАА. 1965. № 1.

Годинер Э.С. Становление государства в Буганде // Становление классов и государства. М., 1976.

Годинер Э.С. Возникновение и эволюция государства в Буганде. М., 1982.

Гольмстен В.В. Некоторые замечания Карла Маркса к истории скотоводства // ПИМК. 1933. № 3-4.

Гонгор Д. Монголия в период перехода от родового строя к феодализму (XI - начало XIII в.): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М.-У-Б., 1974.

Горский А.А. Социально-экономические условия в эпоху классового образования и понятие военная демократия // Средние века. Вып. 49. М., 1986.

Горский А.А. Древнерусская дружина. М., 1989.

Готье Ю.В. Очерки по истории материальной культуры Восточной Европы до образования первого русского государства. Л., 1925.

Граков Б.Н. Каменное городище на Днепре // МИА. № 36. М., 1954.

Грайворонский В.В. От кочевого образа жизни к оседлости (на опыте МНР). М., 1979.

Грантовский Э.А. Проблемы изучения общественного строя скифов // ВДИ. 1980. № 4.

Грач А.Д. Древние кочевники в центре Азии. М., 1980.

Греков Б.Д. Киевская Русь // Избранные произведения. Т.П. М., 1959.

Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М.-Л., 1950.

Григорьев В.В. Об отношениях между кочевыми народами и оседлыми государствами // ИМНД. Ч.СЛХХУШ. СПб., 1875.

Грумм-Гржимайло Г.Г. Западная Монголия и Урянхайский край. Т.П. Л., 1926.

Грэхэм Л.Р. Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе. М., 1991.

Грязнов М.П. Некоторые вопросы истории сложения и развития ранних кочевых обществ Казахстана и Южной Сибири // КСИА. Вып. XXIV. М., 1955.

Гуляев В.И. Структура власти в древнейших государствах

- Мезоамерики: генезис и характерные особенности // От доклассовых обществ к раннеклассовым. М., 1987.
- Гумилев Л.Н. Хунну. М., 1960.
- Гумилев Л.Н. Древние турки. М., 1967.
- Гумилев Л.Н. Опыт классификации общественно-политических систем древних кочевников Евразии // Studien zur Geschichte und Philosophie der Altertums. Budapest, 1968.
- Гумилев Л.Н. Поиски вымышленного царства. М., 1970.
- Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера земли: Автореф. дис. ... д-ра геогр. наук. Л., 1974.
- Гумилев Л.Н. Миф и действительность (Южная Сибирь и Древняя Русь в XI-XIII вв.) // Проблемы реконструкций в этнографии. Новосибирск, 1984.
- Гумилев Л.Н. Апокрифический диалог // Нева. 1988. № 3-4.
- Гумилев Л.Н. Этносы в ландшафтах // Человек и природа. 1988. № 10.
- Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. М., 1989.
- Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера земли. 2-е изд. Л., 1989а.
- Гумилев Л.Н. География этноса в исторический период. Л., 1990.
- Гумилев Л.Н., Эрдеи И. Единство и разнообразие степной культуры Евразии в средние века (опыт анализа) // ИАА. 1969. № 3.
- Гунгаадаш Б. Экономическая география Монголии. М., 1984.
- Гуревич А.Я. К дискуссии о докапиталистических общественных формациях: формация и уклад // ВФ. 1968. № 2.
- Гуревич А.Я. Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М., 1970.
- Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М., 1972. 2-е изд. М., 1983.
- Гуревич А.Я. Теория формаций и реальность истории // ВФ. 1990. № II.
- Давыдова А.В. Об общественном строе хунну // Первобытная археология Сибири. Л., 1975.
- Далай Ч. Монголия в XIII-XIV веках. М., 1983.
- Дандамаев М.А. Нерабские формы зависимости в древней Передней Азии (к постановке вопроса) // Проблемы социальных отношений и форм зависимости на Древнем Востоке. М., 1984.
- Дандамаев М.А. Политическая история Ахеменидской державы. М., 1985.

- Дандамаев М.А., Луконин Г.В. Культура и экономика древнего Ирана. М., 1980.
- Данилова Л.В. Дискуссионные проблемы теории докапиталистических обществ // ПИДО. М., 1968.
- Дашевская О.Д. Раскопки Южно-Донузлавского городища в 1963-1965 гг. // КСИА. Вып.109. М., 1967.
- Джонсон Г.А. Соотношение между размерами общества и системой принятия решений в нем (приложение к этнологии и археологии) // Древние цивилизации Востока. Ташкент, 1986.
- Диалектика логического и исторического в формационном анализе. Препринт. М., 1979.
- Дигар Х.-П. Отношения между кочевыми и оседлыми племенами на Среднем Востоке // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата, 1989.
- Дмитриев С.В. Некоторые тенденции кочевого общества // Проблемы археологии скифо-сибирского мира (социальная структура и общественные отношения). Тез. Ч.1. Кемерово, 1989.
- Добролюбский А.О. О реконструкции социальной структуры общества кочевников средневековья по данным погребального обряда // Археологические исследования Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1978.
- Дулов А.В. Географическая среда и история России (конец XV - середина XIX в.). М., 1983.
- Дулов В.И. Социально-экономическая история Тувы (XIX - начало XX в.). М., 1956.
- Думан Л.И. К истории государств Тоба Вэй и Ляо и их связей с Китаем // Уч. зап. ин-та Востоковедения. Т.ХI. М., 1955.
- Дьяконов И.М. Восточный Иран до Кира (к возможности новых постановок вопроса) // История иранского государства и культуры. М., 1971.
- Дьяконов И.М. Рабы, илоты, крепостные в ранней древности // ВДИ. 1973. № 4.
- Дювиньо П., Танг М. Биосфера и место в ней человека. М., 1968.
- Е Луили. История государства киданей. М., 1979.
- Егоров В.Д. Государственное и административное устройство Золотой Орды // ВИ. 1972. № 2.
- Егоров В.Д. Историческая география Золотой Орды в XIII-XIV веках. М., 1985.

Еремеев Д.Е. К проблеме происхождения и развития кочевничества // ВМГУ. Сер. Востоковедение. 1979. № 3.

Еремеев Д.Е. Кочевничество и особенности развития феодализма на Востоке // ИАА. 1981. № 2.

Еремеев Д.Е. Роль кочевников в этнической истории // Расы и народы. № 12. М., 1982.

Еренов А.Е. К вопросам права феодальной собственности в до-революционном Казахстане // ВАН КазССР. 1953. № 5.

Еренов А.Е. Очерки по истории феодальных земельных отношений у казахов. Алма-Ата, 1961.

Ершов Ю.Г. Проблема периодизации всемирной истории: соотношение исторического и логического: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Свердловск, 1981.

Железчиков Б.Ф. Ранние кочевники Южного Приуралья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1980.

Жеребятьев Ф. К вопросу об особенностях феодальных отношений в до-революционном Казахстане // ВАН КазССР. 1951. № 10.

Житецкий И.А. Астраханские калмыки (наблюдения и заметки). Астрахань, 1892.

Жуковская Н.Д. Категории и символика традиционной культуры монголов. М., 1988.

Заднепровский Ю.А. Скотоводство чустских племен Ферганы (по материалам Дальверзинского поселения) // Проблемы советской археологии. М., 1978.

Залкинд Е.М. К вопросу об основных законах развития феодализма у кочевых народов // Тр. Бур. компл. НИИ СОАН СССР. Вып. 16. Улан-Удэ, 1965.

Залкинд Е.М. Общественный строй бурят в ХУШ – первой половине XIX в. М., 1970.

Залкинд Е.М. Вольтер об империи Чингисхана // Изв. СОАН СССР. Сер. о.н. 1977. № 1. Вып. 1.

Зейверт В.Д. Кочевники Западной Сахары в процессе этнической консолидации (анализ социальной и этнической структуры в конце XIX – начале XX в.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1977.

Зельин К.К. Принципы морфологической классификации форм зависимости // ВДИ. 1967. № 2.

Зибер Н.И. Очерки первобытной экономической культуры. Одесса, 1923.

Зиманов С.З. К вопросу о праве феодальной собственности в Казахстане // ВАН КазССР. 1952. № 4.

Зиманов С.З. О патриархально-феодальных отношениях у кочевников-скотоводов // ВИ. 1955. № 12.

Зиманов С.З. Общественный строй казахов первой половины XIX в. Алма-Ата, 1958.

Зимаков С.З. Политический строй Казахстана в конце XVIII - первой половине XIX в. Алма-Ата, 1960.

Зиманов С.З., Еренов А. О характере феодальной собственности на землю в Казахстане // Тр. Алма-Атинского юридич. ин-та. Т. I. Алма-Ата, 1955.

Златкин И.Я. Монгольская Народная Республика - страна новой демократии. М.-Л., 1950.

Златкин И.Я. К вопросу о сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов // ВИ. 1955. № 4.

Златкин И.Я. История джунгарского ханства (1635-1758). М., 1964.

Златкин И.Я. Кочевой феодализм // Советская историческая энциклопедия. Т. 7. М., 1965.

Златкин И.Я. А.Тойнби об историческом прошлом и современном положении кочевых народов // ВИ. 1971. № 2.

Златкин И.Я. Концепция истории кочевых народов А.Тойнби и историческая действительность // Современная историография стран зарубежного Востока. М., 1971а.

Златкин И.Я. Некоторые проблемы социально-экономической истории кочевых народов // НАА. 1973. № 1.

Златкин И.Я. Некоторые проблемы социально-экономической истории кочевых народов // Проблемы алтаистики и монголоведения. Вып. I. Элиста, 1974.

Златкин И.Я. Основные закономерности развития феодализма у кочевых скотоводческих народов // Типы общественных отношений на Востоке в средние века. М., 1982.

Златковская Т.Д. Возникновение государства у фракийцев. М., 1971.

Златковская Т.Д. О характере ранних государств у фракийцев и скифов // Конференция "Возникновение раннеклассового общества". М., 1973.

Ибн-Хальдуи. Прологемы к "Книге поучительных примеров..." //

Игнатенко, 1980.

Иванов Н.А. О типологических особенностях арабо-османского феодализма // Типы общественных отношений на Востоке в средние века. М., 1982.

Ивлиев А.Л. Городища киданей // Материалы по древней и средневековой археологии юга Дальнего Востока СССР и смежных территорий. Владивосток, 1983.

Ивлиев А.Л. Кидани и население Восточной Маньчжурии и Приморья в средние века // Материалы по этнокультурным связям народов Дальнего Востока в средние века. Владивосток, 1988.

Ивлиев А.Л. Хозяйство и материальная культура киданей времени империи Ляо (по материалам археологических исследований): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1988а.

Игнатенко А.А. Ибн-Хальдун. М., 1980.

Израитель В.Я. Проблемы формационного анализа общественного развития. Горький, 1975.

Илларионов Н.С. О диалектике внешних и внутренних факторов классовобразования в развивающихся странах Востока // НАА. 1981. № 2.

Илларионов Н.С. Проблема формационной принадлежности афро-азиатских обществ (советская литература 1976-1980) // НАА. 1982. № 5.

Ильинская В.А. Скифы Днепровского лесостепного Левобережья (Курганы Посулья). Киев, 1968.

Ильясов С.М. Земельные отношения в Киргизии в конце XIX - начале XX в. Фрунзе, 1963.

Илюшечкин В.П. Система внеэкономического принуждения и проблема второй основной стадии общественной эволюции. М., 1970.

Илюшечкин В.П. Рентный способ эксплуатации в добуржуазных обществах древности, средневековья и нового времени. М., 1971.

Илюшечкин В.П. Система и структура добуржуазной частнособственнической эксплуатации. Вып. I-2. М., 1980.

Илюшечкин В.П. Проблемы формационной характеристики сословно-классовых обществ. М., 1986.

Илюшечкин В.П. Сословно-классовое общество в истории Китая (опыт системно-структурного анализа). М., 1986а.

Илюшечкин В.П. О происхождении и эволюции понятия "феодализм" // НАА. 1987. № 6.

Илюшечкин В.П. Эксплуатация и собственность в сословно-классовых обществах (Опыт системно-структурного исследования). М., 1990.

История древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Ч. I. М., 1983.

История древнего мира. 2-е изд. Т. I-III. М., 1983.

История Казахской ССР. Т. I. Алма-Ата, 1957.

История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. Т. II. М., 1986.

История МНР. 3-е изд. М., 1983.

История народов Восточной и Центральной Азии с древнейших времен до наших дней. М., 1986.

История первобытного общества. Т. I. Общие вопросы. Проблемы антропосоциогенеза. М., 1983. Т. II. Эпоха первобытной родовой общины. М., 1986. Т. III. Эпоха классового образования. М., 1988.

История таджикского народа. Т. I. М., 1963.

Ишжанц Н. Образование единого монгольского государства и установление феодализма: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1972.

Кабо Р. Очерки истории и экономики Тувы. Ч. I. М.-Л., 1934.

Кадырбаев А.Ш. Тюрки и иранцы в Китае и Центральной Азии XIII-XIV вв. Алма-Ата, 1990.

Казаманова Л.М. Рабовладение на Крите в VI-IV вв. до н.э. // ВДИ. 1953. № 2.

Кавказско-русские отношения в XV-XVIII вв. Алма-Ата, 1961.

Калинина А.В. Основные типы пастбищ МНР. Л., 1974.

Калиновская К.П. Скотоводы Восточной Африки в XIX-XX вв.: (Хозяйство и социальная организация). М., 1989.

Калиновская К.П., Марков Г.Е. Скотоводы Азии и Африки. Проблемы исторической типологии // ВМГУ. Сер. история. 1983. № 5.

Калиновская К.П., Марков Г.Е. Общественное разделение труда у скотоводческих народов Азии и Африки // ВМГУ. Сер. история. 1987. № 6.

Капустин Б.Г. "Неомарксистская социология", исторический материализм и развивающиеся страны. М., 1988.

Карагодин А.И. Дуальная организация у приволжских калмыков // СВ. 1984. № 5.

Карагодин А.И. О земельной собственности у кочевых народов // Изв. Северо-Кавк. науч. центра выс. школы. Общ. науки. 1988. № 3.

Кара-Мурза А.А. Общее и особенное в цивилизационно-формационном развитии человечества (проблемы методологии) // Цивилизация: теория, история, современность. М., 1989.

Кара-Мурза А.А. Непродуктивная индивидуальность и продуктивная корпоративность? // ИАА. 1990. № 4.

Катунии В.А. О методологических принципах исследования собственности в марксистской политической экономии: Автореф. дис. ... канд. экон. наук. Ростов-на-Дону, 1980.

Каун Л. Перевороты в Азии. Турки, Китай, Иран, Средняя Азия. От древнейших времен до конца XIII века // Лависс Э., Рамбо А. Эпоха крестовых походов. 2-е изд. Ч.2. М., 1914.

Каутский К. Этика и материалистическое понимание истории. Пг., 1918.

Каутский К. Материалистическое понимание истории. Т.П. Государство и развитие человечества. М.-Л., 1931.

Качановский Ю.В. Рабовладение, феодализм или азиатский способ производства? М., 1971.

Кириков С.В. Изменения животного мира в природных зонах СССР (степная зона и лесостепь). М., 1959.

Кириков С.В. Человек и природа восточно-европейской лесостепи в X - начале XIX в. М., 1979.

Киселев Г.С. Хауса. Очерки этнической, социальной и политической истории (до XIX столетия). М., 1981.

Киселев Г.С. Доколониальная Африка. Формирование классового общества. М., 1985.

Киселев Г.С. О роли власти в генезисе классового общества: (На материале доколониального общества Тропической Африки) // СЭ. 1987. № 4.

Киселев Г.С. Восток и феодализм // ИАА. 1988. № 4.

Киселев Г.С. Присвоение человека: о специфике социальной связи на Востоке // ИАА. 1989. № 6.

Киселев С.В. Разложение рода и феодализм на Енисее // ИГАИМК. Вып. 65, 1933.

Киселев С.В. Общество и государство енисейских кыргызов в VI-X вв. // Изв. АН СССР. Сер. ист.-филос. Т.3. 1946.

Киселев С.В. Древняя история Сибири. М., 1951.

Клейн Л.С. Возникновение кочевого скотоводства // Скифо-Сибирское культурно-историческое единство. Кемерово, 1980.

Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964.

Кляшторный С.Г. Рабы и рабни в древнетюркской общине (по памятникам рунической письменности Монголии) // Древние культуры Монголии. Новосибирск, 1985.

Кляшторный С.Г. Основные черты социальной структуры древнетюркских государств Центральной Азии (VI-X вв.) // Классы и сословия в докапиталистических обществах Азии. М., 1986.

Кляшторный С.Г. Формы социальной зависимости в государствах кочевников Центральной Азии (конец I тысячелетия до н.э. - I тыс. н.э.) // Рабство в странах Востока в средние века. М., 1986а.

Книга Марко Поло. М., 1956.

Книга моего деда Коркута. М.-Л., 1962.

Кобищанов Ю.М. Африканские феодальные общества: воспроизводство и неравномерность развития // Африка: возникновение отсталости и пути развития. М., 1974.

Кобищанов Ю.М. Проблема переходного периода в свете теории большой феодальной формации // Проблемы переходного периода и переходных общественных отношений (Проблемы неравномерности общественного развития). М., 1986.

Ковалев С.М. История античного общества. Греция. Л., 1937.

Ковалевский А.П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921-922 гг. Харьков, 1956.

Коган Л.С. Проблемы социально-экономического строя кочевых обществ в историко-экономической литературе (на примере дореволюционного Казахстана): Дис. ... канд. эк. наук. Алма-Ата, 1980.

Козин С.А. Сокровенное сказание. М.-Л., 1941.

Козьмин Н.Н. К вопросу о турецко-монгольском феодализме. Иркутск, 1934.

Кондорсэ Ж. Эскиз исторической картины прогресса исторического разума. М., 1936.

Коранашвили Г.В. Проблема докапиталистических общественно-экономических формаций в историческом материализме: Дис. ... д-ра филос. наук. Тбилиси, 1978.

Коранашвили Г.В. Докапиталистические способы производства.

Тбилиси, 1988.

Коротчаев А.В. О некоторых экономических предпосылках классовообразования и политогенеза // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. Ч. I. М., 1989.

Коротчаев А.В. Родовая организация в социально-экономической структуре сабейского общества (опыт количественного анализа южноаравийской эпиграфики): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1990.

Коротчаев А.В., Кузьминов Я.И. Некоторые проблемы моделирования социально-экономической структуры раннеклассовых и феодальных обществ // ИАА. 1989. № 3.

Корсунский А.Р. О социальном строе вестготов в IV в. // ВДИ. 1965. № 3.

Косарев М.Ф. К социально-экономической оценке кочевничества: (По западносибирским арх.-этногр. материалам) // Западносибирская лесостепь на рубеже бронзового и железного веков. Тюмень, 1989.

Косарев М.Ф. Некоторые спорные моменты понимания кочевничества // Проблемы исторической интерпретации археологических и этнографических источников Западной Сибири. Тез. докл. Томск, 1990.

Косвен М.О. К вопросу о военной демократии // Проблемы истории первобытного общества. М.-Л., 1960.

Костенко Л. Средняя Азия и водворение в ней русской гражданственности. СПб., 1870.

Кочакова Н.Б. Рождение африканской цивилизации: (Ифе, Ойо, Бенин, Дагомея). М., 1986.

Кочешков Н.В. Народное искусство монголов. М., 1973.

Кочешков Н.В. Декоративное искусство монголоязычных народов XIX - середины XX в. М., 1979.

Крадин Н.Н. К.Маркс о кочевниках // Третья конференция молодых ученых. Тез. докл. Ч.3. Иркутск, 1985.

Крадин Н.Н. К вопросу о протогосударстве у кочевников // XV Дальневосточная научная конференция. Тез. докл. Вып. IV. Владивосток, 1986.

Крадин Н.Н. О критериях периодизации истории кочевников евразийских степей // Проблемы археологии степной Евразии. Тез. докл. Ч. I. Кемерово, 1987.

Крадин Н.Н. Социально-экономические отношения у кочевников в советской исторической литературе. Владивосток, 1987а. (Деп. ИНИОН № 29892).

Крадин Н.Н. Город в системе кочевых империй // Научная конференция "Город на традиционном Востоке". Тез. докл. М., 1988.

Крадин Н.Н. Варварские империи на Дальнем Востоке // Материалы по средневековой археологии Дальнего Востока и Забайкалья. Препринт. Владивосток, 1989.

Крадин Н.Н. Концепция кочевого феодализма и современное состояние проблемы // Владимирцовские чтения. II Всесоюзная конференция монголоведов. Тез. докл. М., 1989а.

Крадин Н.Н. Кочевая империя как социополитическая система // Проблемы археологии скифо-сибирского мира (социальная структура и общественные отношения). Тез. докл. Ч. I. Кемерово, 1989б.

Крадин Н.Н. Характерные черты кочевых империй Евразии // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. Тез. докл. Ч. 3. М., 1989в.

Крадин Н.Н. Этапы дискуссии о собственности у кочевников // Археологические и исторические исследования на Дальнем Востоке СССР. Препринт. Владивосток, 1989г.

Крадин Н.Н. Бюрократия, административная система и азиатский способ производства // Вопросы изучения бюрократии. Препринт. Владивосток, 1990.

Крадин Н.Н. Социально-экономические отношения у кочевников (Современное состояние проблемы и ее роль в изучении средневекового Дальнего Востока): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 1990а.

Крадин Н.Н. Экзополитарный способ эксплуатации в обществах кочевников // Проблемы исторической интерпретации археологических и этнографических источников Западной Сибири. Тез. докл. Томск, 1990б.

Крадин Н.Н. Экологический фактор в образовании экзополитарных кочевнических структур // История взаимодействия общества и природы: Факты и концепции. Тез. докл. Ч. I. М., 1990в.

Крадин Н.Н. Особенности классовообразования и политогенеза у кочевников // Архаическое общество: Узловые проблемы социологии развития. М., 1991.

Крадин Н.Н. Политогенез // Архаическое общество: Узловые проблемы социологии развития. М., 1991а.

Крадин Н.Н. Кочевые империи (рукопись).

Крупник И.И. Природная среда и эволюция тундрового олене-

водства // Карта, схема и число в этнической географии. М., 1975.

Крупник И.И. Факторы устойчивости и развития традиционного хозяйства народов Севера: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1977.

Крупник И.И. Арктическая этноэкология. М., 1989.

Крылов В.В. Производительные силы развивающихся стран и формирование их социально-экономической структуры: Автореф. дис. ... канд. эк. наук. М., 1974.

Крылов В.В. Характерные черты социально-экономических процессов в обществах развивающихся стран // ВФ. 1976. № 9.

Куббель Л.Е. Сонгайская держава: Опыт исследования социально-политического строя. М., 1974.

Куббель Л.Е. Потестарная и политическая этнография // Исследования по общей этнографии. М., 1979.

Куббель Л.Е. "Формы, предшествующие капиталистическому производству" Карла Маркса и некоторые аспекты возникновения политической организации // СЭ. 1987. № 3.

Куббель Л.Е. Очерки потестарно-политической этнографии. М., 1988.

Кульпин Э.С. Человек и природа в Китае. М., 1990.

Культура древнего Рима. Т. I. М., 1985.

Кунов Г. Всеобщая история хозяйства. Ч. I. М.-Л., 1929.

Курная Т.В. Проблема античного рабства в советской историографии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1982.

Кушнер П. Очерк развития общественных форм. М., 1924. 7-е изд. М., 1929.

Кушнер П. Горная Киргизия (социологическая разведка). М., 1929а.

Кшибеков Д. О закономерностях замены докапиталистических производственных отношений социалистическими (на примере Казахстана). Алма-Ата, 1963.

Кшибеков Д. Переходные общественные отношения. Алма-Ата, 1973.

Кшибеков Д. Кочевое общество: генезис, развитие, упадок. Алма-Ата, 1984.

Кызласов Л.Р. История Южной Сибири в средние века. М., 1984.

Кычанов Е.И. О татаро-монгольском улусе XII в. // Восточная Азия и соседние территории в средние века. Новосибирск, 1986.

Кычанов Е.И. О ранней государственности у киданей //

Центральная Азия и соседние территории в средние века. Новосибирск, 1990.

Кюнер Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961.

Лашук Л.П. Историческая структура социальных организмов средневековых кочевников // СЭ. 1967. № 4.

Лашук Л.П. О характере классовообразования в обществах ранних кочевников // ВИ. 1967а. № 7.

Лашук Л.П. Опыт типологии этнических общностей средневековых тюрков и монголов // СЭ. 1968. № 1.

Лашук Л.П. Кочевничество и общие закономерности истории // СЭ. 1973. № 2.

Лебедев Г.С. "Эпоха викингов" в Северной Европе. Л., 1985.

Левшик А. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей. Ч.Ш. СПб., 1832.

Ленин В.И. Великий почин // Полн. собр. соч. Т.39.

Мавродина Р.М. К.Марко о взаимоотношениях Киевской Руси и кочевников // Вестник ЛГУ. 1971. Сер. истории, языка и литературы. № 20. Вып.4.

Мавродина Р.М. Киевская Русь и кочевники (печенеги, торки, половцы). Л., 1983.

Майдар Д., Пурвеев Д. От кочевой до мобильной архитектуры. М., 1980.

Майский И.М. Современная Монголия. Иркутск, 1921.

Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. М.-Л., 1951.

Малов С.Е. Енисейская письменность тюрков. М.-Л., 1952.

Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.-Л., 1959.

Меляник А.Г. Уйгурские государства в IX-XII вв. Новосибирск, 1983.

Мандельштам А.Я. Характеристика тюрков IX в. в "Послании Фахту ибн Ханану" ал Джахизе // ТИИЭ АН КазССР. Т.1. Алма-Ата, 1956.

Маннай-Оол М.Х. Генезис и развитие феодализма в Туве (историография вопроса) // Проблемы истории Тувы. Кызыл, 1984.

Маннай-Оол М.Х. Тува в эпоху феодализма: (К вопросу о генезисе и развитии феодальных отношений). Кызыл, 1986.

Марков Г.Е. Очерки истории формирования северных туркмен. М., 1961.

Марков Г.Е. Кочевники Азии (хозяйственная и общественная структура скотоводческих народов Азии в эпохи возникновения, расцвета и заката кочевничества): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1967.

Марков Г.Е. Некоторые проблемы общественной организации кочевников Азии // СЭ. 1970. № 6.

Марков Г.Е. Проблемы развития общественной структуры кочевников Азии (IX МКАЭИ. Доклады советской делегации). М., 1973.

Марков Г.Е. Кочевники Азии. М., 1976.

Марков Г.Е. История хозяйства и материальной культуры в первобытном и раннеклассовом обществе. М., 1979.

Марков Г.Е. Социальная структура и общественная организация древних и средневековых кочевников // Скифо-Сибирское культурно-историческое единство. Кемерово, 1980.

Марков Г.Е. Скотоводческое хозяйство и кочевничество. Дефиниции и терминология // СЭ. 1981. № 4.

Марков Г.Е. Проблемы дефиниций и терминологии скотоводческого хозяйства и кочевничества (ответ оппонентам) // СЭ. 1982. № 4.

Марков Г.Е. Теоретические проблемы номадизма в советской этнографической литературе // Историография этнографического изучения народов СССР и зарубежных стран. М., 1989.

Марков Г.Е., Масанов Н.В. Значение относительной концентрации и дисперсности в хозяйственной и общественной организации кочевых народов // ВМГУ. Сер. история. 1985. № 4.

Марковска Д. Процесс урбанизации в современной Монголии // Второй международный конгресс монголоведов. Т.Ш. У.-Б., 1973.

Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. I-50.

Мартынов А.И. О древней государственности у народов Южной Сибири: (К постановке пробл.) // Проблемы этногенеза и этнической истории аборигенов Сибири. Кемерово, 1986.

Мартынов А.И. О развитии государственности у древних народов Сибири // Изв. СО АН СССР. Сер. ист., фил., филос. 1988. Вып. I. № 3.

Мартынов А.И. О степной скотоводческой цивилизации I тыс. до н.э. // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата, 1989.

Мартынов А.И. Скифо-сибирский мир - степная скотоводческая цивилизация V-II вв. до н.э. // Проблемы археологии скифо-сибир-

ского мира (социальная структура и общественные отношения). Тез. Ч. I. Кемерово, 1989а.

Масанов Н.Э. Проблемы социально-экономической истории Казахстана на рубеже ХУШ-ХІХ вв. Алма-Ата, 1984.

Масанов Н.Э. Социальная организация кочевого общества казахов // ВАН КазССР. 1984а. № 4.

Масанов Н.Э. Элементы структуры социальной организации кочевников Евразии // Этнические культуры Сибири: Пробл. эволюции и контактов. Новосибирск, 1986.

Масанов Н.Э. Социально-экономические отношения в кочевом обществе казахов // ВАН КазССР. 1988. № 8.

Масанов Н.Э. Типология скотоводческого хозяйства кочевников Евразии // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата, 1989.

Массон В.М. Экономика и социальный строй древних обществ. Л., 1976.

Массон В.М. Первые цивилизации. Л., 1989.

Материалы объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период. Ташкент, 1955.

Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху. М., 1984.

Материалы по истории киргизов и Киргизии. Вып. I. М., 1973.

Материалы по истории кочевых народов в Китае Ш-У вв. Вып. I. Сянну. М., 1989. Вып. 2. Цзе. М., 1990.

Материалы по истории сянну. Вып. I. М., 1968. Вып. 2. М., 1973.

Маховский Я. История морского пиратства. М., 1972.

Мейер М.С. Роль природно-географической среды в средневековой истории Ближнего и Среднего Востока // Проблемы взаимодействия общества и природы. М., 1983.

Меликишвили Г.А. Характер социально-экономического строя на Древнем Востоке (Опыт стадияльно-типологической классификации классовых обществ) // НАА. 1972. № 4.

Мецерыков А.В. О понятии "феодалный" в востоковедении (К постановке вопроса) // Древний и средневековый Восток. История. Филология (проблемы источниковедения). М., 1984.

Миллер Дж.А. Магическое число семь плюс или минус два. О некоторых пределах нашей способности перерабатывать информацию // Инженерная психология. М., 1964.

- Мировов Б.Н. Историк и социология. М., 1984.
- Монголо-ойратские законы 1640 г. СПб., 1880.
- Монтескье Ш. Избранные произведения. М., 1955.
- Мункуев Н.Ц. Китайский источник о первых монгольских ханах. М., 1965.
- Мункуев Н.Ц. О формах эксплуатации монгольских аратов в XIII-XIV веках // Материалы по истории и филологии Центральной Азии. Вып.2. Улан-Удэ, 1965а.
- Мункуев Н.Ц. Заметки о древних монголах // Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1970.
- Мункуев Н.Ц. Некоторые проблемы истории монголов XIII в. по новым материалам. Исследование южносунских источников: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1970а.
- Мункуев Н.Ц. Новые материалы о положении монгольских аратов в XIII-XIV вв. // Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1970б.
- Мурзин В.Ю. Формирование скифской государственности // Мурзин В.Ю., Павленко Ю.В. Формирование раннеклассового общества на территории Украины. Преприят. Киев, 1989.
- Народы мира. Историко-этнографический справочник. М., 1988.
- Насонов А.Н. Монголы и Русь. М.-Л., 1940.
- Нацагдорж Ш. Основные черты феодализма у кочевых народов (на примере развития монгольского общества). У.-Б., 1975.
- Негря Л.В. Общественный строй Северной и Центральной Аравии в V-VII вв. М., 1981.
- Нейхардт А.А. Скифский рассказ Геродота в отечественной историографии. Л., 1982.
- Неронова В.Д. Исследование в советской историографии соотношения сословия рабов и класса рабов в древнем мире. Пермь, 1984.
- Нестеров С.П. Конь в культурах тюркоязычных племен Центральной Азии в эпоху средневековья. Новосибирск, 1990.
- Неусыхин А.М. Дофеодалный период как переходная стадия развития от родо-племенного строя к раннефеодалному (на материале истории Западной Европы раннего средневековья) // ПИДО. М., 1968.
- Нибур Г. Рабство как система хозяйства. М., 1907.
- Никитин Н.И. О формационной природе ранних казачьих сообществ (к постановке вопроса) // Феодализм в России. М., 1987.
- Никифоров В.Н. Советские историки о проблемах Китая. М., 1970.
- Никифоров В.Н. Восток и всемирная история. М., 1975. 2-е изд. М., 1977.

Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990.

Нуреев Р.М. Принципы изучения основного производственного отношения в докапиталистических формациях (в связи с дискуссией об "азиатском способе производства"): Автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 1977.

Нуреев Р.М. Особенности становления классового общества в странах Востока // Проблемы переходного периода и переходных общественных отношений: (Проблемы неравномерности общественного развития). М., 1986.

Нуреев Р.М. Экономический строй докапиталистических формаций (Диалектика производительных сил и производственных отношений). Душанбе, 1989.

Нуреев Р.М. Азиатский способ производства и социализм // Вопросы экономики. 1990. № 3.

О патриархально-феодалных отношениях у кочевых народов (к итогам обсуждения) // ВИ. 1956. № 1.

Обмен мнениями: актуальные проблемы анализа производительных сил докапиталистических классовых обществ // ФН. 1983. № 6.

Общее и особенное в историческом развитии стран Востока. М., 1966.

Огурцов А.П. Антропность биологии и образы человека // Биология в познании человека. М., 1989.

Одум Г., Одум Э. Энергетический базис человека и природы. М., 1978.

Одум Ю. Экология. Т.1-П. М., 1986.

Сразов А. Хозяйство и основные черты общественной организации у скотоводов Западной Туркмении в конце XIX - начале XX в. // Труды УИ МКАЭН. Т.10. М., 1970.

Основные проблемы генезиса и развития феодального общества // ИГАИМК. Вып.103. М.-Л., 1934.

д'Оссон К. История монголов. Т.1. Иркутск, 1937.

Павленко Ю.В. Основные закономерности и пути формирования раннеклассовых городов-государств // Фридрих Энгельс и проблемы истории древних обществ. Киев, 1984.

Павленко Ю.В. Концепция происхождения цивилизации К.Ренфрю и некоторые проблемы становления раннеклассовых социальных организмов // Археология и методы исторических реконструкций. Киев, 1985.

Павленко Ю.В. Пути становления раннеклассовых социальных организмов // Исследование социально-исторических проблем в археологии. Киев, 1987.

Павленко Ю.В. Раннеклассовые общества (генезис и пути развития). Киев, 1989.

Первобытная периферия классовых обществ до начала Великих географических открытий. М., 1978.

Першиц А.И. О "военной демократии" (к вопросу о периодизации первобытного общества) // СЭ. 1953. № 2.

Першиц А.И. О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевников-скотоводов // ВИ. 1955. № II.

Першиц А.И. Патриархально-феодальные отношения у кочевников Северной Аравии (XIX - перв. четв. XX в.) // ТИЭ. Т.34. М., 1958.

Першиц А.И. Хозяйство и общественно-политический строй Северной Аравии в XIX - первой трети XX в. // ТИЭ. Т.69. М., 1961.

Першиц А.И. Общественный строй туарегов Сахары в XIX в. // Разложение родового строя и формирование классового общества. М., 1968.

Першиц А.И. Оседлое и кочевое общество Северной Аравии и новое время: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1971.

Першиц А.И. Данничество (IX МКАЭН. Доклады советской делегации). М., 1973.

Першиц А.И. К вопросу о саунных отношениях // Основные проблемы африканистики. Этнография, история, филология. М., 1973а.

Першиц А.И. Некоторые особенности классовообразования в обществах кочевых скотоводов // Конференция "Возникновение раннеклассового общества". М., 1973б.

Першиц А.И. Раннее производящее хозяйство и начальные формы эксплуатации // Формы перехода от присваивающего хозяйства к производящему и особенности развития общественного строя. М., 1974.

Першиц А.И. Некоторые особенности классовообразования и раннеклассовых отношений у кочевников-скотоводов // Становление классов и государства. М., 1976.

Першиц А.И. Начальные формы эксплуатации и проблема их генетической типологии // Проблемы типологии в этнографии. М., 1979.

Першиц А.И. Этнос в раннеклассовых оседло-кочевнических обществах // Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. М., 1982.

Першиц А.И., Монгайт А.Л., Алексеев В.П. История первобытного общества. М., 1982.

Першиц А.И., Хазанов А.М. Община у кочевников скотоводов // НАА. 1979. № 2.

Петров А.М. Феномен города в истории общественно-экономических структур восточных обществ // Зарубежный Восток: вопросы экономической истории города. М., 1990.

Петров К.И. Очерки феодальных отношений у киргизов в XV-XVIII веках. Фрунзе, 1961.

Петров К.И. Очерки социально-экономической истории Киргизии. VI - начало XIII вв. Фрунзе, 1981.

Петрушевский И.П. Поход монгольских войск в Среднюю Азию в 1219-1224 гг. и его последствия // Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1970.

Петрушевский И.П. Иран и Азербайджан под властью хулагуидов (1256-1353 гг.) // Татаро-монголы в Азии и Европе. 2-е изд. М., 1977.

Пиков Г.Г. Некоторые вопросы государственного устройства Западного Ляо // Изв. СО АН СССР. 1979. № 1. Сер. общ. наук. Вып. 1.

Пиков Г.Г. Рабство в империи киданей // Социальные группы традиционных обществ Востока. Ч. I. М., 1985.

Пиков Г.Г. Западные кидани. Новосибирск, 1989.

Писаревский Н.П. Проблемы изучения древних кочевнических обществ степи и лесостепи Евразии в советской археологической литературе первой половины 30-х годов. Воронеж, 1987 (Деп. ИНИОН № 30224).

Писаревский Н.П. Изучение истории ранних скотоводческих обществ степи и лесостепи Евразии в советской археологии середины 20-х - первой половины 30-х гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1989.

Писаревский Н.П. Социальная организация кочевников степи и лесостепи Евразии эпохи раннего железного века в советской археологии середины 20-х - первой половины 30-х гг. // Проблемы археологии скифо-сибирского мира (социальная структура и общественные отношения). Тез. Ч. I. Кемерово, 1989а.

Пичета В. О "кочевом феодализме" // Исторический журнал. 1940. № 1.

- Плесский Б.В., Уёмов А.И. Бюрократизм: теоретико-системные аспекты // ФН. 1989. № 5.
- Плетнева С.А. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях // МИА. № 62. М., 1958.
- Плетнева С.А. От кочевий к городам // МИА. № 142. М., 1967.
- Плетнева С.А. Закономерности развития кочевнических обществ в эпоху средневековья // ВМ. 1981. № 6.
- Плетнева С.А. Кочевники средневековья. М., 1982.
- Плетнева С.А. Хазары. 2-е изд. М., 1986.
- Плетнева С.А. Города кочевников // От доклассовых обществ к раннеклассовым. М., 1987.
- Плетнева С.А. Половцы. М., 1990.
- Плеханов Г.В. История русской общественной мысли. Т.1. М., 1918.
- Плюснин Ю.М. Проблема биосоциальной эволюции: Теоретико-методологический анализ. Новосибирск, 1990.
- Погорельский П., Батраков В. Экономика кочевого аула Киргизстана. М., 1930.
- Покотилов Д. История восточной Монголии в период династии Мин (1368-1634). СПб., 1893.
- Полубояринова М.Д. Русские люди в Золотой Орде. М., 1978.
- Полянский Ф.Я. Типология феодализма. М., 1982. (Деп. ИНИОН № II493).
- Померанц Г. Диалектика ответственности // Знание - Сила. 1991. № 3.
- Попов А.В. О методических основах одной концепции "нефеодалного" общественного развития кочевников // Язык, культура, общество. Л., 1986.
- Попов А.В. Современная историография МНР о характере экономического базиса монгольского общества нового времени // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. IX. Л., 1986а.
- Попов А.В. Теория "кочевого феодализма" академика Б.Я.Владимирцова и современная дискуссия об общественном строе кочевников // Mongolica. Памяти академика Б.Я.Владимирцова 1884-1931. М., 1986б.
- Попов А.В. Собственность маньчжурского императора на землю в Халха-Монголии: (XIII - первая половина XIX в.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1987.

Попов В.А. Этносоциальная история аканов в XVI-XIX вв. Проблемы генезиса и стадияльно-формационного развития этнополитических организмов. М., 1990.

Попов В.Г. Ленин об азиатском способе производства // Вопросы исторического материализма и критики некоторых концепций буржуазной социологии. М., 1969.

Попов Г. С точки зрения экономиста (о романе Александра Бека "Новое назначение") // Наука и жизнь. 1987. № 4.

Поппер К. Логика и рост научного знания. М., 1983.

Поршнев Б.Ф. Феодализм и народные массы. М., 1964.

Потапов Л.П. Очерк истории Ойротии. Новосибирск, 1933.

Потапов Л.П. К вопросу о патриархально-феодальных отношениях у кочевников // КСИЭ. Вып.3. 1947.

Потапов Л.П. Ранние формы феодальных отношений у кочевников // Записки КНИИЯЛИ. Вып.1. Абакан, 1947а.

Потапов Л.П. Очерки по истории алтайцев. М.-Л., 1953.

Потапов Л.П. О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевников Средней Азии и Казахстана // ВИ. 1954. № 6.

Потапов Л.П. О феодальной собственности на пастбища и кочевья у тувинцев // Социальная история народов Азии. М., 1975.

Потехин И.И. Военная демократия метабеле // Родовое общество. Материалы и исследования (ТИЭ, н.с. т.14). М., 1951.

Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой. М., 1986.

Принцип историзма в познании социальных явлений. М., 1972.

Проблемы истории докапиталистических обществ. Т.1. М., 1968.

Проблемы социальной истории крестьянства Азии. Реф.сб. Вып.1. М., 1986. Вып.2. М., 1988.

Производительные силы как философская категория (материалы круглого стола) // ВФ. 1981. № 4,9.

Просандеева Н.В. Методологические проблемы исследования общественных систем как органических целостностей: (На прим. становления раннеклассовых обществ): Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Ростов-на-Дону, 1989.

Путешествия в восточные страны ПIANO Карпини и Рубрука. М., 1957.

Пьянков И.В. Общественный строй ранних кочевников Средней Азии по данным античных авторов // Ранние кочевники Средней Азии

и Казахстана. Л., 1975.

Равдоникас В.И. Пещерные города Крыма и готская проблема в связи со стадильным развитием Северного Причерноморья // ИГАИМК. Т.ХП. Вып.1-8. Л., 1932.

Радлов В. К вопросу об уйгурах. СПб., 1893.

Радлов В.В. Из Сибири. М., 1989.

Ранов О.М. К вопросу о земельной ренте в древней Руси в до-монгольский период // ВМГУ. Сер. история. 1968. № 1.

Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т.1. Кн.1-2. М.-Л., 1952. Т.П. М.-Л., 1960. Т.Ш. М.-Л., 1946.

Редер Д.Г. Военная демократия в странах древнего Востока // Уч. зап. Моск. обл. пед. ин-та. 1950. Т.1У. Вып.1.

Ретеум А.Ю. Земные миры. М., 1988.

Рижский М.И. Гунны в Забайкалье // Уч. зап. Читин. гос. пед. ин-та. Вып.4. Чита, 1959.

Рознер И.Г. Антифеодальные государственные образования в России и на Украине в XVI-XVIII вв. // ВИ. 1970. № 8.

Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.-Л., 1953.

Руденко С.И. К вопросу о формах скотоводческого хозяйства и о кочевниках // Материалы по отделению этнографии. Ч.1. Л., 1961.

Руденко С.И. Культура хуннов и ноинулинские курганы. М.-Л., 1962.

Румянцев П.П. Киргизский народ в прошлом и настоящем. СПб., 1910.

Рыгдолов Э.Р. О монгольском термине онгу-ботол // Филология и история монгольских народов. М., 1958.

Сабырханов А. К истории земельных отношений Казахстана в XIII веке (на материалах Младшего жуза) // Казахстан в XV-XVIII веках. Алма-Ата, 1969.

Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л., 1984.

Савинов Д.Г. Система социально-этнического подчинения как фактор развития раннесредневековых обществ Центральной Азии и Южной Сибири // Историография и источники истории изучения опыта освоения Сибири. Тез. докл. Вып.1. Новосибирск, 1988.

Савинов Д.Г. Соотношения социального уровня южносибирских археологических культур во второй половине I тыс. до н.э. //

Проблемы археологии скифо-сибирского мира (социальная структура и общественные отношения). Тез. Ч. I. Кемерово, 1989.

Сандаг Ш. Образование единого монгольского государства и Чингизхан // Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1970.

Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды. Саранск, 1960.

Свенцицкая И.С. К вопросу о положении ЛАОИ в царстве селевкидов // ВДИ. 1971. № 1.

Свод этнографических понятий и терминов. Вып. I. М., 1986.

Седов Л.А. К типологии средневековых общественных систем Востока (попытка системного подхода). // НАА. 1987. № 5.

Селье Г. От мечты к открытию: как стать ученым. М., 1987.

Семенов Ю.И. Проблема социально-экономического строя древнего Востока // НАА. 1965. № 3.

Семенов Ю.И. Об одной из ранних нерабовладельческих форм эксплуатации // Разложение родового строя и формирование классового общества. М., 1968.

Семенов Ю.И. Общественно-экономическая формация // Категории исторического материализма. М., 1980.

Семенов Ю.И. Кочевничество и некоторые общие проблемы теории хозяйства и общества // СЭ. 1982. № 2.

Семенов Ю.И. Об особенностях развития производительных сил докапиталистических классовых обществ // ФН. 1985. № 1.

Семенов Ю.И. Типология ранних форм эксплуатации // НАА. 1985а. № 4.

Семенов Ю.И. Социально-экономический строй древнего Востока: современное состояние проблемы // НАА. 1988. № 2.

Семенов-Зусер С.А. Родовая организация у скифов Геродота // ИГАИМК. Т. IX. Вып. I. М., 1931.

Семенюк Г.И. К проблеме рабства у кочевых народов // ИАН КазССР. Сер. истории, археологии и этнографии. Вып. I. Алма-Ата, 1958.

Семенюк Г.И. Рабство в Казахстане в XV-XIX вв. // ТИИАЭ АН КазССР. Т. VI. Алма-Ата, 1959.

Семенюк Г.И. Политика царизма в Казахстане до начала крестьянской войны 1773-1775 гг. // Крестьянство и классовая борьба в феодальной России. Л., 1967.

Семенюк Г.И. О некоторых особенностях перехода к феодализму кочевых племен и народов (на примере Казахстана) // Проблемы

возникновения феодализма у народов СССР. М., 1969.

Семенов Г.И. О характере и причинах застойности кочевых скотоводческих обществ (на материалах Казахстана) // Тюркологический сборник. 1970. М., 1970.

Семенов Г.И. Проблемы истории кочевых племен и народов периода феодализма. Калинин, 1974.

Скрижинская Е.Ч. История Таиы (XIV-XV вв.) // Барбаро и Контарини о России. Л., 1971.

Скрынникова Т.А. К вопросу о формировании монгольской государственности в XI-XII вв. // Исследования по истории и культуре Монголии. Новосибирск, 1989.

Словимский М.М. Периодизация древней истории в советской историографии. Воронеж, 1970.

Слудский А.А. Джуты в пустынях Казахстана и влияние их на численность животных // Тр. ин-та зоологии АН КазССР. Т.П. Алма-Ата, 1953.

Смирнов А.П. Рабовладельческий строй у скифов-кочевников. М., 1934.

Смирнов А.П. Скифы. М., 1966.

Смирнов А.П. Происхождение рабовладения // Ленинские идеи в изучении первобытного общества, рабовладения и феодализма. М., 1970.

Смирнов И. История с историей // Знание-сила. 1989. № 6.

Смирнов К.Ф. Савроматы. М., 1964.

Смирнов Н. Рец. на: Владимирцов, 1934 // Историк-марксист. 1935. № 4.

Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. Т.П. М.-Л., 1935.

Снисаренко А.Б. Властители античных морей. М., 1986.

Соколовский А. Казахский аул. Ташкент, 1926.

Сорокин В.С. Новые археологические данные к вопросу о развитии древней семьи // СА. 1959. № 4.

Стариков Е. Маргиналы, или размышления на старую тему: "Что с нами происходит" // Знамя. 1989. № 10.

Страбон. География. М., 1964.

Стратанович Г.Г. Военная организация триадного типа и ее судьбы // Проблемы алтаистики и монголоведения. Вып. I. Элиста, 1974.

Страхов Н.Н. Основные закономерности возникновения и развития государства в странах древнего Востока: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Харьков, 1973.

Стройк Д.Я. Краткий очерк истории математики. М., 1984.

Струве В.В. Этюды по истории Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии. Л., 1968.

Сулейменов Р.Б. Формационная природа кочевого общества: проблема и метод // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата, 1989.

Султанов Т.И. О невольниках в Казахском ханстве XV-XVI вв. // Рабство в странах Востока в средние века. М., 1986.

Сунягин Г.Ф. Производственные революции в истории общества: Автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Л., 1988.

Сэр-Оджав Н. Древняя история Монголии (XIV в. до н.э. - XII в. н.э.): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1971.

Тартаковский Б.Г. Из истории создания и публикации работы Энгельса "Происхождение семьи, частной собственности и государства" // Из истории марксизма. Сборник статей к 140-летию со дня рождения Фридриха Энгельса. М., 1961.

Таскин В.С. Скотоводство у свиню по китайским источникам // Вопросы истории и историографии Китая. М., 1968.

Таскин В.С. Введение // МИС. Вып.2. М., 1973.

Таскин В.С. Введение // МИГД. М., 1984.

Тахтарев К.М. Наука об общественной жизни, ее явлениях, их соотношениях и закономерности. Пг., 1920.

Тахтарев К.М. Сравнительная история развития человеческого общества и общественных форм. Ч. I-II. Л., 1924.

Теисье Ж. О детерминации в конечном счете (Маркс и/или Альтюссер) // Французские материалисты о диалектике. М., 1982.

Теория общественно-экономической формации. М., 1982.

Тереножкин А.И. Об общественном строе скифов // СА. 1966. № 2.

Тереножкин А.И. Вопросы классовых отношений в Скифии // Конференция "Возникновение раннеклассового общества". Тез. докл. М., 1973.

Тёкеи Ф. К теории общественных формаций. М., 1975.

Тизенгаузен В. Сборник материалов относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. СПб., 1884. Т. П. М.-Л., 1941.

Тихонов Д.И. Хозяйство и общественный строй уйгурского государства в X-XIV вв. М.-Л., 1966.

Тихонов Д.И. Ранние государства Центральной Азии в свете трудов Ф.Энгельса // Тез докл. годичн. научн. сессии ЛОИЭ 1969 г. Л., 1969.

Ткачев В.Н. Каракорум в XIII веке // *Mongolica*. Памяти академика Б.Я.Владимирцова 1884-1834. М., 1986.

Ткачев В.Н. Истоки монгольской архитектуры: Автореф. дис. ... д-ра архитектуры. М., 1989.

Токарев С.А. Докапиталистические пережитки в Ойротии. М., 1936.

Токарев С.А. Общественный строй якутов в XVII-XVIII вв. Якутск, 1945.

Токарев С.А. Истоки этнографической науки (до середины XIX в.). М., 1978.

Толстов С.П. Генезис феодализма в кочевых скотоводческих обществах // ИГАИМК. Вып.103. М.-Л., 1934.

Толстов С.П. Военная демократия и проблема "генетической революции" // ПИДО. 1935. № 7-8.

Толстов С.П. К истории древнетюркской социальной терминологии // ВДИ. 1938. № 1.

Толстов С.П. Тирания Аброя // Исторические записки. 1938а. № 3.

Толстов С.П. К вопросу о периодизации истории первобытного общества // СЭ. 1946. № 1.

Толстов С.П. Древний Хорезм. М., 1948.

Толыбеков С.Е. О некоторых вопросах экономики дореволюционного кочевого аула казахов // ВАН КазССР. 1951. № 8.

Толыбеков С.Е. О патриархально-феодалных отношениях у кочевых народов // ВИ. 1955. № 1.

Толыбеков С.Е. Общественно-экономический строй казахов в XVII-XIX веках. Алма-Ата, 1959.

Толыбеков С.Е. Кочевое общество казахов в XVII - начале XX века. Политико-экономический анализ. Алма-Ата, 1971.

Трепавлов В.В. Проблема социально-политической преемственности государственных образований кочевников в востоковедении // Урал и проблемы региональной историографии. Феодализм. Первобытнообщинный строй. Свердловск, 1986.

Трепавлов В.В. Историческое знание и государственные традиции // Историческое знание и современность. Свердловск, 1987.

Трепавлов В.В. Социально-политическая преемственность в государственном строе монгольской империи XIII в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1987а.

Трепавлов В.В. Алтайский героический эпос как источник по истории ранней государственности // Фольклорное наследие Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1989.

Трубецкой В.В. Переход к оседлости кочевников Ирана // Тр. УП МКАЭН. Т.Х. М., 1964.

Трубецкой В.В. Бахтияры (оседло-кочевые племена Ирана). М., 1966.

Тюменев А.И. История античных рабовладельческих обществ. М.-Л., 1933.

Турго А.Р. Избранные философские произведения. М., 1937.

Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй золотой Орды. М., 1973.

Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй кочевников в средневековую эпоху // ВИ. 1976. № 8.

Формализовано-статистические методы в археологии (анализ погребальных памятников). Киев, 1990.

Фурман Д.Е. Наши тревоги и всемирная история // ВФ. 1990. № 11.

Фурсов А.И. Некоторые общеэкономические проблемы развития Монголии в новое время. М., 1976 (Деп. ИНИОН № 968).

Фурсов А.И. Восточный феодализм и история Запада: критика одной интерпретации // НАА. 1987. № 4.

Фурсов А.И. Рец. на: Эволюция восточных обществ, 1984 // НАА. 1987а. № 1.

Фурсов А.И. Введение // ПСИКА. Вып.2. М., 1988.

Фурсов А.И. Нашествия кочевников и проблема отставания Востока // Взаимодействие и взаимовлияние цивилизаций и культур на Востоке. Т.1. М., 1988а.

Фурсов А.И. Революция как имманентная форма развития европейского исторического субъекта // 200 лет Великой Французской Революции. Французский ежегодник. М., 1989.

Фурсов А.И. Рец. на: Илюшечкин, 1986а // НАА. 1989а. № 1.

Хазанов А.М. Военная демократия и эпоха классовообразования // ВИ. 1968. № 12.

Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. М., 1971.

Хазанов А.М. О характере рабовладения у скифов // ВДИ. 1972. № 4.

Хазанов А.М. Сармато-калмыцкие параллели (К вопросу об однотипности кочевого хозяйства в одинаковом экологическом окружении) // Проблемы алтаистики и монголоведения. Элиста, 1972а.

Хазанов А.М. О периодизации истории кочевников евразийских степей // Проблемы этнографии Востока. М., 1973.

Хазанов А.М. Принципы периодизации истории кочевых обществ евразийских степей // Всесоюзное археологическое совещание по итогам полевых исследований 1972 года. Тез. докл. и сообщ. по этнографии. Ташкент, 1973а.

Хазанов А.М. Характерные черты кочевых обществ евразийских степей. IX МКАЭН. (Доклады советской делегации). М., 1973б.

Хазанов А.М. Социальная история скифов. М., 1975.

Хазанов А.М. Некоторые проблемы экологии номадизма // Карта, схема и число в этнической географии. М., 1975а.

Хазанов А.М. Разложение первобытно-общинного строя и возникновение классового общества // Первобытное общество. М., 1975б.

Хазанов А.М. Роль рабства в процессе классовообразования у кочевников евразийских степей // Становление классов и государства. М., 1976.

Хазанов А.М. Классообразование: факторы и механизмы // Исследования по общей этнографии. М., 1979.

Халиль Исмаил. Исследование хозяйства и общественных отношений кочевников Азии (включая Южную Сибирь) в советской литературе 50-80 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1983.

Хлепин И.Н. Возникновение скотоводства и общественное разделение труда в первобытном обществе // Ленинские идеи в изучении первобытного общества, рабовладения и феодализма. М., 1970.

Хмелинский В.М. О понятии "военная демократия" // СЭ. 1973. № 4.

Хосроева В.Н. К.Маркс о сущности отношений собственности в работе "Формы, предшествующие капиталистическому производству". Орджоникидзе, 1986 (Деп. ИНИОН № 26380).

Худяков Ю.С. Вооружение енисейских кыргызов VI-XII вв. Новосибирск, 1980.

Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири

и Центральной Азии. Новосибирск, 1986.

Худяков Ю.С. Структура военной организации у хуннов, сложение десятичной системы деления войска и народа у азиатских кочевников // Проблемы археологии скифо-сибирского мира (социальная структура и общественные отношения). Тез. Ч. I. Кемерово, 1989.

Цалкин В.И. Древнее животноводство племен Восточной Европы и Средней Азии // МИА. № 135. М., 1966.

Цалкин В.И. Фауна из раскопок Кара-Карума // КСИА. Вып. II4. М., 1968.

Циркин Ю.Б. "Империализм" и "империалистские" войны в древности // Категории исторических наук. Л., 1988.

Черников С.С. О термине "ранние кочевники" // КСИИМК. Вып. 80. М., 1960.

Черников С.С. К вопросу о классовом образовании у кочевников // Проблемы советской археологии. М., 1978.

Чернышев А.И. Общественное и государственное развитие ойратов в ХУ в. М., 1990.

Чулошников А.П. Очерки по истории казак-киргизского народа в связи с общими историческими судьбами других тюркских племен. Ч. I. Оренбург, 1924.

Чулошников А.П. К истории феодальных отношений в Казахстане в ХУП-ХУШ вв. // ИАН СССР. Сер. общ. наук. 1936. № 3.

Шавкунов Э.В. Государство Бохай и памятники его культуры в Приморье. Л., 1968.

Шавкунов Э.В. Культура чжурчженей-удигэ XII-XIII вв. и проблема происхождения тунгусских народов Дальнего Востока. М., 1990.

Шамилов А.Ш. К вопросу о курдском феодализме // ПИДО. 1934. № 9-10.

Шанин Т. Иное всегда дано... // Знание-сила. 1990. № 9.

Шехматов В.Ф. К вопросу о сложении и специфике патриархально-феодальных отношений в Казахстане // ВАН КазССР. 1951. № 7.

Шехматов В.Ф. О формах феодальной эксплуатации в Казахстане в XIX в. // ВАН КазССР. 1951а. № II.

Шехматов В.Ф. К вопросу о причинах относительной застойности патриархально-феодальных отношений у кочевников Казахстана // ВАН КазССР. 1959. № 5.

Шехматов В.Ф. Патриархально-феодальные отношения в Казахстане (Вопросы зарождения, специфики, эволюции): Доклад на соиск. уч. степ. д-ра ист. наук. Алма-Ата, 1962.

Шахматов В.Ф. Казахская пастбищно-кочевая община. Алма-Ата, 1964.

Шелов Д.Б. Античный мир в Северном Причерноморье. М., 1956.

Шелов Д.Б. Социальное развитие скифского общества // ВИ. 1972. № 3.

Ширендыб Б. Некоторые вопросы земельных отношений в Монголии // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века. Новосибирск, 1975.

Шкредов В.П. Метод исследования собственности в "Капитале" К.Маркса. М., 1973.

Шморгун А.А. Методологическая функция теории общественно-экономической формации. Киев, 1990.

Шнирельман В.А. Происхождение скотоводства. М., 1980.

Шнирельман В.А. Классообразование и дифференциация культуры (по океанийским этнографическим материалам) // Этнографические исследования развития культуры. М., 1985.

Шнирельман В.А. "Неолитическая революция" и неравномерность исторического развития // Проблемы переходного периода и переходных общественных отношений (Проблемы неравномерности общественного развития). М., 1986.

Шнирельман В.А. Возникновение производящего хозяйства. М., 1989.

Шнирельман В.А. "Диффузия идей", кризисы и хозяйственная динамика в традиционных обществах // СЭ. 1991. № 2.

Штаерман Е.М. Античное общество. Модернизация истории и исторические аналоги // ПИДО. Т.1. М., 1968.

Штейнберг Е. Очерки истории Туркмении. М.-Л., 1934.

Шульц П.Н. О работах Евпаторийской экспедиции // СА. Вып.Ш. М.-Л., 1937.

Эванс-Причард Э.Э. Нуэры. Описание способов жизнеобеспечения и политических институтов одного из нилотских народов. М., 1985.

Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного. М., 1984.

Эрдниева К.О. К истории изучения вопроса о специфике феодальных отношений у кочевых народов в советской исторической литературе // Изв. Северо-Кавк. науч. центра выс. школы. Общ. науки. 1985. № 1.

Эфендиев М.М. О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевников-скотоводов // ВИ. 1955. № 11.

Юшков С.В. К вопросу о дофеодалном ("варварском") государстве // ВИ. 1946. № 7.

Юшков С.В. К вопросу о феодальной собственности в досоветском Казахстане // ВАН КазССР. 1951. № 9.

Якубовский А.Ю. Книга Б.Я.Владимирцова "Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм" и перспективы дальнейшего изучения Золотой Орды // Исторический сборник. Т.У. М.-Л., 1936.

Ямсков А.Н. Экологические факторы эволюции форм скотоводства у тюркоязычных народов Северного Кавказа // СЭ. 1986. № 5.

Adams R.M. The Evolution of Urban Society: Early Mesopotamia and Prehispanic Mexico. Chicago, 1966.

Bacon E. Obok. A Study of Social Structure in Eurasia. N.Y., 1958.

Black-Michaud J. Sheep and Land: The economics of power in a tribal society. Cambridge, 1986.

Bodini J. Mohotus at facilem historiarum cognitionem // Oenres philosophiques de Jean Bodini. Paris, 1951.

Bonte P. Organisation économique et sociale des pasteurs d'Afrique orientale // Les cahiers du CERM. No 110. Etudes sur les sociétés de pasteurs nomades. 2. 1974. 2.

Bonte P. L'Organisation économique des Toureg Kel Gress // Elements d'Ethnologie. Paris, 1975.

Bonte P. Non-Stratified social formations among pastoral nomads // The Evolution of social systems. Pittsburgh, 1978.

Bonte P. Segmentarite et pouvoir chez les éleveurs nomades sahariens. Elements d'une problématique // Pastoral Production and Society. Cambridge, 1979.

Bonte P. Ecological and Economic Factors in the Determination of Pastoral specialisation // J. of Asian and African Studies. V. 16. 1981. No 1-2.

Bourgeot A. Nomadic Pastoral Society and the Market // J. of Asian and African Studies. V. 16. 1981. No 1-2.

Bratkiewicz J. Współczesny stan badań nad "azjatycką" formacją społeczną. Wrocław etc., 1988.

Bratkiewicz J. Teoria przedkapitalistycznej formacji społecznej w kulturach orientalnych: Interpretacja badań i polemik. Wrocław etc., 1989.

Brentjes B. Die Entwicklung des Nomadismus in Alten Orient nach archäologischen Quellen und unter Berücksichtigung der Postgalazialen Klimaschwankungen // Die Nomaden in Geschichte und Gegenwart (VM.Bd.33). Berlin, 1981.

Brentjes B. Der Begriff der "militarischen Demokratie" und der Übergang zur Klassengesellschaft in Altvorderasien // EAZ. Jg. 25. 1984. No 3.

Cahun L. Introduction a l'histoire de l'Asie. Turcs et Mongols, des origines jusqu'a 1405. Paris, 1896.

The Cambridge History of Early Inner Asia / Ed. by D.Sinor. Cambridge, 1990.

Carneiro R.L. The chiefdom: presursor of the state // The Transition to Statehood in the New World. Cambridge, 1981.

Childe V.G. The Urban Revolution // Town Planning Review. 1950. 21 (1).

Claessen H.J.M. The Early State: A Structural Approach // The Early State. The Hague, 1978.

Claessen H.J.M. The Internal Dynamics of the Early State// Current Anthropology. V. 25. 1984. No 4.

Claessen H.J.M., Skalnik P. The Early State: Models and Reality // The Early State. The Hague, 1978.

Claessen H.J.M., Skalnik P. The Early State: Theories and Hypotheses // The Early State. The Hague, 1978a.

Claessen H.J.M., Skalnik P. Ubi sumus? The Study of the State Conference in Retrospekt // The Study of the State. The Hague, 1981.

Claessen H.J.M., Van de Velde P. Introduction // Early State Dynamics. Leiden etc., 1987.

Cohen R. State Foundations: A Controlled Comparison // The Origins of the State. Philadelphia, 1978.

Cohen R. State Origins: A Reappraisal // The Early State. The Hague, 1978a.

Cohen R. Evolution, Fission and the Early State // The Study of the State. The Hague, 1981.

Deguignes J. Histoire generale des Huns, des Turcs, des Mongols et des autres Tartares occidentaux. Paris, 1756-1758.

The Desert and the Sown. Nomads in the wider society. Berkley, 1973.

- Earle T. Chiefdom in archaeological and ethnohistorical Perspective // *Ann. Rev. Anthropol.* V.16. 1987. No
- Eberhard W. *Conquerors and Rulers: social forces in medieval China.* Leiden, 1952.
- Escedy I. Nomads in history and historical research // *Acta Orientalia Hungarica.* F. XXIV. 1981. F. 2-3.
- Fletcher J. The Mongols: Ecological and social perspectives // *Harv. J. of Asian Studies.* V. 46. 1986. No 1.
- Franke G. Fremdherrschaften in China und Einfluss auf die staatlichen Institutionen (10 - 14 Jahrhundert) // *Anziger der Österreichischen Acad. der Wissenschaften.* Bd. 122. 1985. No 3.
- Franke H. The Role of the state as a structural element in Polyethnic societies // *Foundations and Limits of State Power in China.* London, 1987.
- Fried M. *The Evolution of Political Society.* N.Y., 1967.
- Gailey G. The State of the State in Anthropology // *Dialectical Anthropology.* V. 9. 1985. No 1-4.
- Gellner E. Foreword // *Khazanov,* 1984.
- Gellner E. Soviets against Wittfogel, or the anthropological preconditions of mature marxism // *Differences, valeurs, hierarchies.* Paris, 1984a.
- Gellner E. *State and Society in Soviet Thought.* Oxford, 1988.
- Goldschmidt W. A General Model for Pastoral Social Systems // *Pastoral Production and Society.* Paris etc., 1979.
- Grousset R. *The Empire of the Steppes. A History of Central Asia.* New Brunswick, 1970.
- Grünert H. Diskussionbemerkungen zu W.König, 1974 // *Grünert, König,* 1974.
- Grünert H., König W. Die Nomadenviehzucht als wirtschaftlich kultureller Typ (Bericht vom 3. EAZ - Kolloquium, Leipzig 1973) // *EAZ.* Jg. 15. 1974. No 3.
- Guhr G. *Militärische Demokratie* // *JB.* Bd. 36. Berlin, 1985.
- Hass J. *The Evolution of the Prehistoric State.* N.Y., 1982
- Hartwig W. Die "Spezifik" der gesellschaftlichen Organisationen der Nomadenviehzüchter // *EAZ.* Jg. 15. 1974. No 4.

- Häusler A. Zur Sozialstruktur der Skythen // EAZ. Jg. 25. 1984. No 3.
- Helfgott L. Tribalism as a Socioeconomic Formation in Iranian History // Iranian Studies. V.10. 1977. No 1-2.
- Herrmann J. Militärische Demokratie und Übergangsperiode zur Klassengesellschaft // EAZ. Jg. 23. 1982. No 1.
- Herrmann J. Militärische Demokratie und Allodismus in Mitteleuropa zwischen Antike und Feudalgesellschaft // EAZ. Jg. 28. 1987. No 2.
- Hindess B., Hirst P. Pre-Capitalist Modes of Production. London, 1975.
- Hoffman T. Viehhaltung, Nomadenwirtschaft und Bauerkultur Europas // Die Nomaden in Geschichte und Gegenwart (VM.Bd.33). Berlin, 1981.
- Howorth H.H. History of the Mongols from 9th to the 19th Century. V. I - IV. London, 1876-1927.
- Jetmar K. Die Bedeutung politischer Zentren für die Entstehung der Reiternomaden Zentralasiens // Die Nomaden in Geschichte und Gegenwart (VM. Bd. 33). Berlin, 1981.
- Johnson A., Earle T. The Evolution of Human Societies: From Foraging Group to Agrarian State. Stanford, 1987.
- Johnson D. The Nature of Nomadism: A Comparative Study of Pastoral Migrations in Southwestern Asia and Northern Africa. Chicago, 1969.
- Johnson G. Decision-Making Organization and Pastoral Nomad Camp Size // Human Ecology. V. 11. 1983. No 2.
- Khazanov A.M. Characteristic Features of Nomadic Communities in the Eurasian Steppes // The Nomadic Alternative. The Hague, 1978.
- Khazanov A.M. The Origin of Ghengiz Khan's State: An Anthropological Approach // Etnografia Polska. T. XXIV. 1980.Pt.1.
- Khazanov A.M. The Early State Among the Eurasian Nomads// The Study of the State. The Hague, 1981.
- Khazanov A.M. Nomads and the Outside World. Cambridge, 1984.
- Khazanov A.M. Ecological limitations of nomadism in the Eurasian steppes and their social and cultural implications// Asian and African Studies. V.24. 1990. No 1.

Khazanov A.M. Pastoral Nomads in the Past, Present, and Future: A Comparative View // The Struggle for the Land: Indigenous Insight and Industrial Empire in the Semiarid World. Lincoln etc., 1990a.

Khazanov A.M. Pastoralists in Second and Third World Countries - The Problem of Modernization // Bulletin of the Israeli Academic Center in Cairo. 1990b. No 13.

Klengel H. Zwischen Zelt und Palast. Leipzig, 1974.

König W. Die Ahal-Teke. Zur Wirtschaft und Gesellschaft einer Turkmenen-Gruppe im 19. Jh. (VM. Bd.12). Berlin, 1962.

König W. Nomaden in Wüste, Steppe und Gebirge // Hirshennomaden und Viehzüchter (JB. Bd. 29). Leipzig, 1973.

König W. Die Nomadenviehzucht als wirtschaftlich-kultureller Typ (Thesen) // Grünert, König, 1974.

König W. Zu Fragen der Gesellschaftsorganisationen der Nomaden // Die Nomaden in Geschichte und Gegenwart (VM. Bd. 33). Berlin, 1981.

Krader L. Feudalism and the Tatar Polity // Comparative Studies in Society and History. V. 1. 1955.

Krader L. The Ecology of Nomadic Pastoralism // International Social J. V.11. 1959. No 4.

Krader L. Social Organization of the Mongol-Turkic Pastoral Nomads. The Hague, 1963.

Krader L. Formation of the State. Englewood Cliffs, 1968.

Krader L. Pastoral Nomadism in Eurasia: An Evolution and its History // Proceedings VIII ICAES. V. III. Tokyo, 1968a.

Krader L. The Asiatic Mode of Production. Assen, 1975.

Krader L. The Origin of the State Among the Nomads of Asia// The Early State. The Hague, 1978.

Krader L. The Origin of the state among the nomads of Asia// Pastoral Production and Society. Paris etc., 1979.

Krader L. The Origin of the state among the nomads of Asia// Die Nomaden in Geschichte und Gegenwart (VM. Bd.33). Berlin, 1981.

Kreissig H. Diskussionbemerkungen zu W.König, 1974 // Grünert, König, 1974.

Kwantes L. Imperial Nomads: A history of Central Asia, 500 - 1500. Philadelphia, 1979.

- Lattimore O. The Geography of Chingis Khan // The Geographical J. V. CXXIX. 1963. Pt. 1.
- Lattimore O. Inner Asian Frontiers of China. Boston, 1967.
- Lattimore O. On some questions of periodisation in nomadic history // Role of the Nomadic Peoples in the Civilization of Central Asia. Ulan-Bator, 1974.
- Lattimore O. Herdsmen, farmers, urban culture // Pastoral Production and Society. Paris etc., 1979.
- Lefebure C. Introduction: the specificity of nomadic pastoral societies // Pastoral Production and Society. Paris etc., 1979.
- Lewis J.M. A Pastoral Democracy. London, 1961.
- Lewin G. Diskussionbemerkungen zu W.König, 1974 // Grünert H., König W., 1974.
- Lindner R.P. What was a nomadic tribe? // Comparative Studies in Society and History. V. 24. 1982. No 4.
- Morgan D. The Mongols. Oxford etc., 1987.
- Njamasch M. Einige Besonderheiten der frühfeudalen Produktionsverhältnisse in Asien im Vergleich zu Europa // EAZ. Jg. 24. 1983. No 1.
- d'Osson C. Histoire des Mongols depuis Tchiguiz-Khan jusqu'à Timour bey on Tamerlan. T.I-IV. La Hay et Amsterdam, 1834-1835
- Perspectives on Nomadism. Leiden, 1972.
- Peršic A.I. Einige Fragen der Erforschung von Frühformen der Ausbeutung // JB. Bd. 36. Berlin, 1985.
- Pritsak O. Stammesnamen und Titulaturen der Altaischen Völker // Ural-Altai Jahrbücher. Bd.24. 1952. Hf. 1-2.
- Pritsak O. Studies in medivale Eurasian history. London, 1981.
- Renfrew C. The emergence of civilization: The Cyclades and Aegean in the third millenennium B.C. London, 1972.
- Rigby P. Persistent Pastoralists. London, 1985.
- Rigby P. Class formation among East African Pastoralists: Maasai of Tanzania and Kenya // Dialectical Anthropology. V. 13. 1988. No 1.
- Sahlins M. Stone Age Economics. N.Y., 1972.
- Salzman P. The Proto-State in Iranian Baluchistan // The Origins of the State. Philadelphia, 1978.

Schlette F. Zur Lebensweise und Stellung der Frau bei den skythischen Stämmen // EAZ. Jg. 28. 1987. No 2.

Seiwert W.-D. Viehliehe und soziale Abhängigkeit bei den Hirtennomaden der Westsahara // Die Nomaden in Geschichte und Gegenwart (VM. Bd.33). Berlin, 1981.

Seiwert W.-D. Hirtennomaden der Westsahara in der Übergangsperiode zur Klassengesellschaft // EAZ. Jg.25. 1984. No 3.

Seiwert W.-D. Krieg und militärische Demokratie bei den Nomaden der Westsahara // JB. Bd. 36. Berlin, 1985.

Sellnow I. Vorwort // Das Verhältnis von Bodenbauern und Viehzüchtern in historischer Sicht. Berlin, 1968.

Sellnow I. Diskussionbemerkungen zu W.König, 1974 // Grüner, König, 1974.

Sellnow I. Zur Konzeption des "frühen Staates" // EAZ. Jg. 22. 1981. No

Sellnow I. Genetile und politische Institutionen im Prozeß der Staatentstehung: Tatsachen und Theorien // EAZ. Jg. 23. 1983. No 1.

Sellnow I. Über den Beginn antagonistischer Widersprüche und die Frühformrn sozialer Auseinandersetzungen // EAZ. Jg. 25. 1984. No 3.

Sellnow I. Neuere ethnologische Theorien zur Staatentstehung // Familie, Staat und Gesellschaftsformation. Berlin, 1988

Service E. Primitive Social Organization (2en ed.). N.Y. 1971.

Service E. Origins of the State and Civilization. N.Y., 1975.

Simon R. Symbiosis of Nomads and Sedentaries. On the Character of the Middle-Eastern Civilization // Acta Orientalia Hungarica. T. XXXV. 1981. F. 2-3.

Skalnik P. The Early State as a Process // The Early State. The Hague, 1978.

Spencer Ch.S. On the tempo and mode of state formation: Neoevolutionism Reconsidered // J. of anthropol. archaeology. V. 9. 1990. No 1.

Spuler B. Die Mongolen in Iran. Politic, Verwalterung und Kultur der Il-chanzeit 1220-1350. Berlin, 1955.

Spuler B. Die Goldene Horde. Die Mongolen in Russland. 1223-1350. Wiesbaden; 1965.

- Steinhart E.I. *Ankole: Pastoral Hegemony // The Early State*. The Hague, 1978.
- Suret-Canal J. *Problemes theoreques de l'etude des premieres societes de classes // Recherches internationales a la lumiere du marxisme*. No 57-58. Paris, 1967.
- Thapar R. *The State as Empire // The Study of the State*. The Hague, 1981.
- Tökei F. *A note on nomadism // Acta Orientalia Hungarica*. T. XXXVI. 1982. F.1-3.
- Tollefson K.D. *The Snogualme: A puget sound chiefdom // Ethnology*. V. 26. 1987. No 2.
- Toynbee A. *A Study of History*. V. III. London, 1934.
- Treide D. *Zur Methode der Formationsanalyse: Dr. sc. diss. thesen*. Leipzig, 1981 // *EAZ*. Jg. 24. 1983. No 1.
- Treide D., Treide B. *Das Konzept der militärischen Demokratie und einige Fragen der ethnographischen Forschung // EAZ*. Jg. 25. 1984. No 3.
- Turnwald R. *Die Menschliche Gesellschaft*. V. 4. Berlin, Leipzig, 1935.
- Vardiman E.E. *Nomaden*. Wien, Düsseldorf, 1977.
- Weber M. *Wirtschaft und Gesellschaft (Grundriss der Sozialökonomik. Abt. III)*. Tübingen, 1922.
- Werner E. *Zwei Bemerkungen zum Nomadenwesen // EAZ*. Jg. 17. 1976. No 2.
- Wittfogel K.A. *Oriental Despotism: A Study of Total Power*. New Haven, 1957.
- Wittfogel K.A., Fêng Chiashêng. *History of Chinese Society Liao (907-1125)*. Philadelphia, 1949.
- Wojna R. *Weliki swiat nomadow: Nieszy chinami i Europa*. Warshawa, 1983.
- Wright H., Johnson G. *Population, exchange and early state formation in Soutwestern Iran // Amer. Anthropol*. V.77.1975.
- Yamada N. *Formation of the Hsiung-nu state // Acta Orientalia Hungarica*. T. XXXVI. 1982. F. 1-3.
- Zagarell A. *Institutional Leadership among Nomadic Groups // Familie, Staat und Gesellschaftsformation*. Berlin, 1988.

SUMMARY

N.N.KRADIN. NOMAD SOCIETIES (problems of stages characteristic).- Vladivostok, 1992.- 240 p.

The book is devoted to the analysis of nomadism's economic, socio-economic and sociopolitical subsystems and to the determination of its place in the world historical evolution.

In PREFACE the crisis of marxists method of approach to nomadism is shown and autor's methodological principle are given. Among these principles there are such as: 1) marxism is only one of possible method of approach to the society; 2) recognition of polysystemic character of society's bio-social structure; 3) recognition of polylinear character of the social evolution; 4) discrimination between approach by stages (primitive, traditional, industrial and postindustrial societies) and typological (interstaged) one.

In INTRODUCTION the history of discussion of the nomadism's position in the world history is set forth. It is significant that the conclusion about primitive nature of nomadic societies was mainly specific for russian (before 1917) and western studies of XVIII-XX cc. In soviet studies, dogmatic theory of nomadic feudalism predominated for a long time. At present there are the following main points of view upon nomadism: 1) primitive, pre-class society; 2) early state; 3) feudalism; 4) nomadic mode of production.

CHAPTER ONE is devoted to the economy of nomadism. It was extensive and depended on ecology greatly. All nomads' energy could not be used in pastoral economy. Nomads needed products of agriculture and handicraft. It urged them to trade and to be at war with agricultures. In case of war they needed integration into "tribal confederation", chiefdom or nomad empire.

In the SECOND CHAPTER relations of ownership of land and cattle, forms of domination and exploitation between rich and poor herdsmen are concerned. The cattle was a private property and the land was a common property. There was in a limited degree a slavery, exploitation of clients ("saun"), embryos

redistribution and tax exploitation of free herdsmen at nomads. The war, robbery, intermediary trade and tribute from agriculturists were the main forms of exploitation at pastoral nomads.

In the **THIRD CHAPTER** socio-political organization of nomads is analysed. This organization had not changed since the beginnings of pastoralism till its decay. According to their internal development nomads were a chiefdom, but in relation to townspeople and agriculturists they made specific external exploiting state. It is possible to call such society and form of exploitation as *exopolitary* (Greek: "exo"- outside, "politia"- society, state). In such society nomadic chiefs were officials and military commanders and ordinary herdsmen were soldiers. The largest form of nomad exopolitary societies is nomad empire. It is possible to distinguish three types of nomad empires: 1) typical; 2) tributal; 3) transitional.

In **CONCLUSION** nomad societies are compared with "ideal types" of different modes of production: primitive, asian, antique-slaveowning and feudal. Nomadism belongs to primitive and traditional stages, but its development potentiality is inferior to agrarian-urban societies. Nomadism typologically is a special blind way of social evolution. The base of it is exopolitary mode of production, which was spread not only at nomads but also at vikings, cossacks, pirates and robbers.